

Ф. Х. ГУТНОВ

ГЕНЕАЛОГИЧЕСКИЕ
ПРЕДАНИЯ ОСЕТИН
КАК ИСТОРИЧЕСКИЙ
ИСТОЧНИК

Ф. Х. ГУТНОВ

**ГЕНЕАЛОГИЧЕСКИЕ
ПРЕДАНИЯ ОСЕТИН
КАК
ИСТОРИЧЕСКИЙ
ИСТОЧНИК**

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ИР»
ОРДЖОНИКИДЗЕ * 1989

63.2 (2Р—6Осет)
Г97

Рецензенты: Б. А. Калоев, доктор исторических наук,
Л. А. Чибиров, доктор исторических наук

Г97 Гутнов Ф. Х.
Генеалогические предания осетин как исторический
источник. — Орджоникидзе: Ир, 1989. — 177 с.
ISBN 5-7534-0173-2

Г $\frac{0505040000-27}{M131(03)-89}$ 88—89

63.2 (2Р—6Осет)

ISBN 5-7534-0173-2

© Издательство «Ир», 1989

ВВЕДЕНИЕ

В рамках исторической науки усвоение опыта прошлого с учетом потребностей современности происходит как процесс осмысления существующего историографического знания в свете актуальных задач практики. В. И. Ленин, касаясь вопросов текущей внутренней и внешней политики, неоднократно приводил примеры из событий прошедших эпох. Обращение к истории диктовалось необходимостью извлечь из нее определенный урок с тем, чтобы перейти от прошлого к настоящему и наметить правильные шаги в будущее. Как бы далеко любая историческая эпоха не отстояла от сегодняшнего дня, она не утрачивает связи с современностью настолько, чтобы познание ее было свободным от социально-преобразующей практики современности. Последняя неизбежно заставляет рассматривать каждую прошедшую историческую эпоху с позиции запросов настоящего, что является источником творческой активности советских историков, их заинтересованного отношения к прошлому. Сказанное не следует понимать как попытку модернизировать историю, как узорь классового пристрастия, лишаящую нашу историческую науку объективности, ибо в конечном итоге цель состоит в удержании и сохранении опыта прошлого для настоящего и будущего. Если какой-либо исторический сюжет пишется с позиций современности, с точки зрения ценностей настоящего, то самой большой ценностью для наших современников является обладание истинным знанием о минувшем. (198, с. 13, 57; 134, с. 34—38). С этих позиций автор данной работы попытается взглянуть на некоторые проблемы истории средневековой Осетии через призму генеалогических преданий.

Изучение истории Осетии средневекового периода затрудняется скудностью нарративных памятников. В советской историографии высказывалось мнение о существовании письменности у алан (182), но примеров, под-

тверждающих это, чрезвычайно мало. На территории Аланского государства и позднейших осетинских обществ сохранилось лишь несколько крупных памятников: Зеленчукская (X в.) и Трусовская (XIV в.) надписи, Нузальская эпитафия на грузинском языке, хазнидонские надмогильные надписи на арабском и турецком языках (58, с. 260—270; 113, с. 6—8; 127, с. 8—22; 237, с. 3—5; 377, с. 44—85; 405, с. 41—57). При ограниченности числа нарративных памятников возрастает роль данных археологии, этнографии, фольклора¹ и т. д.

В последние годы интерес к памятникам устного народного творчества возрос практически повсеместно. Это во многом связано с функцией фольклора как эффективного инструмента творчества, воспитания и передачи ценностей. «Люди во всем мире,— отмечает в связи с этим Ж.-П. Гибер,— начинают ощущать потребность познать свои корни, сохранить самобытность. Без самопознания и самоуважения невозможно познать и научиться уважать других; культурное многообразие, являющееся причиной различий между людьми, служит благодаря этим самым различиям самобытности человеческого рода». Далеко не случайно ЮНЕСКО «вплотную занялась проблемой сохранения фольклора» (269, с. 24).

Возрастание интереса к памятникам устного народного творчества отмечено и в нашей стране. Среди жанров фольклора особую значимость для историка представляют предания². Одной из особенностей преданий (генеалогических в первую очередь) является фиксация не просто исторических фактов, а их отражение в связи с определенной мировоззренческой моделью (237, с. 341—345). Родословные рассказы, появившиеся далеко не на первом этапе становления классового общества, представляют собой продукт его развития. Данные произведения создавались с целью идеологического обоснования привилегий, «законности» основ господства над трудящимся населением и возможности эксплуатации крестьян. Вообще ни один эксплуататорский класс не отказался от попытки оправдать свое господство

---

¹ В самом общем виде фольклор — совокупность устных текстов, функционирующих (или функционировавших) в быту какого-либо этноса, или его какой-либо локальной, профессиональной, профессиональной или иной первичной, контактной (т. е. осуществляющий внутри себя прямую, от человека к человеку, коммуникацию) группы (462, с. 6. 30).

² Под преданием понимается устный, имеющий установку на достоверность, прозаический рассказ, основное содержание которого составляет описание реальных или вполне возможных фактов. Сведения, сообщаемые им, представляли интерес для той общественной среды, в которой оно бытовало (см. 396, с. 7—8).

средствами идеологического воздействия (177, с. 107). Реакцией на «аристократические» предания стало возникновение «демократических» вариантов, т. е. бытовавших среди горской бедноты рассказов о первопредках феодалов. Субъективность обоих типов произведений очевидна. Тем не менее, из-за чрезвычайной скудности источниковой базы изучения средневековой Осетии без привлечения критически обработанного фольклорного материала практически невозможно. Попытка З. Н. Ванеева при помощи гипотез и ретроспективного метода анализа этнографических сведений (чуть ли не конца XIX в.) воссоздать историю алан—оссов XII—XVI вв. (84), оказалась не совсем удачной. Обращая на это внимание, В. А. Кузнецов и М. В. Бибииков указали на некоторые ошибочные результаты, полученные при помощи такого метода (138, с. 199; 233, с. 142). Учитывая фрагментарность материалов XII—XVI вв., Б. В. Скитский рекомендовал обращаться к фольклору, который считал «основным источником для познания» генезиса феодализма в Осетии (180, с. 76). Правда, ученый ограничился лишь постановкой вопроса и не развернул свой тезис.

Дореволюционная историография оставила немало примеров использования преданий о прародителях местных феодалов — Таге, Куртате, Баделе и др. — для реконструкции истории средневековой Осетии. В. Б. Пфаф не доверял легендам, а К. Красницкий и Н. Ф. Дубровин, напротив, целиком полагались на народные предания, принимая их содержание за абсолютную истину. М. М. Ковалевский своими комментариями фольклорных сюжетов фактически вкладывал в них новый смысл, новое содержание. В работе с памятниками устного народного творчества для дореволюционных кавказоведов характерен общий недостаток: как правило, анализ комплекса различных редакций (ср.: 292, с. 441) подменялся пересказом какой-либо одной из них: или «аристократической» или «демократической». С иных методологических позиций используют фольклорное наследие советские специалисты, усилиями которых методика фольклорного анализа доведена до высокого уровня. Однако кавказоведы все еще крайне редко обращаются к фольклору, в частности к генеалогическим преданиям; хотя А. В. Гадло наглядно продемонстрировал плодотворность использования памятников этого жанра устного народного творчества в конкретных исследованиях (261, с. 25—33). Историография Осетии по рассматриваемой проблеме практически ограничивается лишь статьями Б. А. Калоева (301, с. 207—214) и В. С. Уарзиати (406, с. 85—91). Отсюда и задачи данной работы: определить источниковедческую значимость генеалогических преданий и попытаться выявить историческую информацию, содержащуюся в них.

ИСТОЧНИКИ.

МЕТОДИКА ФОЛЬКЛОРНОГО АНАЛИЗА

Уже из названия работы следует, что основным ее источником являются генеалогические предания, т. е. фольклорные памятники. Долгое время сведения фольклора использовались только в качестве иллюстративного материала. Между тем, В. И. Ленин придавал большое значение устному народному творчеству как историческому источнику (236, с. 117—131). На заре советского кавказоведения Г. Ф. Чурсин, рассматривая источниковедческие проблемы, писал: «Неисчерпаемые богатства народного творчества — легенды, сказания, песни, пословицы и проч., будучи обстоятельно собраны и научно обработаны, могли бы дать богатейший материал для изучения кавказских народов» (423, с. 206). Сказанное относится и к генеалогическим преданиям и родословным росписям. Академик С. Б. Веселовский в связи с острым недостатком письменных памятников по Северному Кавказу генеалогические данные называл «ценнейшим материалом» (89, с. 212—213).

Генеалогические предания осетин стали фиксироваться с последней четверти XVIII в. (Штедер, И. Болгарский и др.). Фонд записей преданий пополняется и в настоящее время. Автор сознательно отказался от использования памятников устного народного творчества, собранных после Октябрьской революции. Советский образ жизни радикально изменил психологию трудящихся страны, что отразилось и на фольклорных произведениях. Проиллюстрируем сказанное одним характерным примером. В послевоенное время в с. Ход бытовала следующая версия о появлении дигорских баделей.

«Приблизительно в XVII—XVIII вв. Баделий пришел со своим старшим братом Ако в Северную Осетию со стороны Грузии через Дагестан». После долгих скитаний Бадел оказался в Махческе. По решению схода, за умеренную плату его назначили пастухом телят. «Все условия месячной и годовой зарплаты Баделию зафиксировали векселем (договором) с утверждением подписями,... Копия этого договора хранилась у Баделия». Через 2—3 года его назначили пастухом крупного рогатого скота и увеличили «зарплату». Так он проработал еще 5 лет. «После этого за хорошую работу дигорский народ, во главе Дигор-Кабана его назначает охранником сенокосных и урожайных полей по Дигорскому ущелью, вновь повысив «зарплату». Наконец, «за хорошую работу» Баделу предоставили «отпуск домой на Родину в Маджар» (435, с. 1—8).

Как видно, через рассказ красной нитью проводится один из

принципов социализма: оплата по труду, а «продвижение» Ба-дела объясняется его добросовестным отношением к своим обя-занностям. От древнего предания в этой версии практически ни-чего не осталось.

В работе с генеалогическими преданиями необходимо учиты-вать сложный путь развития, который прошел фольклор горцев Северного Кавказа, как и народов всего мира. Одни образы со временем стерлись из памяти народа, другие существенно изме-нились, третьи возникли позже первых и т. д. Механический пе-ренос современных фольклорных сюжетов в далекое прошлое, с чем нередко приходится сталкиваться, не всегда оправдан (335, с. 41).

Автор счел возможным не прибегать к современным записям еще по одной причине: в дореволюционных публикациях содер-жится большое количество различных вариантов генеалогических преданий. Множество редакций сохранилось в делах сословных комитетов и комиссий середины XIX в. (20, а-е). Рамки данной работы не позволяют привести весь корпус имеющихся источни-ков. Однако представляется целесообразным привести некоторые редакции, бытовавшие в разных уголках Осетии.

1

«Эльдары в числе 8-ми фамилий: Тулатовой, Кундуховой, Ал-датовой, Тугановой, Мамсуровой, Есеновой, Кануковой и Шана-евой, выводят свое происхождение от родоначальника их Таги, или Тагаура,— наследника Армянского царства, который по смерти отца хотя вступил на престол, но вскоре, по причине предстоявшей ему опасности со стороны двоюродных братьев, возмущивших против него народ, бежал из Армении с нескольки-ми человеками дворовых людей и прибыл на Кавказ. Сначала Тагаур поселился в Абхазии, потом (неизвестно почему) перешел в Осетию и в Куртатинском ущелье построил себе башню, где прожил до глубокой старости, пользуясь в преданном ему народе большими почестями и уважением.

Тагаур имел двух сыновей: Камбия и Шана, от которых прои-зошло настоящее потомство Эльдаров. Сыновья Камбия — Тлат, Алдат и Знаур, по праву первородства, желая сосредоточить в своих руках власть над народом, убили двоюродных братьев своих, рожденных от Шана, дяди их, кроме малолетнего Тотика. По совершении этого убийства, Камбий с сыновьями своими и несколькими приверженцами, бежал от Куртатинцев, из боязни их мщенья. Не имея нигде пристанища, Камбий долго скрывался в лесах, наконец поселился в ущелье Гизель-Дон, куда пригласил на жительство людей из разных соседних племен и из них

основал там аул под названием Даргавс. В последствии времени, после смерти Камбия, сыновья его: Тлат и Алдат перешли в Фридон и построили там аул Саниба, а Есен, сын Знаура, занял земли в ущельи Куридон, где построил также свой аул и назвал его Верхний Саниба.

Наследники Тлата впоследствии оставили Саниба и перешли на жительство в ущелье Кобань. В настоящее время многие Эльдары и до сих пор живут на прежних местах, а прочие поселились на плоскости на землях, отведенных уже Русским Правительством.

К числу Тагаурских Эльдар принадлежат еще три фамилии: Дударова, Тхостова и Джантиева. Фамилии эти хотя не происходят от Тагаура, родоначальника настоящих Эльдар, но они пользовались одинаковыми правами с Эльдарами и вместе с ними утверждены уже в этом достоинстве.

По собранным сведениям видно, что предок Дударовых — Дудар, выходец из Кистинии, который перешел на жительство к Тагаурцам назад тому лет 300; первоначально он занял Ларскую землю, никому не принадлежавшую, потом, с умножением народонаселения, потомки его заняли Чмийскую землю и, наконец, постепенно Балтинскую и Редантскую.

Фамилия Тхостова хотя выводит происхождение свое от Тагаура, показав в представленных ими родословных, что предок их Тхост — сын Таги, но Депутаты Тагаурские, отвергли это показание и решительно не признали их по происхождению от общего родоначальника их Тагаура. ...Джантиева фамилия происходит от Закавказских Осетин. Предок которых лет двести назад перешел на жительство в тагаурское общество и поселился в ущельи Какадур, где и по настоящее время живут настоящие потомки его, которые с давних времен пользуются равными правами и преимуществами с Эльдарами Тагаурскими, что подтвердили депутаты Дигорского, Куртатинского и Назрановского обществ».

Записка о происхождении личных и поземельных прав и взаимных отношениях жителей Военно-Осетинского округа. 1860 г.— Архив СОНИИ, ф. 16, оп. 1, д. 26, л. 2—3 об.

«Сословие узданьялаг состоит из 11-ти фамилий, ...Права свои на узданьялагское достоинство фамилии эти основывают на следующем народном предании.

Тагаур¹, родоначальник этого народа, был, неизвестно когда и при каком царе, наследником армянского престола. Когда по смерти отца, ему, как старшему сыну, достался престол, то братья его от другой матери, желая воцарить старшего из них, возмutilили народ против Тагаура и хотели убить его.

Тагаур, видя неминуемую гибель свою, бежал из Армении к иронам или осетинам, жившим в горах на севере от Мингрелии и Имеретии. Он привел туда с собою несколько дворовых людей (кавдасардов) и привез много денег и дорогой посуды, состоящей из небольших круглых серебряных столов, котлов, больших и малых чаш и прочего. Ироны, узнав о происхождении Тагаура, сделали его своим воздем. Тагаур женился и имел двух сыновей: Камбия и Тотека. Камбий имел трех сыновей: Тлате, Албаше и Азнауре; Тотек — одного Сане.

По каким-то ссорам с иронами четыре внука Тагауровы перешли от них со своими людьми и имуществом в Куртатинское ущелье, где и поныне сохранились развалины их замка.

Поссорившись впоследствии с куртатинцами, тагаурцы переселились в соседственное ущелье, прозванное от их народа тагаурским. С ними туда перешли их дворовые люди (кавдасарды), купленные рабы (гурзиаки) и присоединившиеся к ним из разных племен вольные люди (фарсаглаги). Все эти люди поселились на реке Дарговсе, где тогда не нашли никаких жителей.

С размножением тагаурского народа ему стало тесно на реке Дарговсе. Поэтому избыток населения разошелся в ближайшие пустынные ущелья, причем девять правнуков тагауровых дали начало девяти узданьлагским фамилиям: 1—Тлата, 2—Кондеха (дети Тлата, сына Камбиева, сына Тагаурова), 3—Алдате, 4—Тугане, 5—Тхосте (дети Алдата, сына Камбиева, сына Тагаурова), 6—Мамсоре, 7—Есене, 8—Канукое (дети Азнаура, сына Камбиева, сына Тагаурова), 9—Санай (дети Сана, сына Тотека, сына Тагаурова).

Эти девять фамилий расположились жить: Тлате на речке Гизельдоне, Кондехе на речке Фиагдоне, Алдате, Тхосте, Мамсоре остались в селении Дарговсе на речке того же имени, Тугане на речке Тишенкау, Есене на речке Каурадоне, Канукое на речке верхняя Кубань, Санай на речке Канидон.

Скоро после прибытия туда тагаурцев, переселилась в их соседство, в это же ущелье, почетная осетинская фамилия Дударе. Тагаурские узданьлаги, по уважению к ее происхождению, связям и способам, приняли ее в свой народ и в свое сословие узданьлаг.

---

¹ Армянское слово тагаур означает по-русски: корононосец — наследник престола. — Прим. Ф. Л.

Таким образом, фамилия Дударе составила 10-ю фамилию тагаурских узданьлаз и стала наравне с прочими охранять и исправлять горную дорогу, пролегающую в их ущельи, и получать 10-ю часть сбора, взимаемого с купцов и товаров, следовавших этою дорогою».

Леонтович Ф. И. Адагы кавказских горцев. Одесса, 1883, в. II, с. 9—11.

3

«В глухом ущелье горной Осетии, на вершине отвесной скалы высится древняя башня. ...Это была знаменитая башня. Народная молва приписывала ее постройку родоначальникам осетин — двум братьям Тага и Курта.

Здесь на малодоступной горной вершине нашли они себе первоначальное убежище и здесь же решили воздвигнуть надежное жилище. ...Старший брат—Тага—проводил все время в бранных поездках, а младший — Курта занимался земледелием.

Не по душе приходилось последнему постоянное безделье удалого брата, и глухая, скрытая неприязнь к нему дошла до ссоры, которая и довела двух братьев до открытой вражды между собою и полного разрыва. Но Курта оказался сильнее Тага и выгнал последнего из дома. Затаив злобу против брата, Тага ушел в соседнее ущелье.

Время шло. Сменялось одно поколение за другим. Размножились потомства обоих братьев, но вражда между двумя родами не прекращалась. Не раз отважные потомки Тага — тагаурцы угоняли стада куртатинцев, не раз пролитая с обеих сторон кровь усиливала существующую вражду. Тяжело приходилось жить более миролюбивым куртатинцам, от тагаурских наездников не было им ни прохода, ни проезда. Особенно любили тагаурцы угонять куртатинские стада и табуны».

Осетинская легенда «Ларс и Хуха». — Казбек, 1902, № 1446.

4

«Аллагирцы, опровергая происхождение тагаурцев от армян, утверждают, что все эти 3 осетинские общества, т. е. аллагирцы, куртатинцы и тагаурцы, происходят от одного и того же корня и рассказывают о происхождении их следующее:

В старинное время, неизвестно когда, вышли из Мислуга (страны далеко на юге) три брата воеводы, по имени Ос, Картул и Лек. Ос завладел страной около города горы, от него происходят осетинцы; Картул основал около Тифлиса свое царство, от

него происходят картатинцы. Лек пошел дальше на восток и основал там свое царство, от него происходят лезгинцы.

Некоторое время после прибытия Оса в горы, персидский шах Хела объявил ему войну, напал на него в деревне Закай, разбил его войска, убил самого Оса и покорил тамошних осетин.

Вследствии этого сражения, сыновья Оса, по имени Ос Богатырь и Ос Челатырь, убегая от шаха Хелы, перешли со своими приверженными людьми через кавказский хребет и расположились в Аллагирском ущельи, где четыре внука Оса: Сидамон, Дцадардзон, Агузон, Кусакон, для защиты против грузин и персиян, построили каменную стену, высотой в 9 аршин и толщиной в 3 аршина. Развалины этой стены еще видны в Аллагирском ущельи.

По каким-то внутренним распрям два брата, правнуки Сидамона, по имени Курта и Тага, переселились из Аллагирского ущелья в соседственное, названное по имени Курта Куртатинским ущельем. Здесь эти два брата жили долгое время мирно, построили каменную стену против нашествия грузин, построили себе дома и башни для общей против врагов защиты. Но впоследствии эти два брата поссорились между собою. Ссора кончилась тем, что Курта с своими приверженцами людьми выгнал Тагу со всеми его людьми из Куртатинского ущелья. Тогда Тага со своими приверженными людьми расположился в соседнем ущельи, названном по его имени Тагаурским».

Леонтович Ф. И. Адамы кавказских горцев. Одесса, 1883, в. II, с. 18—19.

5

«Между жителями Кавказских гор полагают вообще, что наименования народов произошли от имени их родоначальников. Таким образом, в Осетии, о которой идет речь, в верховьях Аллагирского ущелья, в очень древней церкви, на стене изображено фресками пять вооруженных мужчин во весь рост: лица их скоблены, вероятно, магометанами-шиитами; но над двумя из этих изображений сохранились надписи греческими буквами: Фидарос и Сослан, и совершенно безотчетное сказание осетин поясняет, что это — изображение осса-богатыря, родоначальника осетинского народа и его четырех братьев: Картлоса — родоначальника грузинского народа, Лезгоса, от которого происходят лезгинцы, Имеретоса, чье имя приняли имеретинцы, и Менгрелоса, родоначальника менгрельского народа. Не имея собственной грамотности и не разбирая греческих букв, осетины не затрудняются пояснением существующих двух надписей, не соответству-

ющих этому рассказу. Но странно, что и в Грузии повторяется басня о Картлосе и его братьях, из которых одного грузины также называют Оссом-богатырем».

Толстой В. С. Тагаурцы. — Вестник
РГО, 1854, ч. II, с. 4.

6

«Некоторые леса и рощи посвящены святым; ...Самый замечательный лесок такого рода находится в Тагаурском ущелье, в долине Савадаг² (Черный овраг) на реке того же имени; ореховый лесок этот действительно как бы невзначай забежал на середину безлесого пространства; он называется Кхетаджи-кох³ (группа Кхета). Вот его история: был некто Кхета⁴, именно когда и какого народа неизвестно. Человек этот славился своей набожностью, храбростью и удалством. Однажды поехал он к неприятелю на воровство, которое ему и удалось; но потом узнали, что Кхета напроказил, и за ним погнались. Кхета несется от неприятеля и наконец прискакивает к долине Савадаг: тут неприятели начинают его настигать, и Кхета готовится уже умирать, храбро защищаясь, но вдруг слышит он из ближайшего леса голос, призывающий его туда; однако лес был далеко еще, и Кхета отвечал весьма благоразумно, что ему нельзя добраться до леса и спасти свою голову, а потому он предлагает лесу, или части его, будет угодно, выйти ему навстречу. И вдруг, по какому-то чуду, часть орехового леса отделилась и закрыла витязя, стоявшего на том месте, где теперь лесок этот находится. Кхета спасен, лесок назван в честь его Кхетаджи-кох, и сверх того, получил священные права; его не смеют рубить, с него не собирают плодов, а кто преступит закон, тот ослепнет».

Шегрен А. М. Религиозные обряды осетин, ингушей и их соплеменников при разных случаях.—Кавказ, 1846, № 28.

7

«Гагуата... в древние времена предок их Гога поселился в горах по левую сторону реки Уруха, на земле, называемой Данифарс, где для безопасности своей построил каменные оборонительные башни, и с тех пор, живя на этом месте владельцем, ни от кого не зависимым, он, а потом потомки его увеличили вла-

² Суадаг.

³ Хетаджи кох (роща Хетага).

⁴ Хетаг.

дения свои людьми, приходившими под защиту и покровительство их, из разных соседних племен, которые по сделанному условию платили подати и почитали и уважали их как законных своих владельцев. Каковыми правами пользовались всегда и настоящие фамилии: Кобекаевы, Кануковы, Кобановы и Нейфановы, происходящие по прямой линии от предка их Гога».

Записка о происхождении личных и поземельных прав и взаимных отношениях жителей Военно-Осетинского округа. 1860 г.—
Архив СОНИИ, ф. 16, оп. I, д. 26, л. 37 об.—
38.

8

«Прошло назад тому много веков, как племя Черкезетов, населяло часть Кавказских гор, омываемых с Юго-Западной стороны Черным морем.

Будучи теснимыми римскими народами, Черкезеты удалились в пределы Персии и здесь долго были покровительствуемы Персидскими государствами. Иго кровавых междоусобий и тут не давало им покоя. Они опять возвратились под защиту скал Кавказских гор.

Время умножило Черкезетов, и они не только были опасны отважностью своею другим горским племенам, но даже цари заискивали дружбы царей их. Свобода и независимость были их жизнью; пробивая для себя дорогу мечом, они не находили для себя преград в богатых долинах Кавказа; и долго, долго переходили с одного на другое место. Имена вождей их были грозой для других племен, и потому часто приставали побежденные к ним; таким образом из Черкезетов составились народы.

Последние из вождей их, предводительствовавших ими в кочевой их жизни, были два брата: Черкезия и Шарваши, избрав лучшие для заселения ущелья и долины, лежащие по ту сторону гор, отделявших Абхазо-Карталинское царство от Кабардинских народов, начали населяться, будучи прельщены дикостью природы необитаемых до того никем мест. Но младший брат Шарваши оставил брата Черкезию и, с частью пожелавших следовать за ним, пошел к берегам Черного моря отыскивать родину своих предков. Найдя ее, он вместе с тем нашел там и народ. Покорив силою оружия, он начал здесь поселяться и впоследствии сделался властелином не только приведенных с собою и покоренных, но и смежных с населяемою им землею племен.

Этот Шарваши есть родоначальник ныне Светлейшего Князя Шарвашидзе.

Между тем Чергезия не оставлял попечением и тех, которые были ему преданы. Он начал поселять их, подавал им пример к трудам и изысканию средства к жизни из даров земли.

Несмотря на то, что соседи Чергезетова, нападали на них, но храбрый и благоразумный Чергезия отбрасывал нападающих и наказывал дерзких. Такие преимущества его противу других соплеменников своих еще более упрочили его положение с ними, и он, не говоря об общей преданности их к нему, пользовался любовью, и каждое слово его, было для остальных законом. Он был главой и вождем Черкезитов и народа их.

Предводительствуя ими, неустрашимостью своею и умом, он никогда не оставался побежденным, а напротив, слава его, привлекала к нему и другие племена; так что через несколько лет мало было одного ущелья; начали селиться другие смежные с первым. Имя Чергезия уже было известно, не как предводителя, а как великого вождя свободного племени. Он оказывал дружбу искавшим у него её, наказывал тех, которые нападали на слабых. Такие правила Чергезия обратили внимание царей Карталинских и Имеретинских, и они не прочь были оказывать ему милости свои, он пользовался ими для управляемого им народа и в преклонных уже летах, прославляемый всеми, отошел в вечность, оставив после себя трех сыновей: Карабга, Тамаза и Кантемира, от которых происходя мы, носим настоящие фамилии. Чергезеты, помня лестные подвиги покойного правителя своего, остались верными сынами его, которые будучи очевидцами добрых деяний отца своего, пошли по пути, проложенному родителем, и также вскоре приобрели любовь и преданность своего народа и были точно, как и отец, вождями Чергезет.

Сыны Чергезия, умножая население, совершенно достигли желания родителя своего, они ещё прибавили одно население, и уже оно приняло название страны Дигории. ... Появились новые деревни, и уже управление трех лиц было недостаточно: а потому братья Чергезия поставили детей своих главами новых поселений. ... многие скитавшиеся племена были приняты с своими вождями в заселенные ими места Дигории... они не лишились, однако же, права владеть приведенными ими народами; поэтому в Дигории, кроме фамилии владетелей Чергезидзе, основались и другие, получившие впоследствии название Баделидзе».

Позднее вспыхнули междоусобицы. С 1622 г. царсата были якобы союзниками имеретинского дома Багратидов.

Прошение дворян Дигорского ущелья Карабгаевых, Тамазовых и Кантемировых наместнику Кавказа вел. князю Михаилу Николаевичу. 30 октября 1863 г. — ЦГА СО АССР, ф. 256, оп. I, д. 14, л. 11—14 об.

«Три фамилии Царгасатские — Карабгаевых, Таймазовых и Кантемировых... выводя свой род от некоего Черкезие, выходца из Черного моря, который в весьма давние времена прибыл вместе с братом своим Шарвашем на Кавказ, от Шарвашиа будто бы происходят абхазские князья Шервашидзе, а Черкезий поселился было в Дигории, где он сам и ближайшие по времени потомки его имели гораздо большее значение, нежели современные баделята. К сказке этой, составленной, кажется, в последнее время, прибавляется, что у Черкезия было три сына: Карабгай, Таймаз и Кантемир, от коих-то и происходят вышепоименованные три фамилии. ...Представители от сословия черкезетов рассказывают, что предки их, желая удержать власть над народом, отдавались под защиту имеретинского царя Баграта II и служили в рядах его войска, за что были щедро награждаемы и даже признавались владетелями, с правами наследия, верхне-рачинских деревень: Геби, Чиори и Глали и т. п. Кроме того, черкезеты, в доказательство знатности своего происхождения, ссылаются на исторические указания, а именно на описание царем Вахуштом и на историю Грузии, изданную в 1827 году, в которой будто бы повествуется, между прочим, и о том, что Черкезиевы именовались владетельными князьями Дигории».

Очерк сословного строя в горских обществах Терской и Кубанской областей.—ЦГА СО АССР, ф. 262, оп. I, д. 1, л. 110 об. 111 об.

10

Хамицаевы, Татооновы, Ужеговы, Кесаевы и Ахсавоновы «происходят от пяти братьев: Хамица, Татона, Ужега, Кесая и Ахсавана. Эти пять братьев жили на земле Стырдигории на горе под названием Уал-хох, где поныне существуют развалины дома. Мы жили и живем на своей собственной земле. Никто над нами не властвовал, пользовались нашею землею мы сами, а никто другой. В последнее время прибыл к нам неизвестно откуда Царгас, проживши некоторое время между нами, Царгас отправился в Уаллагком и оттуда в Алагирское ущелье и женился на дочери Макиевых. Не имея для себя постоянного жилища, Царгас прибыл к Эликоевым, но там один из Эликоевых обесчестил жену Царгаса. По сему случаю Царгас убил своего обидчика и отправился в Стырдигор. Стырдигорцы, узнав, что Царгас убил человека, вынуждены были прогнать его. По прогнании Царгас

отправился в Мамисонское ущелье и там женился, от которой родилось у него четыре сына: Туали, Карабуго, Накор и Царгас. Из них Туали, Карабуго и Накор прибыли впоследствии в Стыр-дигор, а четвертый сын Царгас остался в Мамисоне, где поныне существует от упомянутого Царгаса фамилия Царгасановых. Родственные отношения Царгасаты Стыр-дигорские и Мамисонские соблюдали даже в наше время.

Сказанные родоначальники царгасат не имели постоянного места пребывания, были нанимаемы нами для защиты от соседних врагов Балкарцев и Сартцев. Во время таковой службы царгасаты воспользовались тем, что приняли веру Магометанскую, и Магометане, враги стыр-дигорцев, увеличив единоверство Царгасат, стали подавать помощь им; от чего Царгасаты стали влиять на нас.

Это влияние Царгасат и по настоящее время простирается на нас спорами о земле Харес».

Прошение жителей Стыр-Дигорского общества Хамицаевых, Татоновых, Ужеговых, Кесаевых и Ахсавоновых в сословный комитет. — ЦГА СО АССР, ф. 262, оп. I, д. 10, св. 2, л. 49—50.

11

«... в самые древние времена прибыл в Дигорию из племени Маджаров, один вольный человек, по имени Бадел, он, по просьбе, был принят, как гость, наделен был землею и другими средствами к жизни, а как дигорцы враждовали с донифарсцами, то Бадилу поручили караулить и охранять то место, где донифарсцы вторгались в Дигорию; когда же род Бадела увеличился и Дигорцы размножились, то по недостатку земли три фамилии Бадилат: Кубатиевы, Тугановы и Караджаевы с значительной частью народа по взаимному согласию поселились на плоскости с дозволения кабардинских князей Таусултановых, на их земле, с обязательством за право пользования оною давать в год с каждого двора по одному барану, что и продолжалось до прекращения рода князей Таусултановых. После чего Бадилаты повинность эту присвоили себе на том основании, что земля эта была будто бы ими куплена...»

Показания избранных от простого дигорского народа чиновникам сословного комитета. — ЦГА СО АССР, ф. 291, оп. 1, д. 29, л. 40—40 об:

Тотоевы, Макоевы, Абаевы, Баевы, Токоевы, Цаллаевы, Хадаевы и Галаовы «происходят от одного человека по имени Баслука, жившего в древнейшие времена в Тапан-Дигории в с. Окац. ... Как сам Баслука, так и потомки его своим происхождением славилась во всей Дигории, так что слава их даже вошла в поговорку, например, если кто был обижен кем-либо, то тотчас обиженный, обращаясь к обидчику, говорил: «Да постигнет тебя гнев Баслукаевых». С самого начала в Тапан-Дигории, в сказанном выше селении, поселился Дигур, а затем Баслук, до поселения... тапан-дигорская земля была еще необитаема, а потому сказанные лица, как Дигур так и Баслук, за землю никому не кланялись и ни у кого покровительства не искали.

После того прибыл туда, т. е. в с. Окац какой-то Бадила и просил Баслуковых и Дигуровых позволить ему, как гостю, поселиться на занимаемой ими земле, которому и позволили. В то самое время, когда поселился Бадила, тапандигорцы и донифарсцы имели между собой войну, вследствие этого назначили Бадилу караульщиком, чтобы он следил за донифарсцами и в случае появления их дал бы знать им.

Потом Бадила, видя, что тапандигорцы гостеприимный народ, крепко его уважают, стал гордиться и вышел из повиновения им — тапандигорцам.

Когда же Бадила женился на дочери донифарсцев — жителей села Лезгури — Ваниевых и прижил с нею 3-х сыновей — Абисала, Кубади и Тугана — и когда они выросли и сделались сильными, то еще больше начали гордиться, вследствие чего, став считать себя алдарами, одних называли своими кумаяками, а других — своими озденами; бедные же тапандигорцы, не понимая вовсе значения ни кумаяка и ни озденя стали вполне предаваться им. Они, как других, так Баслукаевых и Дигуровых (своих хозяев) вместо всякой благодарности за гостеприимство стали также называть своими кумаяками...»

Происхождение фамилий Тотоева, Макоева, Абаева, Баева, Такоева, Цалаева, Хадаева и Галаева. — ЦГА СОАССР, ф. 262, оп. I, д. 9, св. 2, л. 36—37.

«Назад тому лет пятьсот, как говорит народное предание, из Венгрии явился к дигорцам выходец по имени Бадель. Все его состояние заключалось в ружье, да в уже и боевой отваге. Это, по-видимому, небольшое богатство скоро вывело Баделя в люди.

Напали на Дигорию соседи, и поднялась страшная резня, в которой дигорцам приходилось плохо: неприятель был сильнее. Дрались холодным оружием, а об огнестрельном ни та, ни другая сторона не имели понятия. Вдруг раздался выстрел, и падает мертвым только один человек, но все остальное в паническом страхе летит, куда глаза глядят... остается на поле один лишь Бадель, хладнокровно продувающий свою пицаль. Эффект чрезвычайный, напоминающий рассказы из путешествия в Америку в первые времена её открытия.

Пришедши в себя, дигорцы поняли, что спасением обязаны Баделю. Они стали смотреть на него как на человека, обладающего какою-то волшебной силой, и просили взять на себя обязанность охранять их от набегов соседей и на будущее время, а за это положили ему с каждого двора известную долю съестных припасов, устроили ему помещение, дали лошадь.⁵ Потом Бадель женился на одной дигорке, но вскоре, недовольный ею, взял себе и другую жену. Дети от первой жены считались старшими — их было двое, а от второй — один, младший, его звали Кумиак, и от него пошло сословие кумиаков, а от старших сыновей прямое потомство теперешних баделят. Сыновья Баделя, по примеру отца, не обрабатывали полей, а занимались наездничеством, оберегали свое новое отечество от врагов. За это народ дигорский продолжал вносить для прокормления баделят определенную дань провизией с каждого двора. Народ, однако, не считал себя данником баделят, а смотрел на подать, собираемую для них, как плату за караулы, но баделяты полагали иначе. Взятою на себя их отцами обязанностью они стали пренебрегать, а плату требовать продолжали. ...Баделяты, как люди ловкие, старались сблизиться с кабардинцами: брали на воспитание княжеских детей, т. е. делались аталыками⁶ князей; женились на дочерях княжеских первостепенных узденей и выдавали из них своих дочерей; кроме того в угоду кабардинским князьям приняли даже мусульманство. Заслужив доверие князей, баделям нетрудно было эксплуатировать народ дигорский. ... баделяты произвольно назначили побор с народа провизией, сколько с него хоч.»

Том II, 1,

Красницкий К. Кое-что об Осетинском округе и правах туземцев его. — Кавказ, 1865, № 31.

тор показывают место, где как будто жил Бадель в первое Дигорию. — Прим. К. К.

⁵ В Дигорин до сих пор время своего прибытия в

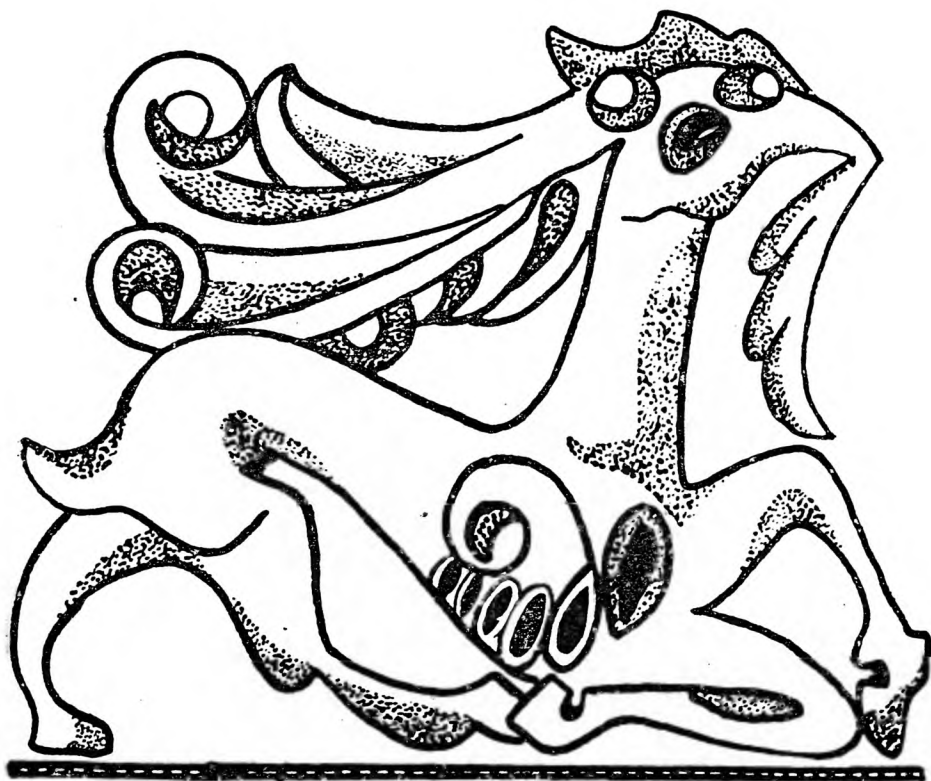
⁶ У знатных кабардинцев воспитание в чужие руки, в

существует обычай отдавать детей с колыбели на воспитание, который называется аталык — Прим. К. К.

Даже из приведенной мизерной части вариантов преданий видно, насколько не совпадают сюжеты и установки отдельных редакций. Каково же соотношение содержания преданий и исторической реальности? Б. В. Скитский, как уже указывалось, народные предания считал «основным источником для познания» генезиса феодализма в Осетии (177, с. 76). По мнению Л. П. Семенова, даже древняя материальная культура осетин связана с фольклором. Не только к историческим событиям, но и к памятникам архитектуры приурочены народные сказания (381, с. 121—123). Вообще проблема использования фольклора в качестве исторического источника в настоящее время уже не является дискуссионной (164, с. 19—26; 187, с. 8—9, 16—19). Большинство специалистов считает, что фольклор тесно соприкасается с историей. С. Н. Азбелев отмечает по этому поводу: степень историчности события не надо ставить в жесткую зависимость от степени полноты сохранившихся нарративных источников. Устные свидетельства не менее важны для определения фактов далекого прошлого. Запечатленное в сознании современников событие, передаваемое на протяжении веков, есть надежное удостоверение исторической значимости (61, с. 35—36). Но отображение событий прошлого в фольклоре переплетается с воплощением оценок настоящего, и только особая методика фольклорного анализа позволит указать на источниковедческое значение того или иного произведения (164, с. 97). Для извлечения из фольклорного памятника исторической правды, подчеркивает В. И. Абаев, надо понять «бесхитростный язык предания». Особенность этого языка заключается в передаче истории не в форме последовательного изложения событий, а в художественных образах и обобщениях. Расшифровывая эти образы, можно увидеть скрытую за ними историческую правду (209, с. 55). Героя устного народного творчества, несущего в себе информацию о прошлом, О. В. Волобуев предлагает назвать художественно-историческим образом. Ранние формы исторического сознания, продолжает далее автор, не соответствуют категориям современного мышления. Историческое сознание формировалось в художественных образах, обобщавших конкретные события. Жанры фольклора с течением времени становились разнообразнее, но в их основе всегда лежало художественное восприятие прошлого (подробнее см. 251, с. 283—291).

Советскими специалистами методика фольклорного анализа доведена до высокого уровня. Правомочность использования памятников устного народного творчества в конкретно-исторических разысканиях подтвердили и исследования на материале Северного Кавказа (см.: например: 70; 83; 190). Анализ текстов преданий в предлагаемой работе будет осуществляться на осно-

ве данных археологии, этнографии, лингвистики, топонимики, письменных источников и при помощи методики, разработанной Б. П. Кербелите (304, с. 48—100). Основные его положения сводятся к двум моментам: 1). Тексты расчленяются на действия и ситуации, которые, в свою очередь, разбиваются на элементарные сюжеты (ЭС). ЭС начинается с возникновения у героя какой-то цели и кончается достижением им этой цели или результата, меняющего его положение. 2). Поскольку в текстах бывают пропуски, выделенные ЭС и их части сопоставляются с аналогичными фрагментами родственных редакций.

Раздел I

**ДРЕВНЕЙШИЙ
ПЛАСТ ГЕНЕАЛОГИЧЕСКИХ
ПРЕДАНИЙ ОСЕТИН**

1. ОБРАЗ ЭТНАРХА В ФОЛЬКЛОРЕ ОСЕТИН

Судя по устной традиции разных народов, в числе первых среди жанров фольклора сформировались этногенетические легенды, отвечавшие на интересовавшие всех вопросы: откуда данный народ пришел, кто были его предки, почему он так называется, каково его отношение к другим народам. До возникновения преданий ответ на эти вопросы давали мифы о божественных и тотемных первопредках, на основе которых позже сложились родо-племенные сказания о легендарных и полуйсторических первопришельцах в данную местность, положивших начало народа и давших ему свое имя¹ (386, с. 133).

Главная установка таких сказаний, так же как и поздних исторических преданий, — закрепить и сохранить для потомства память о наиболее важных событиях в жизни рода и племени. При совпадении общих установок и функций исторические предания принципиально отличались от родоплеменных сказаний по подходу к действительности и её изображению. Их интересовали не миф, а конкретные вехи истории, которые изображались более реально. На первых порах развития преданий их героем выступал человек высокого социального происхождения, обладавший властью (181, с. 9, 31). Вероятно, поэтому этногенетические рассказы составной частью вошли в некоторые генеалогические предания (например, об Ос-багатаре), а в других (предания о Таге, Курте и др.) функция этнарха отведена первопредку феодалов.

В отечественной литературе неоднократно отмечалось, что исторический фольклор наряду с данными ар-

---

¹ «Между жителями Кавказа, — писал по этому поводу В. С. Толстой, — полагают вообще, что наименования народов произошли от имени их родоначальников» (397, с. 4).

хеологии, этнографии и лингвистики, является одним из существенных источников в деле восстановления тех этапов этногенеза и этнокультурных связей народов, по которым письменные памятники или не существовали, или не сохранились. В народных генеалогиях отражалось осознание своеобразия своего собственного этнического пути, и вместе с тем — родственных связей с соседями. В преданиях выражено (хотя и упрощенное, нередко преломленное через призму народной фантазии) представление о происхождении этноса и входивших в его состав компонентах (см., например: 187, с. 11, 16, 19—21).

В устной традиции в роли этнарха осетин чаще всего выступают Ир, Ос, Дигор и Туал, а у раннесредневековых закавказских хронистов — Уобос. С течением времени места патриарха стали занимать известные всему миру личности. Так, в одном из дигорских саулов в фольклорном памятнике функция патриарха отводилась Тимур-у. Согласно легенде, Тимур, оказавшись в Дигории (конкретно: на берегу р. Урух), взял в жены трех сестер. Старшая родила сына Дигора, от которого произошли дигорцы; от второй родился Ирау, положивший начало иронцам; от третьей — Туал, «потомками которого являлись осетины-туальцы» (25).

Время возникновения данной редакции довольно позднее. Память о жестоком завоевателе Тимурленге осталась у всех горских народов, сохранившись в топонимической номенклатуре, во многих легендах и пословицах. Вполне закономерно на Кавказе бытовали пословицы, вроде осетинской: «Точно Тамерлан нас ограбил», в своеобразной форме отражая исторические события конца XIV в. (375, с. 128). Разумеется, прежде чем появилось предание с этнархом Тимуром, должен был основательно потускнеть оставленный им кровавый след. О позднем возникновении рассматриваемой редакции свидетельствует и указание устной традиции на женитьбу фольклорного героя сразу на трех сестрах. Видимо, такая возможность допускалась после распространения ислама в Дигории. По мнению специалистов, психология многоженства и дружки между собою жен характерны для фольклора народов, исповедовавших мусульманство (343, с. 49). В Осетию мусульманство стало проникать из Кабарды, где оно утвердилось в XVI—XVII вв. Следовательно, вариант предания с этнархом Тимуром оформился не ранее XVII в.

Этногенетические легенды с главными героями Уобосом, Осом, Иром и Туалом возникли гораздо раньше. В этих произведениях отчетливо прослеживается связь с мифами. Зависимость образов родоначальников от мифов проявляется в том, что в наиболее архаических вариантах они предстают как змееборцы, победители великанов и т. д. (386, с. 136). Например, легенды Алагирского ущелья выводят своего прародителя Ос-багатара «из племени иратта», ми-

фический предводитель которого — «Ир-бараг» — разъезжал на длиннокрылом коне, знал птичий язык и победил полчища свирепых «собакоротых» (437, с. 3). Интересно, что средневековые западноевропейские авторы в сочинениях о Северном Кавказе упоминали о племени «собакоротых». Так, архиепископ И. де Галонифонтibus в своей работе (1404 г.) писал: «Говорят, что там живут человеки-собаки — полусобаки и полулюди, которые бегают быстрее, чем олень» (29, с. 15). Проникновение фольклорных сюжетов о «племени собакоротых» в книжную традицию начала XV в. свидетельствует о большом распространении на средневековом Кавказе легенд такого рода.

Самой ранней записью предания о происхождении осетин является летописный рассказ Л. Мровели (XI в.). Хронист выделял три периода в этнической истории народов Северного Кавказа. Первый охватывает время до середины I тысячелетия до н. э., т. е. до появления пришельцев — скифов. Второй период — приход хазар,² третий — появление Уобоса — отражение аланской волны ираноязычной ассимиляции. С этим процессом связывалось происхождение осетин (287, с. 89—90). Традиционную трактовку у приведенного сообщения Л. Мровели недавно безосновательно оспорил И. М. Мизиев, по мнению которого, овсы (осы) летописи — грузинское искажение тюркского этнонима ас (456, с. 66—68, 74—77, сл.). Не вступая здесь в полемику, укажем лишь, что источники, в которых И. М. Мизиев ищет аргументы для обоснования своей точки зрения, с овсами (осами) связывают ираноязычных алан, а не тюрков (см., например: 39, с. 25—30, сл.; 445, с. 34—35; 453, с. 50, 51, 76, 79; 454, с. 30, 58, 71). Свод грузинских летописей «Қартлис цховреба» гуинские и родственные им тюркоязычные общности именует «хазарами», а ираноязычные — «овсами» (443, с. 12—13).

Согласно летописному повествованию, Уобос занял «часть страны Кавказа, к западу от рек Ломека до западных пределов гор. И поселился Уобос. Потомками его являются овсы. Это и есть Овсети, что была частью (удела) Кавкаса» (39, с. 25). Уобос, как выяснили Г. В. Цулая и А. Х. Бязыров, является стилизацией под греческий образец древнего названия осетин: древнегруз. апс-и, абхаз, а-уапс (39, с. 55, прим. 64; 237, с. 69). Обращает на себя внимание трактовка образования осетинских племен, выдвинутая Л. Мровели. Хронист представлял себе этот процесс как синтез автохтонных этнических образований, населявших часть «(удела) Кавкаса» и ираноязычных пришельцев. Аналогичная мысль красной нитью проходит через генеалогические рассказы осетин. Так,

---

² По мнению некоторых специалистов, под этнонимом «хазары» подразумеваются скифы или сарматы (см., например, 391, с. 245—246).

в легенде об Ос-багатаре указывается, что Ир-бараг и его потомки застали ущелья Алагира уже заселенными «и частично даже густо». Жилища пришельцев «соседили с поселениями других, более ранних иноплеменных родовых групп» (437, с. 9).

«Аристократические» варианты предания о Царгасе сообщают о постоянных перемещениях «племен черкезетов» в древности: «долго, долго переходили с одного места на другое». Исследования советских специалистов показывают, что племя аш-дигор во второй половине I тысячелетия занимало территорию от р. Урух до верховьев Кубани (58; с. 275; 121, с. 32). До XII—XIV вв., отмечает В. И. Абаев, в Черекском, Хуламо-Безенгийском, Чегемском, Баксанском, Верхне-Кубанском ущельях слышалась «осетинская, именно дигорская речь» (58, с. 45—46). Позднее ареал расселения аш-дигоров резко сузился. Это неудивительно, ибо Кавказ в прошлом представлял собой область интенсивных миграций.³

Идея синтеза содержится в родословных всех феодалов Осетии (20 в, оп. 1, д. 14, л. 13; 20 г, оп. 1, д. 9, св. 2, л. 36—36 об.; д. 10, св. 2, л. 46—47, 49; 21, ф. 16, оп. 1, д. 26, л. 2 об.—3; 38, в. II, с. 10; 114, с. 354—355; 158, ч. I, с. 139—140). Народная традиция в этом вопросе оказалась поразительно точной; в настоящее время в научной литературе общепризнанной стала точка зрения, согласно которой основу осетинского народа составили смешавшиеся с аланами кавказские племена. Это мнение нашло отражение и в учебниках (202, с. 261). Еще с VII—VI вв. до н. э. на северных склонах Центрального Кавказа местная кобанская культура испытывала влияние ираноязычных скифов. Археологические находки и исследования Е. П. Алексеевой, Е. И. Крупнова, Б. В. Техова скифских бронзовых и железных предметов вооружения, конской сбруи, образцов звериного стиля и пр. свидетельствуют об известных контактах горских племен с выходцами из Передней Азии (184; 220, с. 191—257; 253, с. 71—75; 320; 389, с. 219—257). Изменения в формах погребений в начале нашей эры (212, с. 49—51) отчасти связаны со смешением здесь различных племен.

На рубеже двух эр на Кавказе появляются аланы. К середине первого тысячелетия они установили связи с местным населением и стали продвигаться и расселяться в горных районах. Интенсивность взаимодействия между аланскими и кавказскими племенами специалистами оценивается по-разному. Недостаточный учет местного субстрата привел в некоторых случаях к тому, что аланы практически отождествлялись с осетинами (84; 94). С другой стороны,

³ Под миграцией понимается форма пространственной мобилизации населения, связанная с постоянным или временным переходом из одной социально-экономической общности в другую, или изменение пространственного положения всей общности в целом (182, с. 21).

утверждения некоторых антропологов о том, что осетины являются типичным кавкасионским типом (62, с. 197—199; 415, с. 69—75), в свете последних исследований не представляются столь безоговорочными, как прежде. Данные краниологии, подчеркивает А. В. Шевченко, пока не дают оснований делать вывод об этногенезе осетин⁴.

Важнейшим этническим определителем является язык; осетинский относится к иранской языковой семье. Но в него вошел и кавказский элемент. Причем, подчеркивает В. И. Абаев, «в осетинском языке кавказский элемент занимает особое место, не столько по качеству — понятие количества бывает здесь трудно применимо — сколько по интимности и глубине вскрывающихся связей». Кавказский элемент вошел в осетинский не просто как внешнее влияние — подобно тюркскому, арабскому и др., а как *самостоятельный структурный фактор*. ...Кавказская языковая среда наложила заметный отпечаток на все стороны осетинского языка: на фонетику, морфологию, синтаксис, лексику, семантику, идиоматику» (58, с. 76). Эта идея, выдвинутая известным иранистом в одной из ранних работ, нашла подтверждение и развитие в дальнейших его трудах (211, с. 9—21; 300, с. 59—73; 373, с. 35—42). Участие кавказского компонента в этногенезе осетин подтверждается материалами топонимики, фольклора, археологии и др. (см., например, 321; 325). Таким образом, в происхождении осетинского народа соединились, говоря словами В. И. Абаева, две линии преемственности. Одна — идущая от ираноязычных алан, другая — от кавказского субстрата.

Надо отметить, что в контакт вступали не два целостных организма, а группы племен. В. А. Кузнецов, А. В. Гадло и В. Б. Ковалевская на основе анализа письменных и археологических сведений об Алании первого тысячелетия высказали предположение о её разделе в то время на две крупные и относительно самостоятельные общности, на основе которых в дальнейшем сложились две ветви осетинского народа: иронская и дигорская (96, с. 164—165, 200; 123, с. 133—135; 141, с. 147—149, 280—281; 324, с. 72—74; 326, с. 25—33). Синхронно с аланской культурой в горной зоне Центрального Кавказа существовали и культурно-бытовые комплексы, представленные исключительно могильниками и инвентарем из них. Господствовавшие в горах захоронения (каменные ящики) довольно отчетливо разнятся с катакомбными могильниками алан. В. А. Кузнецов связывает каменные ящики с автохтонным населением. Эту культуру археолог расчленяет на три локальных варианта — западный, центральный и восточный, предполагая их соответ-

---

⁴ См.: Этнокультурные проблемы бронзового века Северного Кавказа. Орджоникидзе, 1986, с. 100—107.

ствие отдельным общностям. В. А. Кузнецов предлагает назвать культуру горно-кавказской (326, с. 33—34).

В генеалогических преданиях осетин, как указывалось выше, в качестве этнархов нередко выступают Ир, Дигор и Туал⁵. Одним из ранних по времени записи вариантов предания о ком-либо из этих этнархов является версия (правда, довольно расплывчатая) протопопа И. Болгарского о первопредке по имени Ир. Смутный пересказ данной редакции включен в донесение протопопа архиепископу астраханскому и ставропольскому Антонию (1780 г.). Так как это первый зафиксированный рассказ об этнархе Ире, позволил себе привести фрагмент донесения с пересказом предания. «Что касается до самих сих народов, которых мы называем осетинцами, откуда они или от кого имянно начало свое приняли, о том ни прежде, ни ныне совершенно узнать не можно по причине той, что как у них грамоты никакой нет и записей о себе письменных никаких не имеют, а называют себя иронами или людьми, произшедшими от Ира, а от какого так же подлинно не знают. Сказывают многие из них, что весьма не малое число прежде в их места переселилось посторонних и разного рода людей, как то грузин и славян, укрывающихся в то время от притеснений и гонений, чинимых им первым от персидского Аббас-шаха, а последним от ординских татар, с которыми смежное имели жительство по разным местам, как то некоторые на Можарах, а другие на Татартупе, ...о названии же их осетинцами уверяют так, что они подвластны были прежде за несколько времени бывшим в свое время грузинским царям, при которых наименование себе приняли осетинцов, по имени одного из определенных к ним владельца или князя, называемого Иозефа...» (28, т. 2, с. 383—384).

Последний ЭС пока не поддается разумной интерпретации. Но привлекает внимание указание данной редакции на дружеские отношения осетин с другими этносами: «весьма не малое число прежде в их места переселилось посторонних и разного рода людей». Особо следует подчеркнуть сообщение источника о контактах со славянами в эпоху «ординских татар». В этой связи привлекают внимание открытые археологами на городище Верхний Джулат (у Эльхотовских ворот) каменные здания и вещественный материал, тяготеющий к культуре Древней Руси XI—XIII вв., что указывает на связь алан-овсов со славянами (21, ф. 6, оп. I, д. 127, с. 10—11). Интересны находки русских крестов XII—XV вв. на Северном Кавказе. По мнению некоторых специалистов, они свидетельствуют о проникновении в предгорье каких-то групп на-

---

⁵ Например, «демократическая» редакция предания о Баделе название общества выводила от Дигора, от которого якобы произошло коренное население (20 г, оп. I, д. 10, св. 2, л. 64—64 об.).

селения из русских земель (248, с. 76—84). На это же указывает фрагмент персидской хроники «Письмовник» («Тарасол») из Тебризской библиотеки, в котором Георгий Лаша наименован «царем царей Абхаза, Шака, Алана и Руса». М. Тодуа, основываясь на различных источниках и многочисленных исследованиях по этому вопросу, пришел к заключению, что под названием *Русы* подразумевается часть населения древней Руси, оторванной от родных мест и еще в XII в. населявшей Северный Кавказ в непосредственной близости от государства грузинских Багратидов (417, с. 198, 204, прим. 61).

Небезынтересен сюжет о предоставлении убежища грузинам, скрывающимся от гонений и притеснений «персидского Аббас-шаха». Этот мотив навеян реальными историческими событиями. В борьбе с сефевидской агрессией в XVII в. Грузия опиралась на помощь народов Северного Кавказа, осетин в том числе. Карталинский царь Георгий XI и его брат Арчил неоднократно бывали в горах Осетии: Зарамаге, Цее, Тагаурии и Дигории. Отсюда Арчил добивался возвращения утраченного имеретинского престола и устанавливал связи с Россией. Когда же воцарившийся в Картли Ираклий I (1688 г.) по требованию праиранских кругов послал в Зарамаг войско для захвата детей Арчила, осетины во главе с Елихановым вынудили вернуться их ни с чем. Детей Арчила Елиханов отправил в Дигорию. В 1703—1724 гг. в Картли правил Вахтанг VI, хорошо знавший Осетию, ибо с дядей Арчилом не раз скрывался в Зарамаге и Цее (439, с. 34—35).

В редакции протопопа И. Болгарского переплетаются сюжеты, относящиеся к разным историческим эпохам — ордынских татар (XIII—XIV вв.) и шаха Аббаса (XVII в.). Такая многослойность объясняется особым пониманием времени в средние века. Неопределенность в определении времени, господствовавшая тогда во всех слоях общества, особенно типичной была для крестьянского обыденного сознания. Сельские труженики не вели точного отсчета времени; прошлое нередко мыслилось как «время отцов и дедов» (105, с. 279). Поэтому в один ряд поставлены события XIII и XVII вв., а период жизни этнарха Ира вообще не обозначен.

В связи с этнонимами *ир*, *дигор* и *туал* интересны лингвистические изыскания В. И. Абаева, по которым перечисленные термины идут от кавказского этнического мира. Еще в 1927 г. ученый выдвинул гипотезу: в древнее время *племя ир* смешалось с аланами и дало название новому образованию — *ирон*. Позднее он развил данную мысль. Названия осетинских племен не имеют ничего общего с иранским миром и являются старыми местными этническими наименованиями. Аналогичных взглядов придерживался Н. Я. Марр, связывавший деление осетинской речи на иронское и дигорское наречия и туальский говор с первоначальным составом этни-

ческой среды, в которую внедрился иранский язык. Название трех групп осетин «говорят о прочности местной до-иранской этнической подосновы» (см. 58, с. 363; 266, с. 68—70). Следовательно, на Центральном Кавказе в контакт вступали различные местные племена с локальными вариантами аланской культуры.

Первоначально аланы освоили районы современной Западной Осетии. Второе продвижение алан в горы приходится на вторую половину первого тысячелетия. Появление в горной зоне новой группы ираноязычных мигрантов вызвало потребность их этнической дифференциации. Наименование первой группы (ас-дигор) образовано из объединения ее первичного этнонима (ас, аси) и наименования автохтонной кавказоязычной общности, территорию которой она заняла (дигорон). За второй группой закрепился этноним, под которым аваро-нахские племена знали это автохтонное население — хИрий (хИриол), позднее ставший самоназванием восточной части осетин (ирон) (443, с. 23.).

Важными являются мысли В. И. Абаева о времени и степени интенсивности взаимодействия кавказского субстрата с аланской средой. «...часть алан, — пишет исследователь, — непосредственными потомками которых являются современные осетины, очень рано обосновались в горах Центрального и Западного Кавказа и лишь частично принимали участие в дальнейших продвижениях и походах своих братьев, оставшихся на равнине. Историю алан приходится строить на различии исторических судеб двух групп этого народа: горных алан и алан равнинных» (58, с. 82).

Таким образом, в фольклорном герое — этнархе заключена информация об этнических процессах в древний период. Приведенный для сравнения археологический, этнографический и лингвистический материал наглядно показывает, насколько отражение в преданиях этногенеза приближено к реальной действительности. Большой срок сохранения в памяти народа событий глубокой древности не вызывает удивления у современных специалистов. В специфических условиях своеобразного этнографического заповедника, каковым являлся горный Кавказ, фольклорная традиция живет особенно долго. Произведения устного народного творчества без существенных изменений передавались потомкам на протяжении многих веков и даже тысячелетий (187, с. 22).

Родословные через образы первопредков несут также информацию об этнокультурных контактах народов региона. Так, фольклорные сюжеты указывают на тесные связи предков осетин с народами Закавказья. В генеалогиях алдаров их родоначальник Тага предстает армянским царевичем (21, ф. 16, оп. I, д. 26, л. 2; 223, № 6; 318, № 32; 367, в. V, с. 80; 427, с. 35). Художественно-исторический образ Тага свидетельствует о давних истоках осетино-армянских отношений. Связи эти были настолько прочными, что некоторые

древнегрузинские хронисты в этногенезе осетин значительную роль отвели армянскому элементу. Согласно Л. Мровели, осетины произошли от смешения ираноязычных племен с кавказским субстратом, включая «пленников Картли и Армении» (39, с. 25, 55). Летописец явно преувеличил значение армянского элемента (как и грузинского) в этногенезе осетин, но рациональное зерно в его сообщении есть. Дело в том, что языки обоих народов относятся к индоевропейской семье. На Кавказе с давних пор они оказались в местном окружении, которое наложило на них свой отпечаток. Судьбы рассматриваемых двух языков складывались во многом параллельно и симметрично. Их носители, оторвавшись некогда от индоевропейской среды, вошли—армяне—с юга, осетины—с севера—в тесные контакты с кавказским миром. Результатом этих контактов является современный облик армянского и осетинского языков (213, с. 6—7).

Соседние этносы были достаточно хорошо осведомлены друг о друге. Например, древние армяне знали о существовании аланского языка, который они ставили в один ряд с греческим и персидским. Историк Вв. Егише, комментируя фрагмент «Книги бытия», дал ему качественную характеристику: «прекрасный аланский» (404, с. 52—53). Много сведений о северном соседе в «Истории Армении» Моисея Хоренского (V в.). В 50-й главе второй книги привлекает внимание повествование о сражении «меж двух храбрых народов-копьеносцев». Рассказ заканчивается описанием женитьбы царя Армении Арташеса на аланской царевне Сатиник. Вскоре после этого полководец Смбат по приказу Арташеса отправился на помощь брату Сатиник, т. к. отец ее умер «и другой, завладев страной аланов», преследовал брата Сатиник (158, ч. III, с. 106—107). В свою очередь аланы оказывали военную помощь своим союзникам. Участие аланских дружин в делах Закавказья стало особенно интенсивным с появлением в III в. иранских завоевателей. Цари Армении охотно привлекали аланские дружины для борьбы с противниками. В трудах закавказских историков все чаще появляются сообщения об аланах. Под названием *Аланоз дурн* — «Аланские ворота» армянам известно Дарьяльское ущелье. Один из представителей династии Аркашидов носил имя Аланаозан (414, с. 248). Аланы известны историкам V в. Фавстосу Бузанду и Лазару Парпеци; сведения о них имеются и в трудах более поздних армянских авторов.

Отношения между этносами не ограничивались только участием в войнах. Племена аорсов выступали посредниками в торговле Армении с Боспором, Приазовьем и Мидией. По словам Страбона, аорсы «владели обширную страну, господствовали почти над большей частью Каспийского побережья и вели караванную торговлю индийскими и вавилонскими товарами, получая их от армян

и мидян». В Армению они привозили из Боспора и Приазовья невольников и меха (290, с. 11).

В генеалогических преданиях осетин нашли отражение дружеские связи алан с этносами Грузии. В родословных алдаров сообщается, что их предок, спасаясь от своих врагов, на пути в горную Осетию останавливался в Абхазии (233, № 6; 362, с. 19). В легенде об Ос-багатуре патриарх общества Олладжир является братом жителя горного плато Ашаха (вариант: Шах, Ашахмат). Академик И. А. Орбели форму имени *Ашах* называл исконно абхазской (437, с. 10—11). Иными словами, народная традиция первопредков осетин и абхазов считала братьями, что уже само по себе служит ярким и недвусмысленным свидетельством дружеского характера отношений между народами. По генеалогическим рассказам дигорских феодалов, родными братьями являлись также Царгас и Шарваш — первопредки привилегированных слоев соседних обществ (20 в., оп. I, д. 14, л. 12; 367, в. V, с. 83—84.).

Данные фольклора подтверждаются нарративными памятниками. В письме византийца Анастасия (60-е гг. VII в.) сообщается о пребывании группы алан в Абхазии (141, с. 62.). В начале VIII в. аланы заявили посланцу императора Византии спафарию (придворный чин) Льву: «Так как мы соседствуем с ними (абхазами.— Ф. Г.), то купцы то и дело отправляются к ним». Абхазский правитель, в свою очередь, говорил о старинной дружбе Алании и Авасгии; современники отмечали оживленное движение купцов по дороге между ними (158, ч. III, с. 57; 291, с. 82, 86). Тесные алаано-абхазские связи прослеживаются и позднее. Например, в 1033 году вдова царя Абхазии Георгия I аланка Альда передала византийцам крепость Анакопию возле Нового Афона. В средние века, подчеркивает в этой связи В. А. Кузнецов, династические браки были результатом политических расчетов и государственной ориентации. В этом плане брак царя Авасгии с представительницей феодальной аристократии Алании весьма показателен. Процесс сближения соседних этносов протекал настолько интенсивно, что византийский автор XII в. Цец иверов, авасгов и алан называл одним народом (141, с. 62—63). Исследования советских специалистов показали сходство многих черт материальной и духовной культуры, фольклора осетин и абхазов; и это несмотря на принадлежность к двум совершенно различным языковым группам (297, с. 215—225).

Многие сюжеты родословных осетин указывают на тесные контакты с другими этносами Грузии. В преданиях этнарх Ос часто выступает братом этнархов Картула (вариант: Картыла, Картло-са), Суана и др. (см., например, 38, в. II, с. 18; 158, ч. I, с. 138). Многовековые грузино-осетинские отношения под влиянием различных факторов меняли формы проявления и характер (393, с. 40), но определяющим началом в жизни соседей являлись отно-

шения дружбы и взаимопомощи. Особенно интенсивными, закрепленными династическими браками, они стали в XI в. Царь Грузии Георгий I (1014—1027 гг.) от аланки Альды имел сына Дмитрия. Наследник Георгия Баграт IV (1027—1072 гг.) вторым браком женился на Борене, сестре царя алан Дургулеля. Благодаря этому родству Баграт IV пользовался военными силами алан в упрочении своих позиций и борьбе за объединение Грузии. Аланы принимали участие в освобождении Тифлиса от господства мусульман. Шурин грузинского царя аланский монарх Дургулель с 40-тысячным войском пришел на зов Баграта и участвовал в походе против эмира Ганджи. Тесные связи между Осетией и Грузией сохранились и при Давиде IV Строителе (1089—1125 гг.). Георгий III, отец царицы Тамары, был женат на Бурдухан, дочери царя алан Худдана (31, с. 38; 59, с. 5; 175, с. 40, 41, 43).

О прочности осетино-грузинских отношений в XI—XIII вв. свидетельствуют остатки овских храмов и часовен, построенных в стиле грузинской архитектуры (101, с. 61—70; 139, с. 79—80; 381, с. 105—109). Интересным памятником связей двух народов служит зарамагский псалтырь, написанный грузинским строчным письмом. Специалисты все более склоняются к мнению о появлении псалтыри в Осетии в XII в. (286, с. 116—117). Интенсивные контакты Осетии с Грузией в XIII—XIV вв. подтверждаются находками в пещерных склепах Дзвгиса: монеты времени правления царицы Русудан и Давида, сына Георгия. Вероятно, грузинским мастерам принадлежали найденные здесь же высокие узкие стеклянные бокалы со змеей на корпусе (401). О давних связях Грузии и Осетии свидетельствуют и данные языка (208, с. 437—442; 416, с. 32—38). По мнению Г. С. Ахвледиани, картвельские и аланские племена продолжительное время жили общей жизнью. Характеризуя осетино-грузинские языковые параллели, Г. С. Ахвледиани писал: «Мы здесь имеем продолжительное обоюдное влияние, выходящее за пределы обычного влияния. Я думаю, что взаимоотношения грузинского (картвельского) и осетинского (аланского) языков можно назвать скорее взаимопроникновением, граничащим с двуязычием, нежели взаимовлиянием» (69, с. 170). Выявлению общего лексического фонда соседних народов посвящена работа М. К. Андроникашвили «Очерки по ирано-грузинским языковым взаимоотношениям». Большая часть аланских заимствований относится к эпохе могущества скифов, сарматов и алан, когда их языковое влияние распространилось почти на все кавказские народы. Наоборот, большая часть лексики, вошедшей из грузинского в осетинский язык, относится к более позднему периоду (225, с. 26—27).

В далекую древность уходят своими корнями взаимоотношения осетин и вайнахов. Об этом говорят остатки памятников материальной культуры, лингвистические данные, общность сюжетов народ-

ных сказаний и т. д. В III в. до н. э. овсы и дурдзуки, согласно грузинской летописи, помогали Саурмагу — второму царю династии Фарнавазианов — в борьбе за власть в Картли. При этом отец Саурмага «выдал одну сестру свою за царя осов», а сам женился «на девице из рода Кавкаса (племени) дурдзуков» (39, с. 30.). Установление же династических браков всегда является показателем тесных отношений.

Следующий этап в истории связей двух народов начался в аланский период. В 72 г. н. э. аланы совершили набег в Закавказье. По сведениям М. Хоренаци и Л. Мровели, в походе участвовали племена Кавказа, в том числе дурдзуки. Установив контроль над Дарьяльским проходом, аланы нередко вмешивались в закавказские дела. Часто их союзниками выступали вайнахи (246, с. 30—31). Совместно они боролись с хазарами, экспансией кочевников Востока (103, с. 39).

В I тысячелетии аланские и вайнахские племена вели активную торговлю, центрами которой являлись города. В равнинной зоне Чечено-Ингушетии наиболее крупным аланским городом был Алхан-Кала, находившийся в 16 км к западу от г. Грозный. Хорошо укрепленное городище играло роль крупного экономического центра, связывавшего горы с равниной. Крупным центром являлась и столица Алании Магас. Город располагался на территории современной Чечено-Ингушетии (см. 138, с. 152—154; 153, с. 7; 359, с. 151—154.).

Художественно-исторические образы Бадела, Бассиата и Хетага несут информацию о связях осетин с населением Кабардино-Балкарии (355, с. 553—554; 406, с. 85—91). Вообще в исторических судьбах предков осетин и народов Кабардино-Балкарии много общего. Общее наблюдается в этногенезе осетин, карачаевцев и балкарцев. В формировании названных этносов значительна роль ираноязычного компонента (148, с. 69, 191, с. 100—104). Для языков осетин, кабардинцев и балкарцев характерны общие элементы (161, с. 47; 224, с. 118—126). «Эти схождения, — подчеркивает В. И. Абаев, — представляют закономерную надстройку на единой охотничье-скотоводческой общественности» (207, с. 89). Говоря о проникновении адыгской лексики в осетинскую, следует обратить внимание на следующий факт: большая часть заимствований относится только к дигорскому, а меньшая — к обоим диалектам одновременно. Заимствований из осетинского языка, имеющих общееадыгское распространение, сравнительно немного. Часть осетинских элементов встречается лишь в речи кабардинцев. При этом большинство заимствований относится к сфере материальной культуры и быта (226, с. 266.).

Отдельные варианты генеалогических преданий осетин указывают на связи осетин с народами Дагестана. «В старинное вре-

мя, — рассказывается в одном из них, — неизвестно когда, вышли из Мислуга (страны далеко на юге) три брата воеводы, по имени Ос, Картул и Лек. Ос завладел страной около города горы, от него происходят осетинцы; Картул основал около Тифлиса свое царство, от него происходят картатинцы (картлийцы. — Ф. Г.). Лек пошел дальше на восток и основал там свое царство, от него происходят лезгинцы» (38, в. II, с. 18). Связи алан с народами Дагестана подтверждаются свидетельствами арабских авторов. Ибн-Рустэ в «Книге драгоценных камней» писал, что царство Серир и Алания непосредственно граничат друг с другом (см. 32, в. II, с. 50). Согласно Масуди, между монархами Алании и Серира в X в. «заключен договор, и они взаимно отдали друг за друга своих сестер» (32, в. III, с. 53). По данным того же Масуди, царство Гумик, локализуемое на территории современной Лакии, жило «в мире и согласии с царством алан» (250, с. 207).

Специалисты отмечают аланский вклад в антропонию народов Дагестана (218, с. 51—54; 225, с. 30—31). Аланские заимствования в дагестанских языках составляют довольно значительное число: в настоящее время известно около 100 таких слов, не учитывая выявленных В. И. Абаевым и Г. А. Климовым. Такое значительное количество аланизмов не позволяет говорить о них, как о заимствованиях случайных (353, с. 133).

Как видно, образ этнарха в фольклоре осетин синтезирует информацию о связях алан с населением Кавказа. Эти отношения охватывали различные сферы жизни: политическую, торговую, культурную и др. Тесное переплетение исторических судеб, многовековое экономическое, духовное, социально-политическое взаимовлияние привели к появлению представлений о едином происхождении народов Кавказа. В древних грузинских и армянских летописных списках говорится об общем праотце горских племен — Таргамосе. Летописи выделяют восемь его сыновей «много сильных и славных»: Гаоса, Картлоса, Бардоса, Мовована, Лека, Эроса, Кавкаса, Эгрота (26, с. 27, 30; 39, с. 21, 40). Существуют предания о родстве отдельных народов Кавказа с русским народом. При всей недостоверности легенд такого рода они свидетельствуют о дружеских отношениях как между горцами, так и между населением Кавказа и России. Идея единого происхождения скрепляла узы братства горских народов (259, с. 9), что было особенно важным в период суровых испытаний — борьбы с агрессией извне. Данный момент специально подчеркивался в одном из грузинских летописных сводов: «Потомки Таргамосовы священным долгом почитали хранить между собой союз...» (26, с. 33).

Таким образом, фольклорная традиция осетин через образы этнархов в художественной форме донесла до нас информацию об этнокультурных процессах в древний период, о местах обитания на-

рода и его отдельных компонентов, о характере отношений с соседями. В некоторых генеалогических преданиях функция этнарха отведена первопредкам феодалов; это не случайно. Художественная специфика фольклора связана с высокой степенью коллективности творческого процесса, а важная особенность последней — изменяемость произведений. И дело здесь не только в дефектах памяти. В фольклоре новые общественные потребности реализовались, как правило, не путем создания новых произведений, а через переработку созданных прежде (61, с. 19, 20). Родословные рассказы формировались по образу и подобию этногенетических легенд, заимствуя у них наиболее значимые мотивы и сюжеты. В результате многократного повторения, отсеивания некоторых деталей, генеалогии сохранили сведения, имевшие значение для той общественной среды, в которой они бытовали. Само функционирование преданий обусловлено этим: с изменением исторической ситуации, изменились общественные интересы, и образ этнарха древних сказаний уступил место и функции герою генеалогических преданий (ср.: 396, с. 11).

2. ОС-БАГАТАР АЛАГИРСКИХ РОДОСЛОВНЫХ: МИФ И РЕАЛЬНОСТЬ

Генеалогические предания, бытовавшие в Алагирском обществе, принципиально отличаются от аналогичных произведений в других уголках Осетии. Главные их особенности состоят в том, что практически все население ущелья в конечном итоге выводит свои родословные от одного лица, а на генеалогических преданиях лежит печать древних этногенетических мифов и легенд. Абсолютное большинство фамилий Уалладжира ведет свое происхождение от Сидамона, Царазона, Кусагона, Цахилона и Агузона — сыновей легендарного Ос-багатара, обитавшего якобы в с. Нузал (301, с. 207). Согласно генеалогическим рассказам, Ос-багатар являлся в одних случаях царем Алании (вариант: «первым царем»), в других — владетельным князем всей Осетии. Как бы то ни было, во всех редакциях подчеркивается его знатное происхождение. Находиться в родстве с такой личностью в условиях феодального общества весьма престижно и должно указывать на привилегированное положение «потомков». Но сделать такой вывод — необоснованная смелость, ибо в таком случае следует признать феодалами едва ли не всех алагирцев. Анализ данного фольклорного произведения показывает, что его генезис связан с синтезом трех самостоятельных циклов: этногенетической легенды о происхождении осетин с главным героем этнархом Осом; цикла легенд и преданий о Багатаре, одного из архаичных циклов о борьбе с внешними врагами; рассказа о сыновьях Багатара — предания, отразившего со-

циальную структуру Алагирского общества в послемонгольский период.

Историческая интерпретация образа этнарха Оса дана в предыдущем разделе. Рассмотрим фольклорные свидетельства о Багатаре и его «наследниках». По мнению специалистов, «Багатар» — титул военного вождя (военной аристократии) в раннесредневековой Алании (83, с. 4; 261, с. 13). Термин «багатар» означает «храбрый», «богатырь». Многие авторы первоисточником считают перс. *bahodur*, хотя, по убеждению В. И. Абаева, ос-багатар «идет во всяком случае не из персидского, а из монголо-турецкого». В отдельных случаях термин использовался как имя собственное (60, т. I, с. 245—246). Как всякое имя, композит со временем потерял свое этимологическое значение и приобрел новое, связанное с его носителем (ср.: 358, с. 259). Впервые *Багатар* упоминается грузинскими летописями в середине V в. (период правления Вахтанга Горгасала). В 888 г. «мтавар овсов» Багатар вместе с абхазским военачальником по имени Наср пошел против Адарнасе II (31, с. 20, 30). В Зеленчукской родословной X в. среди перечисленных лиц значится Пакатар. «Картлис цховреба» сообщает, что «между 1257—1264 гг. пришли осетины, преследуемые Берка-ханом. Среди них была удивительная женщина по имени Лимичав, и она с собой привела малолетних детей родом ахсарфкянов: первенца Пареджана и младшего Багатара, и много князей» (см.: 31; 175, с. 52). Грузинский «Хронограф» XIV в. повествует о последнем как о мтаваре (князе), хотя его брата Фареджана называет «царевичем овским». По подсчетам В. Н. Гамрекели, Багатар умер в 1304 г. (54, с. 208, прим. 58). Интересно, что Багатаров V и XIII—XIV вв. народные предания смешивают (173, с. 124; 174, с. 69, прим. I).

Фольклорный герой синтезирует события, происшедшие в разное время (V и XIII—XIV вв.), в разных местах с различными историческими реальными деятелями Алании, носившими одно имя (или титул). С позиции человека сегодняшнего дня такое смешение недопустимо. Но народное сознание в средние века довольно беззаботно относилось к хронологии и географии, легко переносило события из одной эпохи в другую, из местности в местность. Коллективная память группировала факты в соответствии с ходом эпического повествования, приписывая все события одному лицу. Устная традиция не забывала преимущественно те события, которые способны поразить мысль людей, воспитанных на мифе, эпосе, сказке, она без труда объединяла разных героев, в особенности носителей одного имени (108, с. 89). По этой причине несколько реальных Ос-багатаров в предании выступают в одном лице.

В народном творчестве осетин о Багатаре имеется целый цикл легенд и преданий. Эти произведения стоят еще на грани эпоса и исторических преданий. От эпоса идет явное преувеличение силы

героя («Ос-Багатар был настолько силен, что легко разрывал шкуру быка» — 40, с. 22), его уязвимость (под мышкой — 40, с. 23, 29; 42, т. I, с. 551), принадлежность к мифическому племени, «предводитель которого «Ир-бараг» — Ир-всадник» имел длиннокрылого коня, знал птичий язык и победил полчища свирепых «кудзыхов» — «собакоротых» (437, с. 3). В то же время достоверность изображенных в данных произведениях событий характерна для жанра исторических преданий (173, с. 76). Устойчивым мотивом преданий является охрана Ос-Багатаром «живущих в ущелье людей от всех врагов». При появлении противника он по тревоге поднимал 200 пеших воинов и вступал в сражение с врагом (42, т. I, с. 550). Данный сюжет перекликается с фрагментом Нузальской надписи: «Мы имеем с 4 сторон пути охранные: в Касарском ущелье замок (где брали плату с прохожих), мостовые ворота; ...» (272, с. 450). Контроль над перевальными дорогами в средневековом Алагирском обществе, бесспорно, осуществлялся. На правом берегу р. Ардон располагалась таможенная застава «Ворота Чырымад». В Касарском ущелье недалеко от Нузала находилась таможенная застава «Зилын дуар». Она представляла собой единый комплекс заградительных сооружений, подпорных стен и боевой башни. К домонгольскому времени относятся остатки заградительной стены в местечке «Галфандаг» (186, с. 164—167, 200—201). Возле Нузала на отвесной скале и поныне сохранились остатки башен недоступной полупещерной крепости «Нузалы фидар». Как видно, вся местность от верховьев Касарского ущелья до Назгина контролировалась цепью застав и оборонительных сооружений. Столь повышенные меры по обороне небольшого участка Уалладжир объяснимы: через него проходил маршрут древнего военноторгового перевального пути, ведущего из прикаспийских степей к Причерноморью (438, с. 8—9).

В районе заставы «Чырымад» найден серебряный сасанидский кубок; по предложению Е. Г. Пчелиной и В. А. Кузнецова, он вполне мог попасть сюда в качестве платы за проезд через заставу (139, с. 63—65; 459, с. 152). Нузальская часовня стоит на месте древнего кладбища, на котором (по устной традиции) погребались представители исключительно привилегированных слоев (438, с. 1). Заслуживает внимания и тот факт, что название аула Нузал в арабском имеет несколько значений и среди них — «налог для проезжающих государственных чиновников», «остановка на станции или в гостинице» (336, с. 214). Не следует игнорировать и утверждение устной традиции о нузальской «резиденции» царя алан (272, с. 450).

Приведенные данные свидетельствуют о появлении алан в Уалладжире в раннем средневековье. Некоторые авторы отрицают факт локализации алан в ущельях Центральной Осетии до XV в.

Например, В. Н. Гамрекели не признавал идентичность средневековых туалыцев и осетин. Вот один из его аргументов: Вахушти (нач. XVIII в.) в отношении современной себе эпохи термин «два-лы» употреблял параллельно с термином «осетины». Следовательно, делал вывод В. Н. Гамрекели, историческая традиция продолжала различать двалов и осетин (97, с. 31). Однако если следовать такой логике, то никакого отношения к осетинам не имеют также дигорцы и иронцы. Нельзя согласиться и с другим положением В. Н. Гамрекели, по которому аланы до XV в. не проживали в горных районах Центрального Кавказа, и поэтому двалы до этого времени не были с ними знакомы. В данном случае игнорируются археологические материалы и сведения средневековых авторов. В частности, в районе Алагира В. А. Кузнецов и В. Х. Тменов исследовали аланский катакомбный могильник VIII—IX вв. (328, с. 78—80). В Архонском ущелье, недалеко от Даллагкау, Е. Г. Пчелина еще в 1928 г. произвела раскопки 17 катакомб, датированных е IV—VII вв. Аланские захоронения отмечены по всему участку с названием Бурсарта «желтоголовые», т. е. блондины (437, с. 70). В связи с этим топонимом представляет интерес легенда о племени «Бурдурта», обитавшем некогда в Куртатинском ущелье и переселившемся «в направлении к Трусовскому ущелью» (367, в. V, с. 79). Наконец, Р. Г. Дзаттиаты у с. Едыс Южной Осетии исследовал аланский катакомбный могильник VI—IX вв. (446; 447).

«Армянская география» VII в. упоминает о двалах в форме «дуалк» как об одном из племен алан-осетин (121, с. 53). Об этом же свидетельствуют арабские географы и историки Ибн-Рустэ, Гардизи, Бекри, Ауфи и др. О племени «тулас» в X в. сообщал Худуд-ал-Алам. Ю. С. Гаглойти данный этноним переводит как «два-лы-осетины» (тул-ас) и ставит рядом с этнонимом *осетины-дигорцы* ас-дигор (см. 230, с. 19.). Л. Мровели (XI в.) дважды сообщает о Двалетии и оба раза в связи с овсами. Это обстоятельство, резонно отмечает Г. В. Цулая, свидетельствует о тесном контакте двалов «с древнеосетинскими племенами, оказавшими несомненное влияние на их генезис» (39, с. 73, прим. 129). «Мученичество Николая Двали» (XIV в.) выводит героя повествования из аула Цай в верховьях р. Малой Лиахвы. Грузинский исследователь И. Кипшидзе считал этот памятник интересным источником о прошлом «одного из осетинских племен — двалов» (174, с. 43). Анализ Нузальской надписи, фресок и эпиграфики нузальской церкви привел В. А. Кузнецова к заключению о том, что территория Туалгома издавна была заселена осетинами и к XIII—XIV вв. ассимиляционный процесс, вероятно, был завершен (452, с. 120). Перечисленные аргументы пребывания алан в раннем средневековье в ущельях Центральной Осетии достаточно убедительны.

Трудно дать однозначную интерпретацию фольклорного указа-

ния на «нузальскую резиденцию царя алан». Возможность наличия таковой в Нузале нельзя отрицать с абсолютной уверенностью. Арабские географы X в. сообщают о многих аланских крепостях, «куда царь время от времени переезжает» (34, в. III, с. 53). Однако нузальские историко-архитектурные памятники имели чисто военное назначение и не приспособлены для постоянного проживания в них больших коллективов. Скорее всего рассматриваемый фрагмент произведения народного творчества возник как фольклорное отражение действительного пребывания в Нузале какого-то одного представителя царского дома Алании, возможно, Багатара, жившего на рубеже XIII—XIV вв. Во всяком случае, по устной традиции, вся «местность Нузальского и Касарского ущелий связана» с ним (438, с. 2). В 1869 г. жители Уалладжира уверяли В. Б. Пфафа, что в Рекоме хранятся шлем, колчан и копье Багатара. Отправившись туда, путешественник «действительно нашел эти вещи, зарытые под кучею стрел и луков» (367, в. V, с. 59). Суеверие местного населения приписывало названным вещам чудотворную силу; если «кто-нибудь унес их, в том месте, где они будут храниться, непременно появится моровая язва». В доказательство этого алагирцы поведали В. Б. Пфафу о том, как «несколько лет тому назад, когда шлем Осибатара, для лучшего сохранения, был перевезен в Нузал, там появилась повальная болезнь, вследствие чего шлем, по решению народного собрания, был перевезен обратно в Реком» (369, с. 141). В «Описи имущества часовни Реком», составленной в мае 1903 г., под инвентарными номерами 46 и 49 значились «шлем с кольчужной сеткой» и «остатки колчана со стрелами» (21, ф. 6, оп. I, д. 2). В 1935 г. доспехи Багатара из Нузальской часовни перевезли в музей краеведения г. Алагира, откуда они исчезли во время фашистской оккупации в 1942 г. (438, с. 3, примеч. I).

Все вместе взятое позволяет высказать предположение о возможности пребывания в Алагирском ущелье представителей верхушки Аланского государства. Организация контроля над горными проходами и сбор пошлин закономерно предполагают присутствие здесь посланцев царской администрации в период централизованного государства. После распада Алании контроль мог осуществляться какой-либо родственной группой. Повышенное внимание феодалов к данному району объясняется и наличием немалых запасов благородных металлов. По Нузальской надписи: «Золотой и серебряной руды имеем столько же довольно, как воды». Это подтверждается и раннесредневековыми источниками. Дагестанская хроника «Дербент-наме» среди политических образований Северного Кавказа VI—X вв. называет страну Ихран, под которой А. В. Гадло понимает территорию, занимаемую аланами, «Дербент-наме» в пределах Ихрана «в районе Т-р-к (большая река, город)» упоминает месторождения серебра, а в отдельных списках и

золота (262, с. 121—122). Шапух Багратуни (XI в.) в описании страны алан рассказывает: «Эта страна очень богата и обильна. Там находится много золота...» (422, с. 1). Разработку садонских рудников специалисты относят в далекую древность. Наличие богатых источников обусловило раннее обособление кузнечного дела от других видов ремесла; оно стояло на значительной высоте и пользовалось большим почетом (58, с. 52—53; 118, с. 40—41; 146, с. 213).

Резюмируя изложенное, отметим, что цикл преданий о Багата-ре отражает историю алан-овсов в раннем средневековье (V—нач. XIV вв.). Устная традиция элементы действительности переплела с элементами вымысла. К первым относятся борьба с внешними врагами и особый интерес аланских феодалов к рудникам и перевальным дорогам Алагирского ущелья. Эти моменты представлены в народных произведениях довольно отчетливо. Определенно показан и социальный статус Багата-ре: «владелительный князь (или царь) всей Осетии». По свидетельству Ибн-Рустэ, «царь аланов называется Б. гайр, каковое (имя) прилагается к каждому из их царей», т. е. у Ибн-Рустэ речь идет о наследственном царском титуле. И. Маркварт, В. Ф. Минорский и В. А. Кузнецов в термине *Б. гайр* обоснованно видят Багатар (141, с. 160; 160, с. 221). Последнее слово в значении «богатырь» применялось лишь к полководцам. Поэтому утверждение Ибн-Рустэ об использовании данного титула как одной из инсигний царской власти, указывает на принадлежность правящей династии алан к военно-служилой знати. Напомним, что источники впервые знакомят нас с Багатаром в связи со столкновением грузинских и аланских дружин в V в. При чем хронисты называют Багатара необыкновенным героем, близким родственником «тогдашнего осетинского царя». На вызов аланского полководца Вахтанг Горгасал отвечал: «Я царь, а ты простой смертный, а потому я не пойду на твой берег...» (200, с. 87—88). Иными словами, Багатар не верховный правитель, а полководец, т. е. с самого начала рассматриваемый термин применялся по отношению к военачальникам, героям. Такое же значение он сохранил и позже. Так, в китайской хронике «Юань-ши» в разделе о монгольских походах на Северный Кавказ упоминается имя Еле-бадура (Илья-багатара): «Юй-ваши был ас. Его отец, Еле-бадур, пришел с правителем его государства и подчинился Угэдэю» (141, с. 259). И в этом случае Илья-багатар (имя + титул) — военачальник, над которым стоит «правитель его государства». Таким образом, титул *багатар* применялся к лицам, занятым в военном деле, а не в управлении.

Третий пласт рассматриваемого фольклорного памятника составляет рассказ о «сыновьях» Багата-ре: Сидамоне, Царазоне, Ку-сагоне, Агузоне и Цахилоне. К ним возводит свои родословные аб-

солютное большинство жителей Уалладжира и Южной Осетии. Сразу надо отметить, что по многим вариантам Цахил являлся сыном Кусага, «любимым внуком Ос-багатара».

По материалам полевых исследований Б. А. Калоева, фамилий, связывающих себя с Цахилом, в Алагирском ущелье меньше всего (301, с. 209). Нузальская надпись признает Цахила братом Царазона, что является несоответствием. Этимологический анализ древнейших фамильных имен, предпринятый В. И. Абаевым, показал, что имя *Цахилта* позднего происхождения и на иранском материале оно не этимологизируется; восходит, возможно, к субстратному кавказскому миру. Согласно анализу В. И. Абаева, имя *Царазонта* возникло раньше, в домонгольскую эпоху, в период расцвета аланского государства, когда у его правителей возникла необходимость отделиться от сословия алдаров (князей); этой цели служил более громкий титул Царазон (от Цезарон) — «наследники Цезарей» (214, с. 115—118, 123). Попытки резко разграничить монархов и массу алдаров посредством разных сословных названий предпринимались и раньше. Масуди (X в.) писал по этому поводу: «Затем следует царство Алан, царь которого называется *К. рк. ндадж*, что является общим именем для всех их царей, подобно тому, как Филан-шах — имя всех царей Серира» (34, в. III, с. 53; 160, с. 204). По В. Ф. Минорскому, *К. рк. ндадж* — возможно, турецкий почетный титул *кэр-кундедж*. Первый элемент часто встречается в турецких словах и именах. Вторую часть ученый сравнивает с родовым именем эмира северокавказского (хазарского) происхождения Исхака б. Кундаджика или Исхака б. Кундаджа (160, с. 204 примеч. 73). Мнение В. Ф. Минорского о хазарском происхождении титула поддержал В. А. Кузнецов. Учитывая оживленные алано-хазарские связи, заимствование социального термина «кэркундедж» аланскими верхами, подражавшими хазарскому двору во внешнем оформлении власти, выглядит закономерным (141, с. 113—114, 160).

С ослаблением Хазарского каганата могущественным союзником Алании стала Византийская империя. Верным союзником византийцев был Константин Аланский. Его отряд в составе объединенного армяно-византийского войска в 1045 г. участвовал в походе на Двин, а император Константин IX Мономах (1042—1055 гг.) пожаловал ему чин магистра. Царь Алании Дургулель, чье значение в политических делах XI в. трудно переоценить, свою сестру Борену выдал замуж за грузинского царя Баграта IV. Их дочь Мария была замужем за византийским императором Михаилом III Дукой. Причем источники называют ее Марией Аланской. Дургулель Великий принимал активное участие в византийских делах. В 1071 г., после женитьбы Михаила Дуки на Марии Аланской, аланы появились в составе византийской армии и участвовали в сраже-

нии с сельджукским султаном Алп-Арсланом при Манцикерте (141, с. 160—163). По свидетельству З. Чичинадзе, «две дочери осетинского царя вышли замуж за византийцев. Этим родством осетины умело воспользовались: они заимствовали византийские порядки для своей экономической и политической жизни» (200, с. 125). В этом сообщении есть доля истины. В X—XI вв. царский дом могущественной Алании уже не мог подражать уничтоженной Хазарии; другое дело — заимствовать какие-либо институты у Византийской империи. М. В. Бибигов, ссылаясь на употребление титула *василисса* (императрица) применительно к Ирине Аланской, пишет: «византийскому василевсу соответствует аланская *васьлисса*» (233, с. 144). В это время мог быть заимствован и термин «цезарь».

Однако данная версия оставляет без ответа ряд вопросов. В первую очередь два: 1) почему термин «царазон» получил распространение только в Алагирском обществе, а в других районах Северной Осетии он не использовался? и 2) по какой причине грузинские источники (или арабские, византийские и т. д.) не упоминают этот титул? Ведь хорошо известно, что значительная часть правящего слоя равнинных алан после татаро-монгольского нашествия осела в Грузии. Причем грузинские источники XIII—XIV вв. царский род алан именуют «ахсарфкяны» — искаженное «ахсартата». Небезынтересно в этой связи напомнить об Ахсартате наргского эпоса — родоначальнике «главной фамилии» нартов. Это имя восходит к древнеиранскому *xsathra* — «сила, могущество, власть» (57, с. 7, 25). Остается необъясненным еще один вопрос: почему по нарттовскому эпосу, имевшему общеосетинское распространение, царский род именуется *ахсартата*, а по устной традиции алагирцев — *царазонта*? На наш взгляд, последний термин позднейшего происхождения, во всяком случае, у алагирцев он утвердился после оформления эпоса, т. е. никак не раньше XIV в.

Многие фамилии Южной Осетии считают себя потомками Агуза. Данное фамильное имя в форме *Алгуз* фигурирует в поэме, написанной на старинном грузинском языке и озаглавленной «Агустиян Алгузо-Руслан Сарагон-Чахилон». Позднее её стали именовать коротко «Алгузиани». М. Джанашвили утверждал, будто поэма (75 стр.) списана «священником Иоанном Руслевым (Русишвили. — Ф. Г.) с оригинала нузальского» (283). Анализ стиливых особенностей этого произведения привел К. Кекелидзе и В. Абаева к заключению о довольно позднем времени её написания — на рубеже XVIII—XIX вв. К. Кекелидзе и В. Абаев выявили и автора поэмы — И. Ялгузидзе⁶ (206, с. 417—422; 438, с. 3—4). В поэ-

⁶ Первый издатель поэмы Гамрекели автором «Алгузиани» считал мужа царицы Тамары Давида Сослана, написавшего ее якобы для подтверждения

ме повествуется «история Августа сына Алгузо», повелителя осетин, черкесов, чеченцев, кистин, гуннского двора и т. д. Его именуют не иначе как «вседержец великих царств, государь и самодержец».

Автор данного произведения Алгуза выводил от римских императоров. В. И. Абаев также допускает возможность происхождения Агузата от Августа (Аугустус). По мнению ученого, в домонгольской Осетии две фамилии претендовали на роль правящих династий: Царазонта (от Цезарон) и Агузата (от Аугустус). После татаро-монгольского нашествия, когда «народ вернулся в догосударственное состояние», эти фамилии утратили свои прежние привилегии и растворились в общей массе народа (214, с. 118—123). Такое мнение представляется вероятным, но не бесспорным. В настоящее время нет достаточно веских аргументов, подтверждающих существование противоборствующих кланов в аланском централизованном государстве, столица которого находилась вдали от Алагирского ущелья. Правда, в XII в. летописи говорят о «царях Алании» во множественном числе. Когда монарх Грузии Давид III Строитель (1089—1125 гг.) прибыл в Осетию, то «все цари овсов и все мтавары» предстали перед ним (135, с. 165). Но даже учитывая эти факты, заимствование каким-либо «овским царем» титула Август представляется маловероятным.⁷ В указанное время цари Алании выглядят не так внушительно, как в X—XI вв., да и связи с Византией заметно ослабли и утратили свое значение, поскольку в XII в. верхи Алании переориентировались на союз с монархами Грузии, закрепленный династическими браками. По данным Б. А. Калоева, после татаро-монгольского нашествия равнинные аланы, массами хлынувшие в горы, не задерживались в Уалладжире, а уходили в другие места Осетии и за перевал. При таких условиях становится непонятным, почему царский двор пос-

---

своего происхождения от ветви Багратидов. Однако еще в дореволюционной историографии эта точка зрения была оспорена и подвергнута справедливой критике. По мнению Г. Л и а х в е л и, создание «Алгузиани» относится к XVII столетию, когда писалось немало подобных поэм и рассказов (340, с. 45—46). Тенденциозность версии о происхождении Давида-Сослана из рода Багратидов наглядно показал Г. Д. Т о г о ш в и л и (394).

7 Цари Грузии в предмонгольский период свои родословные выводили от императора Августа, поэтому нередко называли себя «Августианами» (449, с. 35, 101). Казалось, бы, монархи Алании могли заимствовать титул «август» из соседней Грузии, тем более учитывая нередкие взаимные браки царствующих кланов. Но в том-то и дело, что правящая династия алан носила титул «цезарей». Например, как подчеркивает В. И. А б а е в, Давид Сослан в стойкой народной традиции именуется «Царазон» (см. 214).

ле. разгрома Алании должен был осесть в Алагирском ущелье, а не в Грузии у родственников-союзников.

Наконец, имя Агуз может происходить от агузаг—«беспомощный». По поводу этимологии этого слова В. И. Абаев пишет: «Очевидно, из а+куз-аг, буквально «бессобашный», «не имеющий собаки», «hundlos». Неимение собаки, как синоним крайней степени нищеты, беспомощности и несостоятельности, характеризует определенный хозяйственный уклад: такое выражение могло возникнуть только на основе пастушеского быта. Действительно, у горских осетин-скотоводов выражение «куыдз дæр æм нæй»—«у него нет даже собаки» — означает предельную бедность и несостоятельность (60, т. I, с. 121—122). В связи с термином «агуз» заслуживает внимания и следующий факт: уазданлагами Алагирского общества эксплуатировалась особая категория крестьян — агузы. Так именовались пришельцы из других обществ. Они «считались ниже природных алагирцев» (20 в, оп. I, д. I, л. 114). Не случайно по отдельным вариантам предания Агуз — сын Багатара от наложницы (21, ф. 4, оп. I, д. 71, л. 89).

Наиболее могущественной в Уалладжире признавалась родственная группа, выводящая себя от Царазона. Во многих прошених членов фамилии в сословные комитеты середины XIX в. указывалось, что они в старину брали подати с соседнего населения. Царазоновым приписывается и покровительство святилищу Реком (121, с. 47—48). Это вроде бы подтверждает могущество рода Царазонта, ибо авторитет жреца Рекома — наиболее почитаемого всеосетинского дзуара — был чрезвычайно высок. В. А. Кузнецов называет его своего рода патриархом Осетии. Дзуарлагом святилища обычно выбирали наиболее почетного старца (139, с. 92—93).

В связи с исполнением культовых обрядов представляет интерес происхождение уазданлагов Хетагуровых. Свое начало они вели не от Багатара, а от Хетага. В их родословных интересен ряд моментов. Во-первых, в отличие от многих осетинских фамилий, у которых имелся общий полумифический прародитель — Тага, Бадель, Курта и др., от Хетага вели свое происхождение только нарские уазданлаги. Во-вторых, по грузинским грамотам поколения, следующие друг за другом, носили не фамилии, а отчество. Так, для XVIII в.: Хетагуров Зида — Зидаханов Амран — Амиранов Аса. В-третьих, по генеалогическому преданию «нет никакого намека на то, чтобы Хетаг отличался военными доблестями или участвовал в походах или сражениях». Во всех редакциях предания имя Хетага связывается со священной рошей (21, ф. I, оп. I, д. 5, с. 57—58; 194, с. 316—318; 199, с. 18—19; 235; 367, в. V, с. 76—78; 382, с. 33—34; 427, с. 30—32). В 1850 г. Н. Берзенов опубликовал вариант легенды, записанной им в одной из поездок по Алагирскому ущелью. Информатор уверял этнографа (причем по словам

рассказчика, поверье предков (было истиннее самой истины)⁸, будто Хетаг — «чудный святой», мог считать звезды, знал их все наперечет, предвещал бедствия, предугадывал смерть не только людей, но и животных. «Одним словом, знал причину и конец вещей» (Кавказ, 1850, № 15). Все вместе взятое склоняет к мысли, что исполнение культовых обязанностей сыграло существенную роль в формировании привилегированного статуса этого рода.

Многие фамилии Северной и Южной Осетии свои родословные начинали с Кусага. З. Н. Ванеев это имя выводил от *къус* — «чаша» (83, с. 4). Как считает В. И. Абаев, этногенетическое предание в данном случае оказалось, по-видимому, на правильном пути. *Чаша* в фольклоре индоевропейских народов, в частности, в легенде о происхождении скифов (Геродот), служит символом важной общественной функции — культовой (170, с. 21—23). Следовательно, резюмирует В. И. Абаев, Кусагоновы — фамилия, из которой в далеком прошлом выходили жрецы (214, с. 115—116). Однако, первых, *къус* переводится как «миска, чашка, пиала». Во-вторых, что более важно, имя фольклорного героя восходит не к *къус*, а по одним вариантам предания к *кусæг* — «работник», по другим же — к *хъусæг* — «слушающий, внимающий» (40, с. 24, 26, 29, 40), иными словами — общинник.

Устная традиция наиболее многочисленными из «потомков» Багатара считает «колени Сидамонта». Согласно преданию, родителями Сиды и его братьев являлись Багатар и «грузинская царевна Ахсин». Народная память, возможно, не случайно потомкам Багатара приписывает грузинское (по матери) происхождение. Быть может, таким способом фольклорный памятник указывает на их связь с аланами, проживавшими какое-то время в Шида-Картли (внутренней Грузии)? Это вполне согласуется с реальными историческими событиями, отраженными в грузинских летописях и хрониках XIII—XIV вв.

В результате походов туменов Батия в 30-х гг. XIII столетия значительная доля равнинных алан ушла в ущелья Центрального Кавказа. Население, сконцентрированное в горах, не могло обеспечить себя хотя бы скудными средствами к жизни, и часть его двинулась на юг — на территорию Грузии. Во второй половине XIII в. в нагорной полосе Шида-Картли существовало компактное население овов, в среду которых просачивались с севера все новые и новые группы эмигрантов. Эти процессы вызвали продвижение овов в различные районы Картли (439, с. 18). Летописи под 1257—1264 гг. помещают сообщение о приходе в Закавказье осетин, преследуе-

---

⁸ Убежденность исполнителей (любого народа мира) в исторической достоверности фольклорных сюжетов отмечалась всеми собирателями (61, с. 23).

мых Берка-ханом. Среди них «много князей» и двое детей родом ахсарфкянов⁹: Пареджан и Багатар. Аноним сер. XIV в. Жамтаагмцереги уточняет дату появления внушительного числа овсов в Шида-Картли — 1263 г. По мнению В. Н. Гамрекели, они эмигрировали по политическим мотивам (264, с. 196—197). Более убедительной представляется точка зрения Г. Д. Тогошвили, связывающего появление алан в Грузии в 1263 г. с поражением войск Хулагу в битве с золотоордынцами. Овская аристократия, играя на внутримонгольских противоречиях, пыталась воспользоваться вторжением ильханов на Северный Кавказ и покончить с господством Золотой Орды. Однако 13 января 1263 г. хулагиды были разбиты на берегу Терека (51, с. 74—75). Аланским сторонникам ильханов, «преследуемых Беркаханом», пришлось бежать в Грузию (163, с. 85). Овских князей с их дружинами царь благоразумно разместил в разных районах страны: Тбилиси, Дманиси и Жинвали — городах, игравших важную роль в политической и социально-экономической жизни Грузии. Достаточно сказать, что в Дманиси в XIII в. находился государственный монетный двор (175, с. 52—53).

Источники 80-х годов XIII в. выделяют «сына овского царя» Фареджана. При Вахтанге II (1289—1292 гг.) Фареджан вместе с грузинским царевичем возглавил поход в Малую Азию (31, с. 45). В междоусобной борьбе монгольских ханов Казана и Тукала часть грузинской знати выступала на стороне последнего. Спасая имущество Тукала, они спрятали его в Атенской крепости под наблюдением все того же Фареджана (31, с. 46).

В конце XIII столетия в Грузии разгорелась острая борьба за царский престол между Давидом VI и Вахтангом IV. Грузинский «Хронограф XIV в. в связи с этим «царевича овского» Фареджана причисляет к активным сторонникам Давида. Во многом благодаря его помощи — по хронике: «Фареджан также весьма содействовал Давиду» — последний утвердился на престоле. После смерти Фареджана его преемник Багатар стал поддерживать Вахтанга. Багатар «разорял Картли, Триалети, сгонял с вотчин азнауров, и были беды великие среди жителей Картлийских». Он же захватил крепость Дзами в ущелье внутренней Грузии. В начале XIV в. овсы, по словам летописца, стали наиболее активной силой, выступавшей против Давида (54, с. 202—203, 208, прим. 58). В целом, отмечает Г. В. Цулая, источники свидетельствуют «о довольно больших возможностях овско-аланского элемента в Грузии как в политической, так и в экономической сфере» (54, с. 195).

С ослаблением позиций монголов в Грузии, усилением царской

---

⁹ Вариант: ахсарпакаиани — по мнению М. Андроникашвили, искаженная форма осетинского ахсартагата (66, с. 142).

власти, непокорность и своеволие осетин в Картли (по летописям: «весьма возвеличился мтавар Бакатар овский») превратилось в серьезную преграду для экономического развития и стабилизации политической обстановки. Феодалная знать Грузии стремилась положить конец своеволию аланской аристократии. Тавады осадили крепость Дзами в Шида-Картли. «И как ожесточилась (осада), просили овсы милостью божье пощады и обещали не вредить; с тем и явился Бакатар пред Бека и затем помер» (54, с. 203). А в начале XIV в. Георгий V Блистательный (1314—1346 гг.) возглавил феодалов, обложил Гори и после трехлетней осады взял город (163, с. 89; 434, с. 87). Указанные события сопровождались процессом (продолжавшимся и позже) оседания осетинского населения в горной зоне Грузии.

Вытесненные с Шида-Картли аланы-овсы в предании о Багатаре могли (правда, вовсе не обязательно) персонифицироваться в образе Сиды (на осетинском языке звучит Шида). Возможна и другая трактовка художественно-исторического образа Сидамона. В. И. Абаев указывает на возможность происхождения осет. имени *Sida* от древнеиранского *Spita* со значением «светлый», а *Sidamon* от авестийского *Spitama* — патронимическое имя Зароастра. Однако, как подчеркивает сам же В. И. Абаев, осет. *Sidamon* «никак не связано с авестийской традицией: скифо-сарматские племена остались чужды зароастризму» (60, т. III, с. 103—105). Если, как предполагает В. И. Абаев, осетинский антропоним *Сиды* восходит к древнеиранскому *spita* и в переводе означает «светлый», то не является ли фольклорный Сидамон персонификацией алан или какого-то компонента этноса (например, *рохсалан*)? Ведь алан часто называли «светлоголовыми». Ибн-Рустэ (160, с. 221) алан подразделял на четыре племени. «Почет и власть принадлежит племени, называемому «Дахсас». Это не что иное, как арабская передача иранского «рухсас» — светлые (белые) асы. Быть может, Сидамонта имеет такую же смысловую нагрузку, как *рухсас* или *рохсалан*? В таком случае вполне объяснимо широкое расселение «потомков» Сидамона по обе стороны Главного Кавказского хребта.

Есть еще одна гипотеза. Возможно, лингвистам удастся доказать связь антропонима с термином «Сидан» — названием местности в Уалладжире. Там, у святилища, в древности собирались перед дальними походами. В этом случае, Сидамонта — воины: рядовые и служилая знать. Здесь также понятны причины широкого расселения «наследников» Сидамона и их принадлежности к различным полюсам населения средневековых горских обществ. Какая бы из предложенных версий не оказалась верной (может, они все ошибочны), поиск необходимо вести с учетом следующего обстоятельства: основные персонажи предания об Ос-багатаре (включая

его самого) по устной традиции, оседают в Уалладжире и Туалгоме, а «потомки» Сидамона — на всей горной территории проживания алан-овсов в послемонгольский период. Это, на наш взгляд, означает, что в последнем художественно-историческом образе «закодирована» не одна какая-то определенная социальная группа, а различные сословия, вся (или значительная) часть алан, оказавшихся в XIII—XIV вв., в горах.

З. Н. Ванеев, разбирая фольклорные сюжеты, пришел к заключению, что древние «фамилии», о которых говорится в предании о Багатаре, имели генеалогическую связь с аристократией аланского царства и существовали до татаро-монгольского нашествия (см. 83). Если говорить только о Сидамонте и видеть в них, как предлагал З. Н. Ванеев, аристократический клан Алании X—XIII вв., то невозможно ответить на вопрос, почему в основном ареале распространения фольклорного памятника — Уалладжире, Туалгоме и Южной Осетии — от Сиды ведут происхождение множество непривелигированных фамилий? Остается также неясным, по какой причине за пределами территории бытования предания о Багатаре имелись феодальные группы, связывавшие себя с Сидой: ксанские и арагвские эриставы, алдары Дударовы, а по некоторым редакциям родословных — тагиата и куртата. Наконец, от внимания З. Н. Ванеева и других исследователей ускользнул тот факт, что генеалогическое предание об Ос-багатаре в первоначальном виде оформилось никак не раньше XIV в., ибо народная память наделила главного фольклорного героя чертами, характерными для реального, исторического Багатара, жившего на рубеже XIII—XIV вв.

Предложенные нами в качестве рабочих гипотез трактовки художественно-исторического образа Сиды позволяют ответить на вышепоставленные вопросы. Сидамонта — понятие не социальное; оно обнимает различные сословия алан-овсов. Поэтому к ним относили себя и феодалы, и крестьяне. Далеко не случайно термином «сидамонта» устная традиция иногда обозначала «племя», т. е. большую группу алан. В этой связи интересно сообщение Ю. Клапрота (1808 г.) о населении аулов Балта, Ларс, Чми: «Все жители этого района принадлежат к большому осетинскому племени Сидамони» (43, с. 136). Фольклорное наследие алагирцев сохранило указание на происхождение Куртатинского и Тагаурского обществ от «правнуков Сидамона» (см. 38, в. II, с. 18; 83, с. 6—7; 437, с. 81). Родоначальником алдаров Дударовых, ксанских и арагвских эриставов также считался Сидамон (23, т. VII, с. 348, 374—375, 378; 45, с. 21—24; 71, с. 48; 125, т. I, с. 124; 367, в. V, с. 9, 59). Итак, устная традиция с Сидой и его потомками связывает происхождение как аристократов, так и крестьян на значительной территории по обе стороны Главного Кавказского хребта. Определение памятника на-

родного творчества—«многочисленность Сидамоновых — фольклорное отражение многочисленности алан, мигрировавших в XIII в. в ущелья Центрального Кавказа.

Художественно-исторические образы Царазона, Кусага, Агуза и Тедла несут информацию об общественном строе Уалладжира в послемонгольский период. Царазон символизирует функцию упоравления; *кусаг* является художественным обобщением рядовых общинников; а Агуз — неимущих крестьян; в образе Тедла персонафицировано сословие кавдасардов. В этой картине социального устройства не остается места для Сидамонта. Вполне закономерно устная традиция «выводит» их из Уалладжира: по преданию, трое потомков Сиды (Ростом, Бибила и Цитлосан) покинули Алагир (см. 437, с. 79—80).

Первоначально предания о Багатаре и его «наследниках» существовали как самостоятельные циклы. В фольклорном Багатаре крестьян интересовали не столько знатность происхождения, сколько его добродетели, ибо герой народного творчества должен быть близок к народу и его интересам. Видимо, поэтому отдельные редакции предания с именем Багатара связывают ликвидацию эксплуатации населения Уалладжира. Под влиянием данных фольклорных сюжетов некоторые дореволюционные исследователи (В. Б. Пфаф, В. Чудинов и др.) писали, что, «благодаря успехам Ос-Багатара», население Алагирского ущелья «совершенно сбросило феодальное иго». После оформления «аристократических» родословных, как ответная реакция, возникли рассказы крестьян об их «знатном» происхождении. Народ пошел не по пути создания новых фольклорных произведений, а объединил в единое целое три рассмотренных нами цикла. В возникшей редакции население Уалладжира выводилось от одного человека, но не просто от этнарха Оса, как в этногенетической легенде, а от Ос-Багатара. Новоявленный этнарх обладал высочайшим социальным статусом: Багатар-царь. Как и по этногенетической легенде, согласно новой версии, «все Алагирцы одинаково потомки Оса-багатара...» (125, т. I, с. 36). Столь знатный предок в глазах народа являлся убедительным «обоснованием» претензий на дворянство. В XIX в., особенно после проведения Крестьянской реформы, число претендентов на дворянство заметно возросло. Из 3701 куртатинца мужского пола (главы семей) заявления в сословные комитеты подали 3602, а в Алагирском обществе — все взрослое мужское население — 2714 человек (20 в., оп. I, д. 51, л. 141—146). Некоторые исследователи, иронизируя по этому поводу, писали: «на Кавказе князей и дворян разных степеней такое множество, что в этом отношении с Кавказом не может сравниться ни одна страна в мире...» (216, с. 163—164).

Конечно, непосредственная связь предков жителей Алагирского

ущелья с царским домом Алании, проводимая в предании, нереальна. Вера в эту связь детерминировалась коллективной памятью. Человек средневековой эпохи — не обособленный индивид, а член группы. В окружающем мире он ориентировался не при помощи собственных знаний и способностей, а опираясь на коллективные верования и представления, откуда он черпал свои убеждения, в том числе критерии истинности и ложности. Он не ведал персональной правды: истиной для него являлось то, во что верил коллектив. Принадлежность к определенной группе «рождает у индивида настоятельную потребность утверждать те истины, которые жизненно важны для его коллектива» (108, с. 98—99). Отсюда и уверенность алагирцев в родстве с Багатаром. Говоря словами А. Я. Гуревича, истина здесь представляла собой коллективную ценность, обусловленную целями и традициями группы, и только в них она находила свое обоснование (108, с. 99). В этом смысле фольклор — коллективное крестьянское сознание с точки зрения его происхождения и художественных образов, которыми он пользовался (105, с. 281—282).

Отдельные сюжеты преданий о Багатаре и его «сыновьях» отражают социально-политическую историю алан-овсов XIII—XIV вв. По устной традиции, потомки Сидамона — Ростом, Бибила и Цитлосан — из-за междоусобной борьбы покинули Уалладжир и осели в Южной Осетии, «где, добившись сперва эриставста, сделали затем родоначальниками грузинской княжеской фамилии Сидамоновых-Эристовых» (437, с. 67, 69—80). Сведения фольклора созвучны с данными письменных источников, например, хроники «Памятник эриставов» (ПЭ), созданной между 1405/6—1410 гг. в Ларгвисском монастыре Григолом Бандас-дзе (см. 33, с. 106; 45, с. 11—13). Рукопись хроники состоит из 10 пергаментных листов и делится на две части. Первая часть (л. 1—2), в которой описываются события IX в., явно фольклорного характера, но вторая, касающаяся событий конца XIII—XIV вв., представляет собой ценный исторический источник (33, с. 106; 45, с. 7—18; 434, с. 100). В первой части ПЭ повествуется о появлении потомков Сиды в Ксанском ущелье. Согласно хронике, из-за междоусобиц «в стране Осетской» трое царевичей — Ростом, Бибила и Цитлосан — с 70 «добрыми рабами» через Заки пришли «в страну Двалетскую», а оттуда — в Ксани, где стали эристами (45, с. 21—24).

Исследователи неоднократно пытались дать историческую интерпретацию приведенных фрагментов, в частности, определить время возникновения династии эриставов — Сидамонов. В. Б. Пфаф, М. Джанашвили и Е. Г. Пчелина относили это событие ко времени правления императора Юстиниана. Причем Е. Г. Пчелина уточнила: эриставом ксанским «Ростом был назначен около 574 года ви-

зантийским императором Юстинианом»¹⁰ (см. 367, в. V, с. 59; 370, с. 92, 101, прим. 38; 434, с. 103). Итак, первого царя, названного в ПЭ Иствиниане, перечисленные исследователи отождествляли с императором Юстинианом. Но согласиться с этим нельзя, ибо, как подчеркивает С. С. Какабадзе, нет данных о столь активном и мелочном вмешательстве Византии во внутренние дела незначительной провинции. Критический разбор сведений первой части ПЭ позволил С. С. Какабадзе установить хронологическую последовательность трех царствующих особ, упоминающихся в ней: какой-то Иствиниане, Давид I (876—881 гг.) и Адарнасе II (888—923 гг.) (33, с. 107—108). Хроника, таким образом, отсчет династии ксанских эриставов начинает с IX в. Но и эта дата вызывает серьезные сомнения. Согласно варианту предания, записанного в 1799 г. И Багратиони, «в 1235 г. во время смут при царице Русудан из Нарского хеви Осетинского царства пришли предки современных эриставов Бибила и Рати». Это довольно путаная версия, по убеждению специалистов позднего и, по крайней мере частично, книжного происхождения» (33, с. 123, примеч. 27).

После первой части ПЭ следует промежуток в 26 (!) царствований; вторая начинается с описания событий конца XIII в. Большой разрыв между частями хроники свидетельствует, видимо, о том, что Сидамонта появились в Ксани в конце XIII столетия. Своеобразное «введение» к памятнику (л. 1—2) понадобилось для идеологического обоснования законности привилегий эриставов, дарованных царем Грузии — по хронике: Иствиниане пожаловал Ростому 7 ущений «и всех азнауров, живших там, и назвал (его) эриставом цхразмис-хевским. И облачил (его царь) в одеяние, в которое тогда был облачен царь, и надел перстень, серьгу и пояс свой, (пожаловал ему) оружие и (одетого) в броню коня, знамя и копье» (45, с. 24).

И по фольклорным памятникам, и по хроникам, потомки Сидамона перешли в Ксани из-за междоусобиц «в стране Осетской». Противоборство аланских феодалов в XIII в. — дело обычное. Децентрализаторские устремления знати стали главной причиной поражения овсов в битве с туменами Джебе и Субудая в 1222 г. Венгерские миссионеры (1235 г.) обратили внимание на феодальную раздробленность и междоусобицы в Алании, из-за которых даже на сельскохозяйственные работы «все люди одного селения при оружии вместе идут...» (22, с. 31). По рассказу доминиканца Юлиана, также посетившего Северный Кавказ в 1235 г., у алан «сколько местечек, столько князей, из которых никто не считает

---

¹⁰ В одном из прошений начала XIX в. эриставы утверждали, что имение в Ксани находилось «во владении их предков фамильно и потомственно до двух тысяч лет...» (23, т. VII, с. 378).

себя подчиненным другому. Здесь постоянная война князя с князем, местечка с местечком...» (22, с. 33). Противоречия среди аристократов наиболее отчетливо проявились во время второго похода чингизидов на Кавказ (1238—1240 гг.). Некоторые феодалы ради сохранения своих классовых привилегий переметнулись на сторону врага, получая за службу захватчикам подтверждение своих владельческих прав, награды, должности и дорогие подарки. Крупные землевладельцы без боя сдавали целые области. Китайская хроника «Юань-Ши» прямо указывает на это: асский правитель Хан-Ху-сы со своим народом подчинился Угэдэю, как только монголы достигли границ его владений. За это феодала возвели в звание «бадура», пожаловали золотую пайцзу и «оставили властвовать... над землею и народом». Вскоре по указу завоевателей он набрал «войско осов в 1000 человек», а его сын Атачи находился «в свите и сопровождал государя в походе». Сын Атачи Бодар наследовал должность тысячника и носил золотую пайцзу. В 1283 г. Бодару пожаловали тигровую пайцзу, назначили командиром гвардии и главнокомандующим «отдаленных сторон». В стан врага перешли Арслан, Илья багадур, Негулай, Коуэр-цзы, Фулай-сы, Бадур, У-цзорбу-хань, Матарша и еще 30 асов (50, с. 38—40).

Монголы умело использовали трения среди аланской аристократии, послав, например, воинов князя Матарши на Магас (138, с. 44). Став вассалами Золотой Орды, отдельные феодалы собирали дань со своих соплеменников. Так, Менгу назначил некоего Аргуна главным сборником налогов в «западных странах», а в 1255 г. отправил вместе с другими чиновниками произвести перепись «подчиненных народов», в том числе населения Северного Кавказа.

Вторую группу аланской аристократии XIII в. составили феодалы, осевшие в горных ущельях и продолжавшие борьбу с завоевателями. Монголы неоднократно вынуждены были посылать сюда карательные экспедиции. В 1247—1248 гг. татаро-монголы вновь нанесли аланам чувствительное поражение (96, с. 43). Но они так и не смогли подчинить горную зону своему влиянию. Плано Карпини в «Путешествии к татарам» воспроизвел события, свидетелем которых являлся сам: «в нынешнее время осаждали они (монголы. — Ф. Г.), кажется, двенадцать лет в Аланской земле гору, которая, однако же, сопротивлялась храбро, и многие татары и вельможи их под нею погибли» (50, с. 34). В упомянутой горе подразумевается крепость на возвышенности; скорее всего речь идет об известной крепости Дар-и-Алан в глубине Дарьяльского ущелья. Монголы стремились взять под контроль перевальные пути в Закавказье, в том числе дарьяльский, но они не могли этого сделать, не захватив крепость Дар-и-алан.

Данные Плано Карпини о длительности осады — 12 лет — требуют коррективов. Поскольку он побывал на Северном Кавказе в

1246 г., то получается, что монголы приступили к осаде в 1234 г., когда их здесь еще не было. Следует согласиться с В. А. Кузнецовым и отнести начало осады аланской крепости в горах к 1238/39 гг.; следовательно, она велась не 12, а 8 лет (138, с. 39).

В 1253—1254 гг. через Северный Кавказ проследовал Вильгельм де Рубрук. Он также обратил внимание на упорное сопротивление, оказываемое горцами завоевателям. В частности, В. де Рубрук писал: «...черкесы и аланы или аас, которые исповедуют христианскую веру и все еще борются против татар. За ними, вблизи моря..., находятся некие сарацины, именуемые лесгами, которые равным образом не подчинились татарам» (43, с. 17; 142, с. 59). «Аланы на этих горах,—продолжал он далее,—все еще не покорены, так что из каждого десятка людей Сартаха двоим надлежало караулить горные ущелья, чтобы эти аланы не выходили из гор для похищения их стад на равнине...» (43, с. 19). В начале 60-х гг. XIII в. аланы, используя поход хулагидов, выступили против золотоордынцев, но потерпели неудачу. Крупное восстание вспыхнуло в городе Дедакове. Когда оно началось, сказать трудно. Единственное известие об этом событии содержится в «Воскресенской» летописи. «В лето 6785 (1277)» пошли в Орду князь Борис Ростовский с братом Глебом и сыном Михайлом, князь Федор Ярославский. Князья с ханом «Менгутемиром поидоша на войну на ясы, и приступиша русии князи¹¹ ко яскому городу ко славному Дедакову, и взяша его месяца февраля 8» (50, с. 35—36; 179, с. 67—68), т. е. зимой 1278 г. Таким образом, дата падения города известна, но начало восстания точно установить пока не удается.

Третью группу аланских феодалов образовывали князья, переселившиеся в Грузию.

Каждая из групп в свою очередь распадалась на более мелкие блоки, враждовавшие между собой. Врагами нередко становились и бывшие союзники. Так, в конце XIII в. в один блок входили «царевич овский» Багатар и эристав Шалва, принадлежавший к «колену Сидамонта». Шалва даже «привел в жены дочь царя осов, по имени Ширд...». Но вскоре союз эриставов и Багатара распался.

После воцарения Георгия V (1314 г.) грузинские феодалы активизировали усилия по пресечению влияния осов в Картли. Весьма существенную помощь в этом им оказал новый ксанский эристав Вишел. «Тогда окружил (Георгий) осов, находившихся в Гори, и воевал (с ними) три года. Вишел же и войско его воевали лучше всех (других) войск, и хвалили их хвалой великой...» Последующие

---

¹¹ Характерно для политики чингизидов. Татарские ханы постоянно посылали отряды из жителей покоренных районов на войну. Если хан вынудил русских князей идти на Кавказ для штурма Дедакова, то среди туменов Мамая в 1380 г. находились и представители горских народов.

эриставы также воевали со своими соплеменниками. Например, ПЭ описывает поход Вишела III в аул Мна Трусковского ущелья: «И была битва жестокая, ибо люди те были ловкими воинами, храбрыми и богатырями, и полностью в доспехах. И было (пущено) множество стрел, подобно дождю частому, и (брошено) множество камней, подобно граду, и скатываемых (камней) в неисчислимом множестве. Тогда были убиты от большого числа стрел главы и богатыри страны их: Сунгу, Пареджан, Амсаджан, Бакатар и многие другие» (45, с. 27, 34).

Приведенное сообщение ПЭ относится к концу XIV в. Однако Фареджан умер в конце XIII в., а Багатар — в 1304 г. Возможно, создатель хроники объединил несколько разновременных событий. Григол Бандасдзе, пишет С. С. Какабадзе, допустил ряд ошибок при определении хронологии событий (33, с. 109). О других лицах, упомянутых в разбираемом фрагменте ПЭ, ничего неизвестно. Правда, можно отметить, что с именем Сунгу созвучно название реки и ущелья в Дигории — Сонгу(ти), возводимое А. Дз. Цагаевой к монгольскому *сонг* — «дикий лук» (195, ч. II, с. 295).

Антропоним Амсаджан состоит из двух элементов. Длительный период составные имена выражали привилегированность социальной верхушки (357, с. 207—208). В этом смысле, возможно, за именами *Сунгу* и *Амсаджан* скрываются какие-то владельцы из Туалгома; тем более что ПЭ ставит их в один ряд с Фареджаном и Багатаром. Эриставы стремились подчинить своему влиянию Туалетию. Борьба шла с переменным успехом и особенно острый характер приняла при Вишеле III. Собрав войско, он обратился ко «всем старшим и всему войску»: ...«мы уделим им время (и) либо опустошим страну их, либо же превратим их в слуг и податников наших». Вишелу удалось покорить нижних туалцев: кошкцев, носебуров, тлевцев, мугис-вельцев, згуберцев и рокцев. Они прислали заложников и обязались платить дань. Вишел расширил границы владения до Коби (45, с. 33—34) — аула в верховьях р. Терек недалеко от Крестового перевала.

Устная традиция и «Памятник эриставов» сохранили информацию об общественном строе Туалгома в XIII—XIV вв. Как уже отмечалось, потомки Сидамона покинули Уалладжир и через Заки пришли «в страну Двалетскую». Двалы, взяв с них присягу, что они не будут домогаться господствующего положения, выделили им место и назвали их Бибилурами. Бибилури стали «строить себе крепости и дома огромные, подобных которым не было в стране Двалетской». Двалы, заподозрив их в стремлении возвыситься над коренным населением, изгнали братьев, и те со свитой перебрались в Цхрадзмское ущелье (45, с. 21—23). Данный фрагмент стал объектом специального изучения Е. Г. Пчелиной, обоснованно увидевшей в нем неудачную попытку «закрепления феодальных от-

ношений». С этим процессом Е. Г. Пчелина связывала недостроенную крепость «Зылды масыг» в Урстуалта — области, расположенной на обоих склонах Главного Кавказского хребта — Магран Двалети грузинских источников. Крепость, относимая специалистами к т. н. «циклопическим сооружениям», находится в истоках р. Б. Лиахвы на сравнительно ровном плато. Высота стен достигает 3-х м, толщина у входа — 2,8 м. Стены не имеют следов позднейших перестроек или переделок, но в двух местах видны «следы искусственного разрушения». С юго-восточной стороны заграждение на протяжении нескольких метров разворочено «и имеет вид обвала, сброса камней вниз, что можно было сделать только при помощи рычагов». В северо-западной части стена в двух местах разобрана. По предположению Е. Г. Пчелиной, крепость начали строить «по какой-то внезапно появившейся нужде в укреплении в совершенно недоступном месте. Причина этой внезапности исчезла. Зильде Машиг брошено недостроенным и, утратив свое прямое назначение, перестало существовать для двалетцев» (см. 370, с. 87—101).

Судя по фольклорным памятникам и хронике ксанских эристов, в Туалгоме в XIII в. феодальные отношения еще не утвердились. Но в XIV в. источники отмечают здесь владельцев Сунгу и Амсаджана, которых ПЭ ставит в один ряд с «овскими царевичами». Сунгу и Амсаджан, вероятно, генетически связаны с аристократией равнинных алан, оттесненных в горы кочевниками. Аланская верхушка сыграла существенную роль в процессе феодализации Алагирского общества, хотя здесь синтез не отличался той степенью интенсивности, как в соседних районах. Вахушти отмечал относительно Туалетии рубеж XVII—XVIII вв.: «...и теперь знатнейшие из них называются осами, а прочих называют двалами». В другом месте он вновь повторяет: «А род двальцев считается низшим» (86, с. 138—142). Нам представляется ошибочным проводить абсолютную связь между социальной стратификацией и этнической принадлежностью того или иного лица. Во-первых, в XVII в. двала нельзя противопоставлять осу, ибо двал и есть осетин. Во-вторых, хотя верхи равнинной Алании, оттесненные в горы кочевниками, ускорили социальные преобразования в ущельях Осетии и составили значительную часть привилегированного слоя, у нас нет полной гарантии, что только ими ограничивался привилегированный класс. В число эксплуататоров вполне могли попасть и потомки местной родоплеменной знати.

Вообще существование привилегированных сословий в средневековом Алагирском обществе является предметом дискуссии на протяжении двух веков. Дореволюционные исследователи отрицали наличие здесь антогонистических классов. Иную точку зрения, обобщая взгляды части исследователей, отстаивает советский этнограф В. П. Кобычев. Феодализм, по его выражению, «пустил корни в

осетинском обществе» еще в аланский период. Однако позднее, после татаро-монгольского нашествия, произошел частичный сдвиг в сторону архаизации общественных отношений. К рубежу XVIII—XIX вв. жители верховьев Ардона, алагирцы и куртатинцы «пребывали в «народоправстве» и управлялись выборными старшинами-алдарами». По мнению В. П. Кобычева, аналогичная картина наблюдалась в позднем средневековье на Северном Кавказе почти повсеместно (124, с. 27, 48, прим. 135).

С методологической точки зрения возможность регрессивных процессов в эволюции того или иного социального организма не вызывает сомнений. Ф. Энгельс отмечал по этому поводу: «Итак, точное представление о вселенной, о ее развитии и развитии человечества, равно как и об отражении этого развития в головах людей, может быть получено только диалектическим путем, при постоянном внимании к общему взаимодействию между возникновением и исчезновением, между прогрессивными изменениями и изменениями регрессивными» (5, с. 22). «Представлять себе всемирную историю, идущую гладко и аккуратно вперед, без гигантских иногда скачков назад, недиалектично, ненаучно, теоретически неверно», — подчеркивал В. И. Ленин (13, с. 6).

Однако концепция «регресса» в исследованиях по истории отдельных республик и народов Северного Кавказа аргументирована с разной степенью полноты. Касательно Алагирского ущелья никто четко не доказал, что, во-первых, в X—XII вв. здесь сложились феодальные отношения; а во-вторых, что на рубеже XVIII—XIX вв. они не прослеживаются. Ссылки на «сыновей» легендарного Осбагатара нашей оценки существенно не меняют. С отношениями власти и властвования, определяемыми базисом общества, всегда связан вопрос, кто над кем и в чьих интересах осуществляет власть (322, с. 6). Конкретного ответа на данный вопрос в существующей литературе об Алагирском ущелье домонгольского времени нет.

Состояние источников не позволяет ответить точно, являлся ли феодальный уклад в горах Осетии в домонгольский период формационным? Аланы, появившись на Северном Кавказе на рубеже двух эр, вскоре вступили в контакты с автохтонными племенами. Население Центрального Кавказа в то время находилось примерно на одинаковой ступени общественной организации, хотя в развитии производительных сил, по-видимому, определенные различия имелись. Аланы переживали стадию военной демократии. Из словесных групп можно выделить алдаров (военных предводителей) и уацайрагов (пленников). Название войска в осетинском «æфсад» также унаследовано от древних времен. Вероятно, этим же термином обозначалась рядовая часть населения. В заключительную фазу эпохи военной демократии и в начале феодализма она получила новое наименование — «хуымæтæг» — простой (человек). По

В. И. Абаеву, последний термин заимствован из древнерусского «кмет» — земский ратник, поселянин (58, с. 65, 334).

Социальные последствия контактов первого тысячелетия для горной зоны не следует преувеличивать. Влияние усилилось после образования раннефеодального государства у равнинных алан, в составе которого оказался и Центральный Кавказ. Однако не на всей территории аланского государства господствовали феодальные отношения. Нельзя смотреть на феодальную формацию как на нечто сложившееся одновременно и повсеместно. Утверждение в одних районах феодализма, как формации, не исключает продолжение его генезиса в других (330, с. 94—95). Так и в данном случае, в горах процесс феодализации не зашел так далеко, как на равнине. В нашем распоряжении нет данных о существовании в домонгольском Уалладжире вотчин,¹² равно как и о монопольной собственности привилегированных слоев. Поэтому у нас нет оснований говорить о рентном способе эксплуатации непосредственных производителей, ибо рента (по К. Марксу) всегда связана с отчуждением в пользу собственника прибавочного продукта в любом его объеме. В земельной ренте выделяются три основных признака. Во-первых, это доход только собственника угодий. Во-вторых, его источник — прибавочный труд, а материальная основа — продукт труда в материальном или стоимостном выражении. В-третьих, доход должен присваиваться без нарушения условий существования и функционирования всех лиц, охваченных рентными отношениями (90, с. 13—15). Исходя из этого, пока нельзя признать наличие ренты в Уалладжире в домонгольский период. Эксплуатация населения Алагирского ущелья в X—XIII вв. осуществлялась скорее всего в форме дани.

При характеристике общественного строя Уалладжира исследователи нередко оперируют Нузальской надписью. А. Головин Нузал характеризовал как «знаменитую в предании осетин резиденцию родоначальника и царя их». Он же одним из первых привел перевод грузинской надписи в местной церкви: «Мы были 9 братьев Чараджоновы и Сахиловы: Ос-Багатар, Давид-Сослан с 4 царствами боровшиеся, Фидарос, Жадарос, Сокор и Георгий, для врагов страшный. Наши братья: Исаак, Роман и Василий сделались верными рабами Христу (монахами). Мы имеем с 4 сторон пути охранные: в Кассарском ущельи замок, (где брали плату с прохожих), мостовые ворота; я в ожидании будущего века жил здесь. Золотой и серебряной руды имеем столько же довольно, как воды. Кавказ покори́л с 4 царствами равнялся, у грузинского царя (Еах-

¹² В средневековье вотчина (поместье, имение и т. д., т. е. любая форма феодального хозяйства) служила центром зависимости крестьян и являлась индивидуальной формой феодального способа производства (365, с. 24).

танга) сестру отнял, не теряя своего достоинства и обычаев, но он настиг, нарушил клятву и взял на себя мой грех. Багатара утопили и истребилось войско Оса. Кто эти стихи будет читать, пусть помянет меня» (272, с. 450).

В делах «Комиссии для разбора сословных прав горцев Кубанской и Терской областей» сохранился документ, датированный августом 1860 г. и содержащий «надпись на Нузальской Царазонской церкви». Надпись представляет собой 9 четверостиший на грузинском языке с синхронным переводом на русский. Так как данный вариант отличается от всех опубликованных редакций (см. 173, с. 104—105), то мы приведем перевод эпиграфии:

«1) Нас было 9 братьев
Царазоновы-Цахиловы: —
Ос-Багатар, Давид и
Сослан с 4-мя царствами
борющиеся

2) Фидарос, Доладороз, Сокур-
Георгий, с презрением на
врагов взирающие

3) Братья наши Исаак, Ро-
маноз и Басил сделались
добрыми рабами Христа
(монахами)

4) Мы содержали в 4-х
углах узкие проходы дорог

5) В касаре имели укрепление и
сабаж (заставу), здесь содержи-
м двери моста, с будущим обнаде-
жен, в настоящем благополучен

6) Руды золота и серебра имею
в таком изобилии, как вода.

7) Покорил Кавказцев, противостоял 4-м
царствам (народам)

8) У грузинского (Батони)
князя похитил сестру, не
оставил своего рода;

постиг меня, клятвою
обманул, наложил на
себя вину мою (грех)

9) Багатар утонул в воде
войско осетин истреблено» (21, ф. 16, оп. 1, д. 26, л. 48—
48 об.).

В делопроизводстве комиссии стихотворение препровождено следующей записью: «Копия с надписи, сохранившейся и поныне на

стене Нузальской Царазонской церкви, при сем прилагается для дальнейшего исследования, как достопримечательный памятник» (там же, л. 48). Сейчас трудно судить, с чего снималась «копия», т. к. надписи в церкви Нузала к 1860 г. уже не было. По словам местных жителей, ее уничтожил священник Николай Самарганов, бывший в Осетии в 20—30 гг. XIX в.

Эпитафия обрела многочисленными легендами и, по определению современников, пользовалась «громкою», можно сказать, европейскою известностью» (367, с. 61). Такая популярность только мешала поиску истины и давала богатую пищу для возникновения многочисленных вымыслов. Это послужило поводом для отрицания и даже существования Нузальской надписи. «...в верховьях Алагирского ущелья, в очень древней церкви, — писал В. С. Толстой, — на стене изображено фресками пять вооруженных мужчин во весь рост: лица их соскоблены, — вероятно магометанами-шиитами; но под двумя из этих изображений сохранились надписи греческими буквами: Пидарос и Сослан, и совершенно безотчетное сказание осетин поясняет, что это — изображение Осса-богатыря, родоначальника осетинского народа, и его четырех братьев: Картлоса — родоначальника грузинского народа, Лезгоса, от которого происходят лезгины, Имеретоса, чье имя приняли имеретинцы и Менгрелоса, родоначальника менгрельского народа. Не имея собственной грамотности и не разбирая греческих букв, осетины не затрудняются пояснением существующих надписей, не соответствующих этому рассказу. Но странно, что и в Грузии повторяется басня о Картлосе и его братьях, из которых одного грузины также называют Оссом-богатырем» (397, с. 4). В. С. Толстой вообще не упоминает Нузальскую надпись, определяя свое отношение лишь к этногенетическим преданиям осетин и грузин.

Скептически относился к эпитафии и Д. Лавров: «Нам случилось лично слышать от рассказчиков предания об Ос-багатаре, ссылку и указание на нузальскую надпись, как доказательство верности сообщаемых ими сведений... естественно допустить, что имя это... усвоено осетинами, может быть даже вместе с преданием из грузинских источников» (146, с. 211—212). Иными словами, Д. Лавров возникновение предания и эпитафии об Ос-Багатаре связывал с книжной традицией Грузии. Вопрос о подложности или подлинности Нузальской надписи остается предметом дискуссии и в настоящее время. Последние исследования грузинских специалистов К. Кекелидзе, К. Сихарулидзе, Ш. Ониани и И. Лолашвили привели их к заключению о ее позднем происхождении на рубеже XVIII—XIX вв. (21, ф. 6, оп. I, д. 89, с. 54; 140, с. 134—150; 173, с. 104—119; 360, с. 48—60), но это мнение не представляется бесспорным.

Помимо надписей внимание ученых привлекли остатки древней

фресковой живописи. По предположению В. А. Кузнецова, на стенах церкви изображены четыре портрета священнослужителей из местного осетинского населения. Имена трех из них установлены по надписям: Романоз, Басили и Сокур. На левой стороне расположены пять фигур без нимбов, в типичной кавказской одежде и головных уборах. Полностью достоверными являются имена Сослан и Елиа. Еще два имени — вероятнее всего Атон и Фидарос. Восстановление же имени Давид (по единственной букве «д») вызывает споры (см. 140, с. 134—150). Особый интерес вызывает фигура всадника, охотящегося на оленей. П. С. Уварова видела в нем царя Грузии Фарнаваза. Последующие исследователи не разделили это предположение, как позже многие не согласились с мнением искусствоведа К. А. Берладиной, что данный сюжет изображает «чудо» Евстафия Плакидия. Е. Г. Пчелина склонна видеть во всаднике Давида Сослана, а И. Лолашвили—Ос-Багатара. Решающих аргументов, справедливо отметил в 1974 г. В. А. Кузнецов, никто не привел, и значение этой фигуры остается неясным. Правда, сам В. А. Кузнецов вскоре пересмотрел свои взгляды по данному вопросу и присоединился к мнению К. А. Берладиной (451, с. 119).

Большие расхождения существуют и во мнениях и относительно времени постройки Нузальской часовни. Г. А. Кокiev и Л. П. Семенов время строительства часовни определяли XII—XIII вв. (129, с. 66; 381, с. 82); А. Ф. Гольдштейн — XIII в. (101, с. 63); З. М. Салагаева и В. А. Кузнецов — рубежом XIII—XIV вв. (139, с. 74; 378, с. 45). Предпринимались попытки определить точную дату: С. Ф. Мельников-Разведенков называл 1224 г. (455, с. 169). В «Терском календаре» на 1910 г. основание аула Нузал относилось к 1272 г., а часовни — XIII в. (460, с. 358, 359). По Г. Баеву, надпись о 9 братьях появилась в 1320 г. (46, с. 10). Однако в пользу какой-либо из датировок не приведено ни одного аргумента. Анализ раствора церковных стен дал А. О. Наглеру 1272 г. (458). В. А. Кузнецову по палеографическим особенностям автографа («Вола Тлиаг») удалось датировать фрески часовни XIV в. (452, с. 119). Неутихающие споры вызывает открытое Е. Г. Пчелиной в 1946 г. погребение под полом Нузальской часовни (см.: например: 109, с. 35; 139, с. 76—78; 155; 277, с. 80). Одни исследователи считают погребенного Давидом Сосланом, другие — отрицают это. В целом, этот вопрос, как и проблема историзма Нузальской надписи, еще ждет своего решения.

Раздел II

ПОЯВЛЕНИЕ РОДОСЛОВНЫХ— РЕЗУЛЬТАТ РАЗВИТИЯ СОЦИАЛЬНЫХ ОТНОШЕНИЙ

1. ВОЗНИКНОВЕНИЕ ГЕНЕАЛОГИЙ ФЕОДАЛОВ ОСЕТИИ

Родословные осетинских феодалов восходят к рубежу XV—XVI вв. Объяснение этому следует искать в углублении процесса феодализации в указанный период. Генеалогии не играли большой роли, пока лидеры социальных организмов не испытывали потребности укрепить свое положение при помощи родословных. С возникновением такой потребности появляются поддельные генеалогии (411, с. 120). Именно поддельные, т. к. больше, чем сомнение, вызывают существование мифических прародителей местной знати — Бадела, Царгаса, Куртата, Тага и др. Знатный род «нельзя было выводить из своей собственной страны», т. к. это неизбежно возводило его к какому-то «незнатному родоначальнику» (149, с. 38).

Родословные таблицы и генеалогические предания осетинских феодалов служили идеологическим обоснованием «законности» их господства над народом. В названных источниках проявлялась также специфика исторического познания феодальной эпохи. Историческое познание удовлетворяет устойчивые социальные потребности. Различные классы одобряют и порицают различные нормы и эталоны. Соответственно в исторических сочинениях и устных рассказах преобладают то одни, то другие краски. Это обстоятельство обуславливает одну из функций исторического познания: удовлетворение потребности, «возникающей по мере развития политической деятельности и самой политики как сферы взаимоотношения и борьбы классов и социальных групп». Политика тесно связана с правовым регулированием внутренних и внешних конфликтов, которое требует особой аргументации, опирающейся на исторические свидетельства. Поэтому «в тени генеалогических деревьев возникали претензии на престолы» (171, с. 8—11), привилегии и т. д.

В этом смысле появление родословных — результат развития социальных отношений. Конкретизировать время возникновения «аристократических» родословных помогают генеалогические и исторические предания. Обратимся для примера к фольклорному наследию Дигорского общества. Для решения рассматриваемой проблемы особое значение имеют два памятника: «Задалески нана» («Задалеская мать») и «Песня об Айдаруке».

В первом произведении устного народного творчества отражено нашествие жестокого завоевателя Тимурленга. События в песне изображены в строгой последовательности: нашествие Тимура, гибель осетинского войска («мужественная молодежь, один лучше другого, ... в царство мертвых отправляются»), уход в недоступные горы, появление там новых сел.

«Но оказалась на счастье народа
Женщина на свете,
Сирот собрала, подобно стаду овечек,
Ночью и днем сторожит их от дикого зверя и недруга.
С равнины — в лес, из лесу — на поляну,
В сторону Дигорского перевала повернула,
Через Цагат перешла и с детьми в Задалеске
поселилась...
Когда выросли они, окрепли, села основали...»

(42, т. I, с. 363—364; 192, с. 75—76; 402, с. 76).

Песня, по предположению Т. А. Хамицаевой, возникла в то время, когда в горах жило второе-третье поколение переселившихся с равнины алан-овсов, когда перед потомками встали вопросы: откуда пошла нынешняя Дигория? Почему часть ее называется Тапан-Дигория, что в дословном переводе означает «равнинная (плоскостная) Дигория». Не принесли ли это название переселенцы, тем самым выделив себя от остальных горных осетин, раньше заселивших эти места (192, с. 80)? Следовательно, данный фольклорный памятник возник во второй половине XV в.

К рубежу XV—XVI вв. относят специалисты возникновение «Песни об Айдаруке» (192, с. 66, 156), основная сюжетная линия которой — узурпация власти Баделом, оттеснившим на второй план Айдарука Кабанова. В образной форме народная память запечатлела борьбу между социальными верхами равнинных алан, вынужденных уйти в горы в результате походов Тимура, и горской знати. Подчеркивая местное происхождение Кабановых, многие «демократические» версии предания о баделятах именуют его Дигор-Кабан, а от Дигора, по тем же редакциям, произошло все коренное население (20 г, оп. I, д. 10, св. 2, л. 64—64 об). Иногда в преданиях встречается имя другого местного владельца — Астанов Дзанболат. Интересен в этой связи и следующий факт: в стойкой народ-

ной традиции башня Абисаловых неизменно именуется «Астанти-фидар» — Крепость Астановых (129, с. 16). Противопоставление «местных» и «пришлых» владельцев не противоречит исторической реальности. Как отмечает В. И. Абаев, со второй половины I-го тысячелетия историю аланов-овсов «приходится строить на различии исторических судеб двух групп этого народа: горных алан и алан равнинных» (58, с. 82). В XIII—XIV вв. после нашествий кочевников равнинные аланы были оттеснены в горы, что привело к столкновению двух групп социальных верхов. Этот конфликт отражен в песне об А. Кабанове. Возможно, песня появилась как реакция на возникновение «аристократических» редакций о Баделе. В таком случае, последние оформились не позднее рубежа XV—XVI вв. К этому же времени восходят и генеалогические таблицы бадеятвов (20 е, оп. I, д. II, л. 2—94).

Вероятно, чуть позже оформились родословные рассказы царгасатов. Во всяком случае, фольклорная традиция запечатлела яростную борьбу за власть в Стыр-Дигории в первой половине XVI в. между кланами Царгаса и Хамица (158, т. I, с. 100—103), завершившуюся почти полным истреблением Хамицаевых. Скорее всего именно в этот период для обоснования претензии на управление обществом был создан генеалогический рассказ о Царгасе.

Б. А. Калоев и В. С. Уарзиати появление Хетага в Осетии (точнее говоря, возникновение родословной) относят к XVI в. (118, с. 56; 406, с. 87). К концу XV—XVI столетий восходят также родословные гагуатов, тагаурских и куртатинских феодалов. Важные перемены в общественном строе (оформление доменального хозяйства), ожесточенная внутриклассовая борьба, стремление подчинить общину—все это требовало идеологического обоснования, каковую функцию и выполняли генеалогические предания. Поэтому вопросы общественного строя в родословных занимают ключевое место.

Сюжеты «аристократических» редакций преданий о Баделе, Царгасе, Гагуа, Курта и Тага начинаются с описания их прихода в Осетию. Фольклорная традиция не только осетин, но и всех народов мира, очень часто выводила привилегированные фамилии и целые этносы за пределы занимаемой территории. Сошлемся на примеры фольклора горцев Северного Кавказа. Высшее сословие абадзехов происходило будто бы от выходца из Арабистана или Абхазии, балкарские таубии — от маджинарина Басиата, хатукаевцы — от одного из приближенных халифа Омара из Аравии (137, с. 273; 148, с. 53; 289, с. 9—12); пытаясь обожествить феодальных правителей Дагестана, Г. Алкадари в хронике «Асари-Дагестан» многих владельцев называл прямыми потомками родственников пророка (24, с. 22—23). Эта мысль проводится и в сочинениях «Тарих-Дагестан», «Дербент-наме» (215, с. 119—120). Здесь,

видимо, сказалась характерная для древнего периода ограниченность исторического мышления. Всякое новое явление в жизни общества считали появившимся со стороны. Особенно это сказывалось там, где дело касалось происхождения знатных родов (149, с. 38).

Правда, в отдельных частных случаях фольклорные герои отражают реальные миграционные процессы. В этом отношении показателен художественно-исторический образ Бадела. Около двух столетий продолжается дискуссия о его прародине и времени прихода в Дигорию. На вопрос, откуда он пришел, устная народная традиция дает два ответа.¹ Баделята утверждали, что их родоначальник пришел из Венгрии (20 г, оп. 1, д. 10, св. 2, л. 46—46 об.). Об этом же сообщается и в некоторых вариантах балкарской легенды о происхождении таубиев. В одном из них повествуется о том, как в далеком прошлом из-за моря, из Маджарии, пришли два брата царской крови: Бадел и Бассиат (137, с. 273). Венгрию считали прародиной Бадела С. М. Броневский, К. Красницкий, Н. Ф. Дубровин (78, т. II, с. 74; 114, с. 354; 318, № 31). Сторонники этой точки зрения под Маджарами понимали страну мадьяр, т. е. Венгрию. Однако В. Ф. Миллер и М. М. Ковалевский убедительно доказали тождество Маджар в предании с городом Маджары, развалины которого они отметили у с. Прасковья Ново-Григорьевского уезда Ставропольской губернии (158, ч. I, с. 139; 355, с. 553—554).

Маджары — крупный золотоордынский центр на Северном Кавказе, занимавший площадь 8 кв. км (338, с. 3); город с разноплеменным населением. По магистрали, шедшей через него, обычно перегоняли скот (371, с. 156). Расцвет города приходится на XIV в. (115, с. 122). В XV—XVI вв. он приходит в упадок. В середине XIV в. при Джанибек-хане велись восстановительные работы на обветшалых оборонительных сооружениях (37, ч. I, с. 116, 117). По мнению М. Д. Полубояриновой, значительную долю населения составляли христиане (116, с. 125). В крупнейшем городе Золотой Орды — Сарае Берке — по описанию Ибн-Батуты, «монголы, асы, кипчаки, черкесы, русские, византийцы населяли отдельные кварталы, в которых имелись базары». Н. Г. Волкова полагает, что подобный характер поселения имел место и в Маджарах (см. 249, с. 53—54). При раскопках города обнаружено пряслице конца XIII—начала XIV вв. с осетинской надписью, выдержанной в нормах дигорского диалекта (189).

Таким образом, прототип Бадела мог быть выходцем из Ма-

---

¹ В дореволюционной историографии место, откуда пришел Бадел, локализовалось в разных точках Евразии. Например, по убеждению анонимного публициста, баделята являлись выходцами из Средней Азии (280).*

джар. Для проверки данного тезиса необходимо выяснить, когда он поселился в Осетии. Обратимся за помощью к генеалогическим таблицам. В родословных дигорских феодалов, записанных в середине XIX в., перечислены 8 поколений. Если считать, как принято, на каждое колено 33 года, то временем появления Бадела в Осетии следует считать рубеж XV—XVI вв. К этому времени З. Н. Ванеев относил «начало баделянских родов (время жизни родоначальника их Бадела)» (84, с. 91).

По генеалогическим таблицам дигорских феодалов их предок взял жену из рода Крымшамхаловых. На Центральном Кавказе известны черкесские князья Крымшамхаловы. В этой связи интересен фрагмент генеалогического предания в редакции Штедера: «Баделяты были двумя братьями, потомками маджарского хана, после рассеивания Маджар они натолкнулись... на жителей спокойных Дигорских долин... младший совершал набеги на равнину, познакомился с черкесами, женился на дочери их князя и прогнал свою первую жену с ее детьми» (205, с. 124—125). Но т. к. фамилии на Северном Кавказе возникли в XVII в., то не исключено, что мы имеем дело с указанием на сословное происхождение супруги Бадела. Иными словами, она могла быть дочерью дагестанского владельца крымшамхала — правителя Буйнака. Титул *крымшамхал* «образовался после того, как шамхалы окончательно основали свою резиденцию в Тарках» (425, с. 56, прим. 5). Первый тарковский шамхал Чобан-хан умер в 986 г. хиджры (1578 г.) (160, с. 23). Казалось бы, примерно на это время приходится период жизни Бадела. Но этот хронологический рубеж представляется довольно поздним.

В некоторых вариантах предания появление фольклорного героя относится к середине XIV в. (114, с. 354; 318), в других — к XII в. (20 д, оп. I, д. 29, л. 39—40). В. Б. Пфаф для определения времени жизни Бадела обратился к следующему фрагменту предания: Бадел «пришел в Дигорию первый с огнестрельным оружием, фитильною винтовкою» (367, в. V, с. 85). Фитильная винтовка — «уточнение» В. Б. Пфафа, в остальных редакциях говорится просто о ружье. Гладкоствольное ружье появилось в конце XIV в. (см. 192, с. 155). На Северном Кавказе пищали впервые использовали воины Тимура в сражении 1395 г. с Тохтамышем (413, с. 54), а среди горцев они распространились в XV—XVI вв. (329, с. 167). В начале XVII в. ружье в горах уже не в диковинку. В 1604 г. на послов М. Татищева и А. Иевлева недалеко от Ларсова кабака напали «горские люди с вогненным боем» (27, с. 456). В. Б. Пфаф обратил внимание и на башенные бойницы, судя по которым, «огнестрельное оружие едва ли было известно раньше» XVI в. «Следовательно, — заключал он, — Бадилаты ни в коем случае не древнее» этого времени (367, в. V, с. 85). Однако, если уж брать в расчет

указание предания на ружье Бадела, то не следует игнорировать сообщение источника об его уникальности: ружье еще не было известно горцам. Бадел выстрелил лишь однажды, «и хотя был убит один человек, но неприятель, объятый паническим страхом и действием *невиданного* оружия, разбежался в разные стороны» (114, с. 354). Иными словами, Бадел появился в Дигории до XVI в., когда пищаль являлась «невиданным оружием».

Для установления «нижнего горизонта» в фольклорных памятниках важны наиболее древние термины и понятия. Хотя и они не устраняют трудностей в определении хронологии — это становится возможным при наличии источников, контролирующих данные устной традиции. По преданиям осетин и балкарцев, братом Бадела являлся Басиат, обосновавшийся в ущелье р. В. Черек — Басиани грузинских источников. Самое раннее упоминание о последнем топониме содержит эпиграфический памятник Спасской церкви в с. Цховати Ксанского ущелья. Перевод надписи на золотом кресте гласит: «Спас цховатский, я, Квенипневели эристав Ризия, пожертвовал Цховатской Пречистой Богоматери имение двух дымов в Зенубаре с его горами и равнинами. Попал в плен в Басиане и выкупился твоими вещами. Пусть никакой владетель не изменит». По мнению Е. С. Такайшвили, надпись выполнена на «мхедрули XIV—XV вв». (461, с. 105—106); его поддержал Л. И. Лавров, указавший также на связь «Басиани» цховатской надписи с Балкарией и выводивший топоним от термина «Басиат», которым обозначались балкарские таубии (339, с. 77—79). Однако дата создания надписи вызывает сомнения. В «Памятнике эриставов», составленном между 1405/6—1410 гг., среди ксанских владельцев XIV — нач. XV вв. имя Ризия отсутствует (см. 45; 52, с. 100—101). Следовательно, цховатская надпись никак не древнее XV в.

В предании о Баделе есть своего рода «зацепки», указывающие на время появления Бадела в Дигории. В редакции Ю. Клапрота прямо указывается, что «Баделяты» (а не один человек) «происходят из Маджар, которые они покинули в то время, как последние были разрушены войсками Чингиз-хана» (35, с. 218—219). Но это утверждение ошибочно, т. к. Маджары в золотоордынский период переживали наивысший расцвет, а в упадок город пришел после нашествия Тимура (249, с. 43, 51—53).

В балкарской легенде о происхождении таубиев говорится, что отец Басиата и Бадела жил при Джанибек-хане маджарском (355, с. 554). Джанибек — золотоордынский хан — правил до 1357 г. (37. ч. 3, с. 31). Правла, Товма Мецопеци (XV в.) в «Истории Ленг-Тимура и его преемников» писал о каком-то Джанибеке, которому Тохтамыш, незадолго до нашествия Тимура, поручил многочисленное войско и отправил против султана Ахмада из Тавриза. Джанибек, разделив войско на два отряда, в 1386 г. прошел Алан-

ские и Дербентские ворота. «Северные войска осадили Тавриз и после семидневного сражения овладели» городом, многих убили, многих ограбили и все области их разорили. Оттуда они отправились в Нахичеван и разорили все двенадцать областей Сюника, многих убили и полонили». Из-за наступивших холодов они бросили часть добычи и вернулись через «врата Аланские» (21, ф. I, оп. I, д. 137, «а», л. 75). Неудачное завершение похода — не столь важная причина для ухода Бадела и Бассиата из Маджар, даже если прототипы фольклорных героев принимали в нем участие. Более веским поводом для такого шага представляется поражение золотоордынцев в битве 1395 г. с Тимуром; после разгрома Тохтамыша маджарские аланы могли уйти в горы к своим соплеменникам.

Отдельные варианты генеалогических преданий называют и более раннюю дату прихода Бадела. По одной из редакций он появился в Дигории при втором поколении после татаро-монгольского нашествия (20 г, оп. I, д. 10, св. 2, л. 64—64 об), т. е. ориентировочно в конце XIII в. Большая разница (сто лет) в определении времени прихода предков баделятов может быть объяснена особенностями миропонимания средневековых создателей предания. В средние века, подчеркивает А. Я. Гуревич, в отношении ко всему, что выражалось в количественных показателях — меры веса, объема, численности людей, даты и т. п. — царили большой произвол и неопределенность (107, с. 51). Желание авторов родословных подтвердить достоверность рассказа находило выражение в ссылках на общую известность предания, точное время события. Стремление к конкретности заставляло переносить сюжеты на местные, более близкие всем слушателям объекты (181, с. 31). Поэтому, по устной традиции жителей с. Ахсау, Бадел остановился у них, то же самое — в с. Уакац, Камунте и др. (20 г, оп. I, д. 9, св. 2, л. 36—37; д. 10, св. 2, л. 46—46 об.; 158, ч. I, с. 139—140).

Таким образом, особенности преданий как разновидности фольклора и возникновение генеалогических рассказов в разных местах (вероятно, и в разное время) могли стать причиной различия дат появления Бадела в Дигории. Но возможно и другое объяснение. Хронологические границы прихода фольклорного героя колеблются от середины XIII в. до конца XIV в. Именно на эти крайние точки приходится наиболее интенсивные миграции равнинных алан в горные районы. Первая обусловлена татаро-монгольским нашествием, когда подавляющая часть населения равнины под давлением кочевников мигрировала в ущелья Центрального Кавказа. С походами Тимура в конце XIV в. специалисты связывают окончательное вытеснение алан с равнины. Не исключено, что эти вынужденные переселения и отражены в различных редакциях предания о Баделе.

Полулегендарные сведения об общественном строе осетин в раннем средневековье содержатся в «демократических» редакциях предания о Баделе. Согласно одной из них, Тотоевы, Макоевы, Абаеты, Баевы, Такоевы, Цаллаевы, Хадаевы и Галаевы происходят от Баслука, жившего в давние времена «в с. Окац» Тапан-Дигории. Первым поселился здесь Дигур, затем Баслук. За землю они «никому не кланялись и ни у кого покровительства не искали».² Слава Баслука и его потомков вошла в поговорку. Если кто был обижен, то проклинал обидчика: «Да постигнет тебя гнев Баслукаевых» (20 г, оп. I, д. 9, св. 2, л. 36—36 об.).

По другому варианту, Телакуровы, Гардановы, Цалиевы и Зураевы из с. Ахсау вели свой род от некоего Берда. Они не зависели от соседних фамилий, по происхождению и правам равнялись с ними. Берд якобы «был полным властелином всей Ахсаусской местности». С поселившихся на его земле он брал повинности; даже баделята «часто обращались к нему и его потомкам и, заимствуя у них (как пришельцы) покосные и пастбищные места, платили за это поземельную повинность или плату» (20 г, оп. I, д. 10, св. 2, л. 46—46 об.). Тенденциозность последнего утверждения очевидна. Ни в одном из родственных текстов предания оно не встречается.

Так же, как и в редакциях о Баделе, некоторые «демократические» варианты предания о Царгасе утверждают, что до его появления народ жил «на своей собственной земле», «никто над ними не владычествовал» (20 г, оп. I, д. 10, св. 2, л. 49). По другим редакциям, Царгас прибыл в «феодальное время» (20 г, оп. I, д. 10, св. 2, л. 4), когда в Дигории «алдарствовал Астанов Дзанболат» (48, с. 93). А. К. Джанаев в этом сюжете склонен видеть отражение реальных исторических событий, когда немалую роль играли вожди и родовые старейшины вроде Астанова (111, с. 10). В легендах Тапан-Дигории Астан выступает сыном Дзанболата, в Стыр-Дигории — наоборот. Но в преданиях обоих обществ власть передается по наследству. В отдельных редакциях, например, в Тапан-Дигории, указывается на выборность старшины (оули) до прихода Бадела. Об этом говорится и в одном из ранних по времени записи вариантов предания о Баделе (Клапрот, 1808 г.): «До прихода бадилатов дигорцы были совершенно свободны с республиканским образом правления; они выбирали самых храбрых из них в качестве защитников и судей; последние осуществляли, таким образом, свою власть без определенного наследственного права» (35, с. 219). Недвусмысленно свидетельствует об этом же цикл песен об Айдаруке:

---

² Это место чрезвычайно интересно как показатель социальной психологии крестьян: в их глазах общинник зависимым становился либо «кланяясь» за землю, либо отдаваясь под чье-либо покровительство.

до прихода Бадела во главе общества стоял выборный старшина (см. 192, с. 142—156). Вместе с тем перечисленные источники отразили имущественную дифференциацию в общине.

Сведения фольклора дополняются этнографическими данными, по которым Дигория в XV в. делилась на два крупных социальных организма: Дигор и Стыр-Дигор; Донифарс выделился позднее³ (121, с. 35). Штедер, побывавший в Осетии в 1781 г., сообщал, что население Донифарса «уже в течение нескольких столетий» отделилось «от остальных дигорцев... баделяты не могли их покорить, и соседи считали их непобедимыми» (43, с. 64). П. С. Паллас также отметил «плохие отношения» донифарсцев «с другими дигорцами» (43, с. 90). Постоянные стычки жителей левого берега Уруха с соседями отражены и в исторических преданиях (см.: например, 42, т. I, с. 569, 583—588). Из приведенных свидетельств серьезного внимания заслуживает указание Штедера на безуспешные попытки феодалов Тапан-Дигории подчинить своему влиянию Донифарс. Эти неудачи отчасти объясняются довольно прочным положением гагуатов в социальной структуре общества.

В ряде редакций, как указывалось выше, сообщается о появлении Царгаса в «феодальное время», когда «алдарствовал Астанов Дзанболат». Иными словами, он будто бы правил раньше Бадела. Данное указание устной традиции дало В. Б. Пфафу повод для заслуживающего внимания предположения: «До пришествия бадилатов Дигория, вероятно, состояла в зависимости от другой владетельной фамилии из сословия царгасатов»⁴ (367, в. V, с. 82—85). Анализ статейного списка Н. Толочанова и А. Иевлева привел Б. В. Скитского к заключению о господствующей роли царгасатов в Дигории до усиления власти баделятов (50, с. 127, прим. 1).

Донифарс, как полагает Б. А. Калоев, образовался позже остальных дигорских обществ. Этому должно быть объяснение. Нам представляется возможным выдвинуть следующую гипотезу. Генезисные рассказы донифарсских привилегированных фамилий — Кануковых, Кабановых и Кобековых — выводят «от некоего Гога, который в давние времена поселился в Донифарсской земле,

---

³ М. Туганов, анализируя песню «Задалески нана», пришел к заключению, что название «Стыр-Дигора» появилось раньше, чем «Тапан-Дигора» и «Донифарс» (402, с. 76—77).

⁴ В «Очерке сословного строя горских обществ», составленного чиновником сословного комитета в 60-х гг. XIX в., приводится «аристократическая» редакция, в которой утверждалось, будто Царгас и «ближайшие по времени потомки его имели гораздо большее значение, нежели современные баделяты» (20 г, оп. I, д. I, л. 111).

где он сам, а затем и потомки его правили донифарским народом» (20 г, оп. I, д. I, л. 112). В. Б. Пфаф гагуатов, Хуизов (?) и Хамицаевых считал древнейшими владетельными фамилиями Дигории. После них, по В. Б. Пфафу, местное население находилось в зависимости от царгасатов. «Последние, господствовавшие в Дигории фамилии феодалов, называют себя Бадилатами» (368, в. I, с. 208). Разумеется, идея В. Б. Пфафа отнюдь не бесспорна, но она наталкивает на мысль о борьбе феодальных группировок в Дигорских обществах: в Стыр-Дигории — царгасата-Хамицаевы (см. 192, с. 157—162), в Тапан-Дигории — баделята-гагуата. В первом случае борьба закончилась поражением одной из сторон. Во втором — образованием нового общества. Велик соблазн приписать Хамицаевым и гагуатам автохтонное происхождение, а в баделятах и царгасатах усмотреть социальную верхушку переселившихся в горы равнинных алан. Но это предположение пока лишено достаточно убедительной аргументации.

Предания о Тага и Курта содержат минимум информации о социальном устройстве горной Осетии в домонгольское время. По одному из вариантов предания, «ироны, узнав о происхождении Тагаура, сделали его своим вождем». Столь же упрощенно «объяснила» данная редакция происхождение куртатинских феодалов: «По каким-то ссорам с иронами... четыре внука тагауровы перешли от них с своими людьми и имуществом в Куртатинское ущелье, где и поныне сохранились развалины их замка» (38, в. II, с. 9—10). Согласно генеалогии, от Тагаура произошло 9 фамилий феодалов: Тулатовы, Кундуховы, Алдатовы, Тугановы, Тхостовы, Мамсуровы, Есеновы, Кануковы и Шанаевы. Вскоре «переселилась в их соседство, в это же ущелье, почетная осетинская фамилия Дударе. Тагаурские узданлагы, по уважению к ее происхождению, связям и способам, приняли ее в свой народ и в свое сословие узданьялаг» (38, в. II, с. 10).

Дударовы владели несколькими поселениями, включая аул Ларс. По данным Ю. Клапрота, Ларс принадлежал «фамилии Слонате, происходящей из алагирского аула Бад». Ее родоначальник Илальд убежал оттуда за 70 лет до путешествия Ю. Клапрота, т. е. в 30-х гг. XVIII в. Эту дату подтверждает количество колен в генеалогической таблице Дударовых, составленной путешественником (203, Bd. I, S, 667—668). Но данная точка зрения вызывает серьезные сомнения, т. к. в числе подписавших в 1733 г. письмо старшин Тагаурии Вахтангу VI значатся двое Дударовых — Сос и Делберт (30, с. 125). Трудно представить, что, едва появившись в Тагаурии, Дударовы тут же заняли весомое положение в обществе. По сведениям «Комиссии для разбора личных прав горцев Кубанской и Терской областей», Дударовы происходят от «некоего Дудара, выходца из Кистинии»; он «перешел на жительство к Тагау-

рам назад тому лет 300, первоначально он занял Ларсскую землю, никому не принадлежавшую...» (20 г, оп. I, д. I, л. 104; 21, ф. 16, оп. I, д. 26, л. 3-3-об). То есть, по материалам комиссии, Дударовы осели в Ларсе ориентировочно в середине XVI в. В источниках конца XVI в. аул называется владением крупного феодала, контролировавшего Дарьяльский проход. В 1589 г. владелец Ларсова кабака Салтан-мирза присягнул на верность московскому царю. Через Ларсов кабак прошли в Грузию послы Р. Биркин и П. Пивов. Салтан дал им проводников из своих людей. Позже послам С. Звенигородскому и Т. Антонову он заявил: «а яз ныне хочю государю ж служить по свою смерть, как государю вашему служил брат мой Ших мурза Окутцкой...» В ответ Салтан рассчитывал на денежное вознаграждение и военную помощь. И послы обещали ему: ...«государевы воеводы по государеву указу учнут тебе на твоих недругов рать давати с вогненным боем» (27, с. 150—151).

Вряд ли Салтан был братом Ших-мурзы Окуцкого в прямом смысле слова. Последний являлся сыном чеченского владельца Ушаром-мурзы, жившего во второй половине XVI в., но не позже 1567 г. В то время, как аул Ларс располагался в районе, населенном осетинами и ингушами. Скорее всего Салтан назвался братом Ших-мурзы по тактическим соображениям, ибо велика была роль Шиха Окуцкого в политической жизни Кавказа конца XVI в. Его хорошо знали при дворах московского и грузинского царей, крымского хана, горских феодалов (247, с. 53; 269, с. 12—13). По документам рубежа XVI—XVII вв., Ших-мурза пользовался большим доверием терского воеводы, «вел дружбу с аварскими владетелями». В августе 1605 г. его сын Батай с кабардинским князем Сунчалеем и «шестью товарищами» отправился на прием к Дмитрию-самозванцу (379, с. 26). Оказаться братом столь весомой политической фигуры — очень почетно, что наверняка сознавал владелец Ларса. Возможно, Ших и Салтан были кунаками или «присяжными» братьями, т. е. не по крови. Данный институт получил у горцев большое распространение и нашел отражение даже в устном народном творчестве, в том числе и у вайнахов. Согласно одному из преданий, у Мехка Астби из Галгаевского общества «был друг — черкесский князь». По другому преданию, «присяжным братом» вайнаха Хидыр Мирзы являлся предок осетинских феодалов Дударовых из Чми. К нему приехал Хидыр Мирза, когда состарился, а сыновья его, женившись, потеряли к нему «должный почет и уважение». Дударов стал усиленно кормить Хидыр Мирзу, поить всевозможными напитками «и через некоторое время восстановил его силы, так что Мирза без посторонней помощи сел сам на лошадь. Тогда они поехали на куртатинских князей (ель) ... разбили их и, забрав пленников и всякого богатства, возвратились домой» (см. 110, с. 369—372).

Предание о Хидыр Мирзе, как и указание чиновников сословно-

го комитета («Дудар — выходец из Кистинии»), отражают давние связи между привилегированными слоями осетин и вайнахов.

Помимо Дударовых, к потомкам Тага не относили себя и Дзантиевы. По сведениям, собранным капитаном Норденстренгом (1844 г.) в конце XVIII в. в Тагаурию «прибыла ...из-за Кавказских гор осетинская узданылагская фамилия Дзантие из рода Агузых» (38, в. II, с. 11). К иному выводу привел поиск чиновников сословной комиссии: «Джантиева фамилия происходит из закавказских осетин, предок которых лет двести назад перешел на жительство в тагаурское общество и поселился в ущелье Какадур, где и по настоящее время живут потомки его, которые с давних времен пользуются равными правами и преимуществами с Эльдарами Тагаурскими, что подтвердили депутаты Дигорского, Куртатинского и Назрановского обществ» (21, ф. I, оп. I, д. 26, л. 3 об. — 4). Правда, «фамилия Дзантие» не участвовала «в дележе пошлин, взимавшихся тагаурскими узданылагскими фамилиями до 1830 года с купцов и провозимых по ущелью их товаров» (38, в. II, с. 11). Те же чиновники, ссылаясь на опросы алдаров, отрицали принадлежность Тхостовых к потомкам Тага. «Некоторые из... Тхостовых носят фамилию Загуевых — от имени библейского предка их Загуя» (20 г, оп. I, д. I, л. 104). Здесь нелишне напомнить, что отдельные редакции Тага и Курта выводят не от армянского царевича, а от Ос-Багата (68, с. 4—5).

Таким образом, социальная информация, заключенная в образах Тага и Курта, довольно туманна, неопределенна, и не дает сколько-нибудь четкого изображения общественного строя горных осетин в домонгольский период. Несколько проясняют картину другие циклы генеалогических преданий и данные смежных наук.

Процесс феодализации в горах к XIII в. не достиг четких форм. Но с XIII—XIV вв. он протекал интенсивнее. Вытеснение равнинных алан в горы оказало воздействие на социальные отношения населения Центрального Кавказа. Данный вопрос представляет особый интерес: обширный конкретно-исторический материал указывает на два пути при переходе от низших форм организации общества к более высшим. Первый путь — самостоятельное, сравнительно изолированное вызревание условий для такого перехода. Второй — переход к новой формации в результате столкновения данного общества с внешней средой — синтез (116, с. 112—113). Одним из главных условий сокращенного, по определению Ф. Энгельса (7, с. 446), процесса развития является благоприятное соотношение социальных сил, что предполагает наличие класса или группы, которая становится движущей силой социально-экономических преобразований (409, с. 68). Аланская верхушка и стала тем социальным слоем, который ускорил политические преобразования в горах. Рез-

ко возросшая плотность населения⁵ в сочетании с ограниченностью природных ресурсов также благоприятствовали имущественному неравенству и социальной стратификации (ср.: 412, с. 142—143). Дальнейшая жизнь осетин связана с горными районами, где произошли изменения характера и темпов становления классового общества. Важность наблюдений над этими процессами отметила Е. Н. Кушева (333, с. 184).

Возвышение привилегированных слоев устная традиция связывает с исполнением важной общественной функции — охраной общества от внешней опасности и организацией грабительских походов. Практически все редакции предания о Баделе сообщают, что он «был принят как гость». Используя его «боевую отвагу» (125, т. I, с. 42; 307, с. 146; 318), дигорцы, по одним вариантам, «поручили», по другим — «назначили» Бадела «караульщиком» (20 г, оп. I, д. 9, св. 2, л. 36; 20 е, оп. I, д. 29, л. 40). Охрана ущелья, ввиду напряженных отношений с соседями, являлась важной общественной функцией—устная традиция особо заостряет на этом внимание. За «охранение ущелья» Бадела наделили «землею и другими средствами к жизни» (20 е, оп. I, д. 29, л. 40; 158, ч. I, с. 139; 354, с. 74). По одной из редакций, с этого времени стали расширяться привилегии баделятов (355, с. 555). В 80-х гг. XIX в. В. Ф. Миллеру показывали участок —«Бадилаи хоскарц» (покос Бадела) якобы подаренный местными жителями пришельцу, защищавшему их (158, ч. I, с. 139; 354, с. 74). Топонимическая номенклатура не подтверждает это сообщение. Зато привлекает внимание название «Баделий фахс» (склон Бадела) — покос и пастбище на крутом склоне в окрестностях с. Нар. С участком связана легенда. Родоначальник дигорских феодалов нанялся охранником пашен, лугов и леса возле с. Нар. Жители за это выделили ему названный участок (195, ч. II, с. 325). Согласно редакции предания, записанной еще Штедером в 1781 г., баделята «застроили у входа в ущелье (Дигорское. — Ф. Г.) небольшой кусок неплодородной земли, который едва имел 200 шагов в окружности». Это место называлось баделятским полем (43, с. 68). Приведенное топонимическое название, указывал А. Х. Магометов, сохранилось до наших дней (152, с. 59). Начало возвышения царгасатов народное творчество также связывает с их наймом «для защиты от соседних врагов». В одном из прошений крестьяне писали, что за охрану земель и стад «они

---

⁵ Изменение численности населения оказывает влияние на развитие производства, а опосредованно и на развитие социальных отношений (156, с. 48; 182, с. 24—26). Влияние демографического фактора особенно отчетливо проявлялось на ранних этапах развития общества, когда численность населения непосредственно определяла военную мощь, производительный потенциал и темпы прогресса (309, с. 10).

царгасатам платили подать»⁶ (111, с. 41). Первоначально вознаграждение царгасатам носило добровольный характер. Если нормировались размеры и сроки его уплаты, то это еще не было следствием господства царгасатов над народом. Со временем они превратили свою службу в потомственное занятие. Само население нуждалось в их услугах из-за постоянной внешней опасности (111, с. 12, 13). Крестьянство, целиком занятое в хозяйстве, не могло одновременно быть и сельскими производителями и воинами. Ведение войн превратилось в постоянную функцию феодалов (ср.: 67, с. 139).

Упрочение позиций баделяттов народное мнение связывает с использованием ружья — неизвестного прежде горцам оружия. Наш взгляд, предание в образной форме указывает на руководящую роль баделяттов в военном деле: крестьяне сражаются «саадаком», «холодным оружием», а у Бадела имеется ружье, действие которого наводит «панический страх на врага». Обладатель ружья на средневековом Кавказе, как правило, не рядовой общинник. Даже когда огнестрельное оружие перестало быть редкостью, цены на него оставались астрономическими. В начале XIX в. в Осетии, по свидетельству очевидцев, за ружье платили «20 быков и более» (429, с. 204). Что касается крестьян, то многие из них луком и стрелами продолжали пользоваться до середины XIX в. (398, с. 86). Таким образом, ружье служило показателем экономического благосостояния и, в определенной мере, с о ц и а л ь н о г о п о л о ж е н и я.⁷

Некоторые редакции прямо указывают на «выдающуюся роль» баделяттов «в войне», а следовательно, и в управлении. Интересно, что причины возвышения потомков Сидамона в Ксани «Памятник эриставов» также связывает с осуществлением военного руководст-

---

⁶ Аналогичные процессы протекали и у соседних народов. Например, у адыгов крестьяне несли повинности в пользу князей «за покровительство и защиту» (185, с. 133). Крестьяне Дагестана в одном из прошений царским чиновникам отмечали: «Раньше мы платили беку за службу обществу, за управление» (281, с. 138).

⁷ А.-Г. Г а с а н о в, комментируя фрагмент хроники «Асари-Дагестан», писал: ...в связи с проникновением в Дагестан огнестрельного оружия соотношение сил правящего класса и эксплуатируемых масс в бексгораятских районах Дагестана изменилось в пользу беков» (24, с. 174, примеч. 72). Показателем общественного приоритета в средние века являлась и лошадь. Д. И н т е р и а н о, характеризуя Черкесию XV в., отмечал: «Знатные... не терпят, чтобы их подданные держали лошадей, и если случается вассалу вырастить как-нибудь жеребенка, то как только он станет большим, его отнимет дворянин и даст ему взамен быков, присовокупляя слова: «Вот это, а не конь больше подходит для тебя» (22, с. 47).

ва: ...«если куда предпринимались походы, (они) становились предводителями сражающихся и не находилось никого, (кто мог бы сразиться) в единоборстве с Ростомом. И возлюбил его весь народ цхразмис-хевский» (45, с. 23). Перед нами в своеобразной форме общественное разделение труда, которое в конечном счете составляет основу любой социальной стратификации (168, с. 61). Рассматривая становление классовых отношений, основоположники марксизма-ленинизма писали: «всякая политическая власть основывается первоначально на какой-нибудь экономической, общественной функции» (5, с. 188). Возрастающая самостоятельность общественных функций по отношению к социальному организму могла, по мысли Ф. Энгельса, вырасти в господство над обществом, а отдельные лица — в эксплуататорский класс (см. 157, с. 123). И позднее, когда феодализм, как формация, уже сложился, интересы господствующих слоев лежали не в сфере производства, а в военном деле и политике⁸ (352, с. 141). Следовательно, занятие общественных должностей способствовало имущественному благосостоянию и в то же время служило самой прочной его гарантией. Усложнение социальных структур и производственных процессов приводили к обособлению организационно-управленческой деятельности от производственной. Расходы, которые несла община на содержание лиц, занятых организационно-управленческими функциями, постепенно становились формой эксплуатации. Не только в Дигории, но во всей Осетии знать вырастала «на караульных службах», постепенно распространяя свое «право» на охраняемые угодья, в первую очередь пастбища (179, с. 80) — главное средство производства в хозяйстве с преобладающим значением скотоводства.

Таким образом, исходным пунктом расширения привилегий являлось занятие важных общественных должностей, способствующих росту имущественного благосостояния и служивших самой прочной его гарантией. Генеалогические предания с исполнением общественных функций связывают появление первых добровольных приношений. Например, в редакции родословной бадеятов говорится: «Сыновья Баделя по примеру отца не обрабатывали полей, а занимались наездничеством, оберегали свое новое отечество от врагов. За это народ дигорский продолжал вносить для прокормления баделят определенную дань провизией с каждого двора» (114, с. 355; 318, № 31). Со временем «добровольные приношения» возросли в объеме и превратились в обязательные повинности, в

---

⁸ В этом отношении интересно сообщение Д. И н т е р и а н о о западных адыгах: «Они хотят, чтобы дворяне не занимались торговыми делами, исключая продажу своей добычи, говоря — благородному подобает лишь править своим народом и защищать его, да заниматься охотой и военным делом» (22, с. 49).

документах и адатах первой половины XIX в., известных под названием «личных» и «случайных». История знает немало примеров, когда повинность представляла собой трансформированные добровольные дары (см., например, 315, с. 620). Экономическая сторона отношений господства и подчинения первоначально сводилась к присвоению прибавочного продукта в натуральной форме, причем этими рамками ограничивалась степень эксплуатации непосредственных производителей (77, с. 90).

Для восстановления картины последующих этапов генезиса феодализма важным является выяснение конкретных путей становления крупного привилегированного землевладения⁹ и времени возникновения разных форм зависимости непосредственных производителей. Этим двум сторонам общего процесса роста феодальных отношений (63, с. 135) и посвящаются следующие главы.

2. СТАНОВЛЕНИЕ ДОМЕНА ПО ГЕНЕАЛОГИЧЕСКИМ ПРЕДАНИЯМ

Исследование земельных отношений имеет большое научное значение для правильного понимания общественного строя осетин. Анализ структуры феодального общества вообще невозможен без изучения форм земельной собственности, ибо, как писал Ф. Энгельс, «обладание землей и ее продуктами составляло самую большую часть тогдашнего богатства» (4, с. 497).

Вопрос об определении поземельных прав как «целых горских обществ», так и частных лиц, возник едва ли не со времени присоединения Кавказа к России (252, с. 3). Административные круги на Кавказе понимали свою задачу в этом вопросе: ...«чтобы прочно устроить управление в крае», необходимо выяснить особенности поземельных отношений «и положительно определить права как целых обществ, так и частных лиц на поземельную собственность» (20 в, оп. I, д. 72, л. 76; 20 г, оп. I, д. I, л. 12). Однако, несмотря на усилия чиновников сословных комитетов и дореволюционных историков, вопрос о формах собственности господствующих сословий оставался невыясненным. У осетинских феодалов не было письменных свидетельств на право владения землями. Их предки не имели возможности приобрести таковые (до присоединения к России не было бюрократического аппарата, который выдавал бы такого ро-

---

⁹ Не следует отождествлять крупную собственность феодалов с крупным производством. В середине века вотчина повсюду представляла собой организацию для сбора ренты, а не крупное производство. Последнее осуществлялось крестьянским трудом и было мелким (177, с. 250).

да документы) «и не находили никакой надобности в этом». Позже у местной царской администрации феодалы не просили актов, поскольку «не предвидели могущих возникнуть когда-нибудь споров и притязаний на неотъемлемую их собственность» (20 а, оп. I, д. I, л. 13). Таким образом, феодальная собственность не получила у горцев юридического оформления. Это дало некоторым дореволюционным и советским историкам повод для отрицания у северокавказских народов земельной собственности как феодальной, так и частной. Но в феодальный период собственность носит условный характер, выступает в специфических формах, «очень далеких от юридических представлений о земельной собственности, которые существуют в буржуазном обществе» (98, с. 135). Для правильного понимания и решения вопроса о формах собственности на землю у осетин необходимо отказаться от подхода к земельным отношениям с буржуазной меркой. В дальнейшем изложении под термином «феодальная собственность» понимается собственность на землю (главное средство производства), как основу эксплуатации крестьян и взимания с них ренты; термин «частная собственность» используется как антитеза коллективной (общинной).

Некоторые ЭС генеалогических преданий осетин указывают на феодальную собственность привилегированных родов. Так, по одной из редакций, потомки «родоначальника Куртата... владели землями, кроме земель в Куртатинском ущельи, отдельно в долине Карца...». Об этом же сообщили в сословный комитет кабардинские князья (20 е, оп. I, д. 34, л. 14—15). Ценные наблюдения о земельной собственности высших сословий Куртатинского общества сделали Штедер и Клапрот. По их сведениям, аул Кора принадлежал Томаевым, Барсикау—Гуриевым, владения Цаликовых находились на р. Халгон, а Есиевых—на р. Фиаг (43, с. 46; 203, Bd. II, S. 344—345). И генеалогические предания, и другие источники лишь указывают на наличие феодальной собственности у куртатинских владельцев, не определяя время ее возникновения. В связи с последним вопросом представляет интерес мощный наскальный оборонительный комплекс в Дзвгисе (311, с. 232—234) — вероятно, центр феодального владения. Во всяком случае, анализ сочинений средневековых авторов позволяет предположить наличие в Куртатии конца XIV в. аланских феодальных «гнезд».

Напомним, что после разгрома Буриберди и Буракана Тимур, дав воинам отдохнуть несколько дней, пошел против аланских князей Кулу и Тауса. Данные владения А. Ю. Якубовский локализовал в Дагестане (102, с. 370). Это мнение разделили и некоторые дагестанские историки. Х. А. Хизриев вслед за Л. И. Лавровым склонен связать эти области с местностью, ныне заселенной кабардинцами (440, с. 12). Однако еще В. Б. Пфаф и М. Джанашвили обратили

внимание на связь княжеств Кулу и Тауса с «областью Иркувун» (367, в. V, с. 65—66; 424, с. 88). На это указывали Низам-ад-дин и Шереф-ад-дин. Э. В. Ртвеладзе этнический термин «Иркувун», разбивая его, как и В. Б. Пфаф, на составные части, выводит из самоназвания осетин «ирон» и осетинского слова «хъæу» — селение. В конечном итоге этноним переводится как иронские селения или в переносном смысле — область осетин. Следовательно, владения Кулу и Тауса находились в горной Осетии. Затрудняясь ответить точно, где именно, Э. В. Ртвеладзе допускает вероятность их локализации в Куртатинском ущелье. В нем имеется много средневековых укреплений, в том числе у селения Гули, название которого созвучно с крепостью Кулу персидских источников. Исследователь не сомневается в том, что бытующие в Осетии предания о Тимуре являются отражением действительного пребывания здесь его воинов (375, с. 114—115). Если, как полагает Э. В. Ртвеладзе, Гули — владение Кулу, то крепость Тауса должна находиться где-то рядом. Это может быть Дзвгисское на скальное укрепление, находящееся в 2—3 км от Гули.

Крепости племени «Иркувун» располагались на вершине горы. По свидетельству средневековых хронистов, пройти к ним было чрезвычайно трудно. Укрепления находились на такой высоте, что «у смотревшего мутился глаз, и шапка валилась с головы, в особенности крепость Тауса, которая лежала на третьем уступе горы, как гнездо хищной птицы, на такой высоте, что пущенная стрела не долетала до нее». Тимур ввел в бой специальные отряды мекритов, вероятно, горцев, ибо они «в ходьбе по горам были так ловки и искусны, что заберутся в любое место, куда только серна может забраться». Мекриты занялись поиском слабых мест укрепления и подходов к нему. Однако поиски остались безрезультатными; «сколько ни ходили и не смотрели, совсем не нашли ни одной дороги, по которой можно было бы добраться до этой крепости». Тогда Тимур изменил тактику. Он приказал изготовить длинные лестницы, «нескольким храбрецам забраться по ним наверх, втащив лестницы, поставить на второй уступ горы, на котором находится крепость. Те храбрецы, простившись с жизнью и обнажив мечи, один за другим взобрались по лестницам». Одновременно с ними другая группа взобралась на вершину горы и, обвязавшись канатами, «с огненными мечами спустились до места, находившегося против крепости». Оба отряда синхронно приступили к штурму. Защищники укрепления сражались мужественно, истребив немало нападавших, но силы оказались неравными. Ворвавшись в крепость, воины Тимура «умертвили множество людей из племени Иркувун, которые были в ней». Руководители обороны — Кулу и Таус — попали в плен и были убиты (51, с. 181—182).

Описания укреплений племени Иркувун, особенно крепости Тау-

са, находившейся «на третьем уступе горы», напоминают оборонительный комплекс «Дзвгисы-фидар». В него входили основное крепостное сооружение, закрывавшее глубокую пещеру, и шесть наскальных башен. Ходы сообщений представляли собой систему деревянных креплений, крепко вбитых в скальные расщелины. Раскопки, проведенные здесь в 1982 г. В. А. Кузнецовым и В. Х. Тменовым, дали богатый материал XIV—XV вв. Археологи обследовали храм, кладбище, культовые памятники и пришли к выводу, что в Дзвгисе обитали аланы-овсы, укrywшиеся здесь в середине XIII в. от татаро-монгольских завоевателей. Рядом с аулом находилась хозяйственная база — поляна Фаскау (11 га). В склеповом могильнике рубежа XIV—XV вв. обнаружено рекордное количество погребенных — 235 человек, преимущественно женщин и детей (330). Возможно, это массовое захоронение связано с походом Тимура, когда, ворвавшись в крепость Тауса, его воины «умертили множество людей из племени Иркувун». Как бы то ни было, Дзвгис вместе с крепостью и храмом предстает как центр феодального владения.

Приведенный материал позволяет выдвинуть гипотезу: переселение равнинных алан в горы после нашествий кочевников положило начало важному этапу в становлении феодального землевладения. Правда, в некоторых ущельях Осетии этот процесс, возможно, начался раньше. Массовое освоение аланами предгорной полосы Центрального Кавказа приходится на V в. и особенно активно протекало в VI—IX вв. К этому времени относятся городища и могильники в Верхнем Ларсе, Чми и Орджоникидзе (141, с. 144—147), т. е. по трассе Дарьяльского прохода. Для контроля над магистралью в ее начале была возведена крепость. «Худуд-ал-Алам», явно преувеличивая ее размеры, называет укрепление «городом на вершине этой горы, чья стена охраняется каждый день поочередно отрядом в 1000 человек» (159, с. 5, 13). По свидетельству Масуди, «замок (как бы) висит в воздухе и господствует над дорогой, мостом и рекой» (160, с. 205). Повышенное внимание к Дарьяльскому проходу предполагает интерес аланской верхушки и к населенным пунктам вдоль него, что подтверждается археологическими материалами. Некоторые советские историки на территории Владикавказской равнины и современной Военно-Грузинской дороги располагают одно из аланских княжеств XIII—XIV вв. По мнению Х. А. Хизриева и М. П. Санакоева, поход Тимура против аланского князя Пулада протекал в районе от нынешнего г. Орджоникидзе до Ларса (175, с. 59; 440, с. 12). Однако орджоникидзевское городище и катакомбный могильник не дали археологических материалов позже IX в. (327, с. 49—75), из-за чего локализация княжества Пулада на Дарьяльской магистрали выглядит неубедительной.

Обращает на себя внимание разнообразность социально-поли-

тической терминологии господствующего класса алан. К. Порфиородный упоминает «архонта Ассию». Этот византийский термин обозначал местных феодалов (противопоставляя их царю), чиновников и чужеземных правителей (233, с. 143). В связи с последним значением представляет интерес сообщение Масуди: ...«между пограничной областью Тифлис и уже упомянутой крепостью «Аланские ворота» лежит царство Санария (Цанар), царь которого называется корискус (греческое *хознископос*), что является обычным титулом здешних царей. Они — христиане, но претендуют на происхождение от арабов, а именно от Низара б. Ма'адда б. Мудара, а затем от ветви (фахз) семьи Укайл, поселившейся здесь с давних времен. В этой стране они господствуют над многими (местными) народами» (160, с. 211). Не исключено, что Масуди знакомит нас с представителями горской знати.

Следует отметить сомнительность утверждения Масуди о «претензиях» названного царя на арабское происхождение, т. к. санары известны своим упорным сопротивлением арабам в течение VII—IX вв. По сведениям восточных авторов (Баладзори, Якуби и др.), санары поддерживали антиарабское выступление хазар в 763/764 г. В конце VIII в. санары вновь оказали сопротивление арабским войскам, закрыв проходы на Северный Кавказ. Мощное восстание санаров произошло в правление халифа ал-Мамуна (813—833 гг.). В 40-е гг. горцы Центрального и Восточного Кавказа выступили сообща. Санары обратили в бегство наместника халифа ал-Мутаваккиля турка Бугу, который в 855/856 гг. с чрезвычайной жестокостью расправился с непокорными областями и племенами Закавказья. Как можно судить из сообщений Анания Ширакаци, еще в VII в. санары были связаны с аланами (см. 96, с. 162—165).

Приведенные сведения позволяют начало формирования феодального хозяйства в Тагаурии предположительно отнести к эпохе до татаро-монгольских походов. Нашествия кочевников изменили темпы этого процесса. Согласно отдельным вариантам генеалогических преданий тагаурских алдаров, время оформления домена относится к периоду жизни правнуков Тага. По фольклорной традиции, они осели «в ущелье Гизельдон, основали там аулы Даргавс, а потом построили Саниба (по-грузински означает Тройца) и другие аулы. В эти аулы приглашены были на жительство люди из других соседних обществ, и потомки Тага сделали их главами и владельцами в силу того, что они произошли от царской крови» (223, № 6). По другой версии, правнуки Тага на р. Гизельдон «выбрали никому не принадлежащее место. Здесь они основали аул Даргавс»: братья Тулат и Кундух zaloжили аул Саниба, а Есен — Верхний Саниба (273).

Сведения устной традиции о владениях тагаурских алдаров про-

веряются при помощи других источников. В частности, по данным Ю. Клапрота, на правом берегу реки Генал, у ее истоков лежали аул Нижний Саниба, принадлежавший Кундуховым, и аул Верхний Саниба — владение Есеновых. На левом берегу располагались три аула: «Рибанкаг-Туманекау, или верхнее селение фамилии Туманате; Индаг-Туманекау, или нижнее селение фамилии Туманате»; Кани — владение Шанаевых. По берегам р. Кизил находились поселения феодалов Кануковых — «Цизил Кобан или маленький Кобан», Мамсуровых совместно с Кануковыми — Даргавс, защищенный башнями. В горах, в 5 верстах от слияния Кизила и Генада, «располагались селения Истир Кобан или Большой Кобан, принадлежащие» Аликовым, Бета и Мурзабеку Тулатовым. На левом берегу Терека разбросаны аулы Дударовых — Балта, Чми, Ларс (203, Bd. II, S. 344—348). На перечисленные владения тагаурских алдаров указывал также П. Г. Бутков (18, оп. I, д. 192, л. 188—188 об.). Эти сведения, относящиеся к концу XVIII в., подтверждают свидетелство родословных о землевладении алдаров. Указание же генеалогических преданий на то, что тагиата являлись основателями всех аулов и «приглашали на жительство людей из других мест» — тактический шаг, при помощи которого «обосновывались» права на контроль над всеми землями общества. Откровенная тенденциозность данного ЭС очевидна. Такой характеристикой рассматриваемого сюжета родословной можно было бы и ограничиться, но он содержится в опубликованных адатах осетин — списке Норденстренга (1844 г.) По статье 4, потомки Тага «поселились на реке Даргавс, где тогда не нашли никаких жителей», а по статье 5, «Фарсаглаги составляют самое многочисленное сословие народа. Они по-настоящему не тагаурцы, а переселенцы от разных других племен, принятые тагаурцами и с давних времен включенные в их общество» (38, в. II, с. 10, 12). Закономерно встает вопрос о репрезентативности ст. 4 и 5: является ли их содержание отражением реального положения вещей, или же они появились в результате некритического отношения Норденстренга к фольклорным сюжетам? Для ответа на этот вопрос обратимся к истории и методам сбора материалов по обычному праву горцев.

Материалы по обычному праву начали собирать в конце 30-х гг. XIX в. по инициативе Д. С. Бибикова. Командующий Кавказской армией генерал-лейтенант Гурко сбор адатов приказал «возложить на способнейших офицеров» (17 б, оп. 2, д. 194, л. 2). В конце 50-х гг. В. Б. Пфаф собрал небольшой сборник адатов, изданный в приложении к его работе «Народное право осетин» (368, в. II). В 1866 г. составлен «Сборник обычаев, существующих у туземцев Осетинского округа», который впоследствии вошел во второй том издания Ф. И. Леонтовича.

Сбор материалов по обычному праву в 30—40-х гг. связывался

с практическими задачами и проводился по специально разработанной программе¹⁰ (221, с. 87). По мнению Д. С. Бибикова, «сбор адата был делом весьма для нас полезным...» (38, в. I, с. 88). Интерес к адатам объясняется тем, что у большинства народов Северного Кавказа, не имевших в прошлом фиксированных законов, адаты являлись единственным видом права, регулировавшим их общественные отношения и быт. Даже после окончания Кавказской войны и установления колониального режима обычное право продолжало играть значительную роль в жизни горцев. «Вся их жизнь регулировалась обычаями, передававшимися по устной традиции из поколения в поколение» (267, с. 14; см., также: 316, с. 9.). Относительно осетин В. Б. Пфаф отмечал, что у них нет законов, но весь порядок общественной жизни основывается на обычаях. Последние «действуют со всею силою неизменных законов природы, не позволяющих ни малейшего отступления от них и ни малейшего исключения» (368, в. I, с. 184). Такое же значение имели адаты для всех горских народов. «Обычай (адат), которым держался в жизни горца весь порядок, с древнейших времен принял в его глазах священное значение закона», — писал А. Лилов (341, с. 6).

Адаты осетин, как и народное право любого другого народа, изменялись чрезвычайно медленно, в своем развитии почти не подвергались какому-либо влиянию.¹¹ Народное право «образовывалось очень медленно и также медленно эволюционировало в зависимости от материальных условий жизни народа. Долгий и тяжелый жизненный опыт заставлял народ дорожить своими достижениями в области народного права и порождал живучесть и консервативность обычаев» (88, с. 11). Поэтому адаты осетин в записи 40-х гг. являются источником, характеризующим общественные отношения осетин и в предшествующее время, по меньшей мере — в XVIII в. Однако записи адатов не полны. За рамками программы сбора норм обычного права оказались важные вопросы об аренде земли и скота по обычному праву, о роли доклассовых институтов в жизни горских обществ и т.д. Записи адатов не только не полны, но нередко и не точны. Как и любой другой источник, они требуют критического подхода, т. к. записи норм права не являются самой исторической действительностью, а ее субъективным отображением. Чтобы познать историческую действительность, необходимо учитывать субъективность ее восприятия автором источника, в нашем

¹⁰ Одна из ранних программ хранится в ЦГИА СССР (17 а, оп. 3, д. 238, л. 1—4, 1830 г.).

¹¹ О влиянии шариата на нормы обычного права в мусульманских районах Кавказа см.: 126, т. I, с. 232—234; 364, с. 27—52. Следует подчеркнуть, что до 30-х гг. XIX в. адаты кавказских горцев были мало затронуты нормами мусульманского права (267, с. 20).

случае Норденстренга. Нельзя забывать, что возникновение источника связано с активной творческой функцией сознания. В. И. Ленин писал по этому поводу: «Сознание человека не только отражает объективный мир, но и творит его» (12, с. 194).

Нормы обычного права фиксировались по показаниям горцев различных сословий. Например, адаты западных адыгов собраны в 1845 г. старшиной Екатериноградского войскового училища Кучеровым «на основании показаний старшин черкасских аулов» (38, в. I, с. 61). Норденстренг, записывая нормы обычного права обществ Восточной Осетии, пользовался свидетельствами «почетных стариков». В самих показаниях «почетных стариков» имеются субъективные элементы. По свидетельству лиц, собиравших материалы, горцы относились к этому мероприятию «подозрительно и недоверчиво». Субъективность рассматриваемого источника возрастала при редактировании составителями сборника. Князь Голицын уверял, что «мог сделать некоторые замечания касательно разницы, существующей между показаниями стариков и тем, что внесено в книгу» (38, в. I, с. 60).

Хотя мы и не можем познать прошлое иначе, чем через источник, последний сам по себе не тождественен исторической реальности. Любой письменный источник — ее отражение не только не полное, но и окрашенное социальными и иными предрассудками, традиционными суждениями и субъективными воззрениями автора. Для того, чтобы восстановить историческую реальность, необходимо вычлени из источника включенные в него элементы действительности. При сопоставлении некоторых положений «Адатов...» Ф. И. Леонтовича с материалами сословных комиссий выясняется неточность первых. Как указывалось выше, по ст. 5, фарсаглаги, составлявшие самое многочисленное сословие, «не по-настоящему тагаурцы, а переселенцы от разных других» мест. Эта запись почерпнута из родословной алдаров, которая приводится в той же работе (38, в. II с. 9—12). Таким путем алдары обосновывали свои права на земли Тагаурии. А в крестьянских преданиях повествуется о том, что они первыми поселились в горах и к приходу предков феодалов вся земля находилась в руках крестьян (20 г, оп. 1, д. 9, св. 2, л. 36—37; д. 10, св. 2, л. 3—3 об.; там же, л. 49—51; 20 е, оп. 1, д. 29, л. 40—41). Но последние редакции не нашли места в сборнике Ф. И. Леонтовича.

Как видно, 5-я статья адатов осетин (список Норденстренга) появилась под влиянием генеалогических преданий тагаурских феодалов. Строго говоря, ее нельзя даже назвать нормой права, т. к. обычное право исключительно конкретно — все элементы правовых норм до крайности детализированы, что большинством исследователей связывается с конкретностью архаичного мышления. Каждая статья адатов предельно лаконична и посвящена специ-

альному вопросу. Нормы права представляют собой конкретные юридические казусы, заимствованные из конкретной жизни и применяемые только в аналогичных случаях (276, с. 224). На этом фоне особенно отчетливо виден отпечаток фольклорной традиции ст. 5 адатов осетин, не говоря уже о ст. 4, в которую Норденстренг включил фрагменты сразу нескольких родословных алдаров. Влияние генеалогических преданий прослеживается и на некоторых других нормах права в списке Норденстренга. Объектом споров стала 13-я статья: 8 из 11 алдарских фамилий «продали фарсаглагам в полное потомственное владение участки земли», лишившись «платежа податей от фарсаглагов» (38, в. II, с. 12—13). От трактовки данной записи зависит решение вопроса о частно-крестьянской земельной собственности на рубеже XVIII—XIX вв. — имела ли она глубокую историю или же появилась после так называемой «продажи».

М. М. Ковалевский использовал эту статью для подтверждения своей идеи об эмансипации фарсаглагов. «Одним из способов, которым была достигнута на Западе эмансипация среднего сословия от феодальной аристократии, — писал он, — была покупка земель в собственность у разоряющейся знати». Таким же путем, т. е. покупкой земель у тагиатов, многие фарсаглаги приобрели независимость (125, т. I, с. 40). По мнению Е. Максимова, алдары «постепенно продали» свои земли (154, с. 14). т. е. для него переход земель в руки крестьян казался длительным процессом, а не единовременным актом.

Оба взгляда представляются нам неверными. Незначительные размеры хозяйства у подавляющего большинства крестьян не позволяли накопить необходимую для покупки земли сумму. Во всех описаниях и исследованиях XVIII—XIX вв. подчеркивалось, что жизнь горца-осетина — это постоянная борьба за существование. В 1755 г. тагаурские старшины в челобитной Елизавете Петровне писали: «...во всем же имеем великую нужду и недостаток, и некоторые наши подлые люди ни малой пахотной земли не имеют, где бы могли для своего довольствия сеять хлеб и прочее, а также и скот довольный содержать не могут» (36, с. 43).

Пашни, разбросанные в горах небольшими клочками, составляли незначительную часть всей поверхности склонов. Горцы «веками вели упорную борьбу с природой. Они ...выбирали из недр камни, чтобы образовать почву, годную для хлебопашества» (122, с. 24). Сама обработка земли была очень трудна. По мнению наблюдателей XIX в., ни один житель равнины никогда так тщательно не обрабатывал свою землю, как горец. Земля вспахивалась весной по несколько раз, осенью удобрялась, часто ее требовалось орошать. Несмотря на такой адский труд, редко кто из крестьян не покупал хлеба на равнине, чтобы как-нибудь дотянуть 2—3 меся-

и́а до́ нового урожая. А «большинство из них» могло «прокормиться хлебом только 6—7 месяцев» (122, с. 24, 26), т. к. «плодородность этой страны незначительна» (86, с. 139). Крестьянское скотоводство не могло получить сколько-нибудь значительного развития: большинство сенокосных и пастбищных угодий находилось в руках феодалов. Излишков, которые могли привести к накоплению достаточной для покупки земли суммы, не было. Цены же на землю были баснословными.

Точно определить стоимость земли на рубеже XVIII—XIX вв. трудно, сведения об этом туманны. Анонимный автор второй половины XIX в. сообщает, что кусок земли, который займет лежащая корова, ценится в корову, другой стоит овцу и т. д. (270). Е. Максимов писал, что за десятину, близкую к усадьбе, платили от 1200 до 1870 руб., за более отдаленные — 350—400 руб., незаливные луга — от 500 до 700 руб. за десятину (154, с. 33). Эти данные относятся ко второй половине XIX в., возможно, они завышены. «За более достоверное передают старики,—отмечал А. Ардасенов,—что 10 руб. платили за пространство, дававшее постоянного сбора 7 снопов» (82, с. 7). Десять рублей — сумма не малая, столько стоила одна корова.

«Осетинская полевая мера» называлась «бонцау» — участок, вспаханный за день. По мнению М. З. Кипиани, участок дневной пахоты равнялся 300 квадратным саженьям (122, с. 25). По подсчетам В. Туккаева, «бонцау» приблизительно равен 1024 квадратным саженьям. Это «тоги бонцау» — участок, который давался за «кровь» убитого. В хозяйстве «бонцау» такой величины почти не встречался: размеры среднего «бонцау» колебались в пределах 624—800 квадратных саженей (403, № 101). А. Яновский, побывавший в Осетии в начале 30-х гг. XIX в., отметил цену участка дневной пахоты — 18 коров (429, с. 194). При столь баснословных ценах на землю и почти полном отсутствии доходов крестьяне не могли купить землю у алдаров, да еще в таком большом количестве. Тем не менее З. Н. Ванеев также считал, что алдары продали крестьянам свои земли. После этого фарсаглаги освободились от всех платежей повинностей феодалам. По общему правилу крестьяне отбывали повинности только в том случае, если поселялись на землях алдаров (84, с. 102—103).

Иной точки зрения придерживался Б. В. Скитский. В отличие от своих предшественников, продажу алдарских земель фарсаглагам он объяснял успешным ходом крестьянской борьбы. В обстановке крестьянской войны власть феодалов слабела, они «должны были уступить крестьянам», если им не оказывали помощь извне. Алдары «предпочитали продавать свои земли фарсаглагам, т. е. за выкуп освобождать их от зависимости». Продажа земель тагиатами была, по его мнению, не добровольной — «она была ус-

туплена восставшему народу» (180, с. 158—159). Однако документальной аргументации своего предположения Б. В. Скитский не привел.

В. Б. Пфаф на основе богатого фактического материала высказал мысль, согласно которой и после «продажи» алдары «оставались во главе общества», хотя и «отказались от прежней дани» (368, с. 206). Эту идею развил М. М. Блиев. Он пришел к выводу о том, что речь может идти о сделке. Ни «Адаты...», ни какой другой источник не сообщают, почему феодалы пошли на эту сделку, ничего не сообщается и об ее условиях, но «судя по зависимости, в которой оказались крестьяне Тагаурии..., «продажа» земли была проведена явно не в пользу социальных низов» (75, с. 32).

Таким образом, можно констатировать солидарность исследователей по одному пункту объяснений § 13 сборника адатов Норденстренга — в признании перехода части земель в Тагаурском обществе от феодалов к крестьянам. Иными словами, по их мнению, процесс поглощения крестьянских земель в XVIII в. (до «продажи») уже завершился, и вся земля находилась в руках алдаров. Однако осталось неясным, каким образом при террасном земледелии феодалы стали собственниками всего земельного фонда; как алдарам удалось сделать то, что не удалось феодалам других обществ. Обратимся к логической критике рассматриваемого источника. Нередко при отсутствии пригодных для сравнения данных приходится прибегать к проверке источника путем сопоставления его с логикой развития самих исторических событий. Разумеется, такое сопоставление не заменяет проверки одного источника другим и может привести только к вероятностному заключению, т. е. к выводу, мог или не мог иметь место тот или иной факт. Однако в ряде случаев такой метод помогает отбросить гипотезу о событиях именно в силу установления их невозможности, расхождения с логикой реального исторического процесса (242, с. 89).

Тагиата не являлись верховными собственниками всех земель общества. Наряду с их владениями продолжали существовать крестьянские пахотные наделы, которыми фарсаглаги распоряжались по своему усмотрению. Так было и в начале XIX в., и в XVIII в., и в XVII в. и т. д. Возникновение и развитие феодальной земельной собственности не смогло уничтожить крестьянское землевладение, хотя оно становилось объектом притязаний со стороны алдаров, и отдельные участки иногда захватывались последними. Поглощение фарсаглагских земель феодалами является одним из главных процессов аграрной истории и эволюции феодализма в Осетии. Но процесс поглощения крестьянских земель алдарами в рассматриваемое время не завершился. Пашенные наделы, созданные трудом не одного поколения, принадлежали крестьянам и охранялись обычным правом трудовой заимки. Едва ли не правилом являлось

существование запашки феодала и фарсаглагов. Социальные низы с большим упорством оберегали свои наделы от посягательств со стороны высших сословий. Поэтому, на наш взгляд, вообще не было никакого перехода земли от феодалов к крестьянам. Наделы фарсаглагов — потомственная собственность, а не результат «продажи». Такой вывод вытекает не только из общей картины аграрной истории Северной Осетии.

К сожалению, ни один из авторов, как мы в этом убедились, не поставил вопроса о достоверности § 13 адатов, собранных капитаном Норденстренгом; все исследователи исходили из ее истинности, строили предположение на основе единственного источника. А как известно, изучение отдельно взятого источника может дать положительные результаты, но может привести и к серьезным ошибкам.

Сомнительность 13-й статьи выявляется при сопоставлении ее с другими источниками: материалами путешественников, участников экспедиций Академии наук России, прошениями и показаниями крестьян различным сословно-поземельным комитетам и т. д. Ни в одном документе XVIII—середины XIX вв. не упоминается факт продажи земель. Если бы она имела место, то событие столь крупного масштаба нашло бы хоть мало-мальское отражение в описаниях очевидцев, побывавших в Осетии во второй половине XVIII—начале XIX вв. Ничего не сообщают об этом ни крестьяне в многочисленных прошениях в сословные комитеты, ни осетинские публицисты, хорошо знавшие нормы обычного права. Интересно, что до введения в научный оборот списка адатов Норденстренга, дореволюционные кавказоведы не рассматривали «продажу» земель, хотя многие из них долгое время находились в Осетии, изучали быт и нравы народа, нормы обычного права. Так, за 10 лет до Норденстренга в Осетии побывал А. Яновский, сделавший запись адата из области сословных отношений, права наследования, семейных отношений и т. д., собрал подробные этнографические, экономические, статистические и административные данные. Основанный на столь богатом материале очерк «Осетия» по своему научному уровню, по общему признанию специалистов, стал лучшим разделом коллективного труда «Обозрение Российских владений за Кавказом» (см. 85, с. 22; 197, с. 74). В очерке нет и намека на «продажу» земель.

Чем же объясняется появление 13-й статьи? Норденстренг поверил алдарской легенде о царском происхождении их мнимого предка Тага (ст. 4), как и тому, что он первым поселился в ущелье. Поэтому капитан был убежден, что «фарсаглаги не настоящие тагаурцы, а переселенцы от разных других племен, принятые тагаурцами и с давних времен включенные в их общество». С другой стороны, он не мог не обратить внимания на то, что у части фарсаг-

лагов имелись, хотя и незначительные, собственные наделы. А земельная собственность фарсаглагов Кусовых, Козровых и Дзгоевых не уступала по своим размерам владениям иных алдаров. Норденстренг не прошел мимо этого факта, что нашло отражение в 25-й статье его записи адата: «Фарсаглаги имеют право владеть собственной землею, приобретенною покупкою или полученною по наследству» (38, в. II, с. 9—10, 12). В горных аулах Дударовых и Кануковых фарсаглагов, имевших частную земельную собственность, было относительно немного. В имениях же остальных феодалов определенная часть крестьян владела различной величины участками. «Фактом» продажи земли этими алдарами своим крестьянам Норденстренг решал проблему появления частной земельной собственности у фарсаглагов. В основе этой ошибки лежит чрезмерное «доверие» Норденстренга «аристократическим» редакциям генеалогических преданий и его неспособность представить верную картину зарождения и развития частной и феодальной земельной собственности в горах, а историки приняли его объяснение за реальный факт.

Приведенный материал наглядно демонстрирует то большое влияние, которое генеалогические предания оказали на Норденстренга при записи норм обычного права осетин. В результате многие статьи о земельных и сословных отношениях оказались искаженными. Перед нами не описание норм права, а их отражение, окрашенное субъективными воззрениями Норденстренга. Данный момент необходимо учитывать при работе со списком адатов осетин, составленным Норденстренгом.

В «демократических» редакциях генеалогических преданий отрицалась «исконность» и «законность» прав алдаров на земельные угодья. Наличие феодальной собственности у горцев отрицали и некоторые дореволюционные исследователи. Так, по мнению, А. Гасиева, за «труд управления» народ доставлял феодалам необходимые средства, отправлял полевые и домашние работы. Верхи якобы устраивала такая форма эксплуатации, и потому на Кавказе до присоединения к России не возникло крупное землевладение (см. 196, с. 211—212). Однако факты свидетельствуют об обратном. Крестьяне Стыр-Дигории основу могущества царгасатов видели в обладании землями «Харес» (20 г, оп. I, д. 10, св. 2, л. 50) — пастбища в 3370 десятин. За пользование этими угодьями крестьяне Стыр-Дигории ежегодно доставляли феодалам по одному сыру и двухдневный сбор молока с каждого двора. Особо платили за выпас крупного рогатого скота и лошадей. За выпас одной лошади — козленка, двух — барана и т. д. О значении «Хареса» можно судить по количеству выпасаемого на нем скота. В 1867 г. на пастбище содержалось 11433 барана, 919 голов крупного рогатого скота, 255 лошадей (подробнее см. 111).

Время, когда пастбище перешло под контроль царгасатов, точно неизвестно. А. К. Джанаев по архивным документам воссоздал приблизительную картину процесса перехода «Хареса» в руки феодалов. Пользуясь возрастающим влиянием в обществе, они стали требовать права распоряжения пастбищем. Царгасата стремились увеличить повинности крестьян, принуждая последних платить не только за свои услуги по охране, но и за самое пользование «Харесом». В реализации своих планов потомки Царгаса опирались на союз с адыгскими и балкарскими феодалами (111, с. 13—14).

В предании, записанном в 1933 г. в Стыр-Дигора, «Борьба Кодзасова Кортэ против балкарских алдар» в художественной форме описываются столкновения населения Стыр-Дигории с местными и балкарскими феодалами за пастбища. Царгасата и таубии, гласит предание, договорились совместно эксплуатировать земли «Хареса»; границей между участками должна была стать р. Белая. Осуществлению этого замысла помешало вмешательство крестьян. В одной из ожесточенных схваток, в которой во главе стырдигорцев стоял Кодзасов Кортэ, крестьяне убили 12 сторонников таубиев, «остальные восвояси бежали к себе, оставив на поле товарищей убитых». Таубии с тех пор не претендовали на пастбищные угодья своих соседей.¹² Сельчане совместными усилиями помогли Кодзасовым погасить кровную плату. По сведениям из некоторых источников, кабардинские феодалы также посылали своих вооруженных представителей для совместной борьбы против выступлений адамихатов (36, с. 32).

В исторических преданиях нашли отражение столкновения из-за земли. В этом отношении показателен художественно-исторический образ Хамица Хамицаева. Он встречается и в преданиях о Царгасе, и в специальном цикле (см., например, 158, ч. I, с. 100—103), и в песнях. Т. А. Хамицаева выявила более двадцати вариантов песни «О Хамице Хамицаеве». Время сложения песни она относит к периоду между второй половиной XVI в. и началом XVII в. (192, с. 160—164). Содержание пикла о Х. Хамицаеве следующее. Герой фольклорного произведения взял в жены дочь кабардинского князя Таусултанова Фатимат (по песням, а в предании ее имя — Княжна). Царгасата, «завидуя значению» Хамица, оклеветали не только его, но и родственников перед князем, будто они «обращались с Княжной не как должно и содержат ее весьма дурно». Таусултановы убили Хамица. Узнав об этом, Княжна покончила с собой. На этом заканчиваются некоторые песни. В преданиях же рас-

---

¹² В странах Европы в раннефеодальный период борьба за землю также выступала в форме столкновений крестьян с феодалами за эксплуатацию общинных угодий на приемлемых условиях и против узурпации феодалов из этого фонда (279, с. 37).

сказ продолжается дальше. Адыгские феодалы из-за смерти Княжны истребили 32 человека Хамицаевых и их сторонников. После этого царгасата породнились с кабардинскими князьями и захватили земли стырдигорцев. Так как время сложения цикла о Х. Хамицаеве относится к рубежу XVI—XVII вв., то переход «Хареса» под контроль царгасатов ориентировочно можно отнести к этому времени.

Т. А. Хамицаева конфликт между Таусултановыми и царгасатами, с одной стороны, и Хамицаевыми, с другой, рассматривает как следствие противоречий между Хамидом — представителем крестьян, не желавшими мириться со своим зависимым положением и феодалами Стыр-Дигории. Царгасата не хотели допускать установления родственных связей крестьян с княжеской фамилией Таусултановых. Это могло привести к укреплению рода Хамицаевых («и без того претендующих на алдарство»), противопоставлявших себя царгасатам, как коренные жители пришельцам (192, с. 166). Такое решение представляется вероятным, но не бесспорным. Содержание песен и преданий склоняет к мысли, что Хамицаевы — вовсе не рядовые общинники.

Начнем с женитьбы Хамица на Фатиме. Кабарда в середине XVI—начале XVII вв. (время сложения рассматриваемого цикла) представляла собой сильное феодальное объединение. Установление тесных контактов с Русью путем брачного союза Ивана Грозного с кабардинской княжной, совместных выступлений против крымского хана (95, с. 27—29), вхождение Кабарды в состав «Земли Русской» свидетельствуют о большом авторитете адыгских князей. К этому времени уже сформировалось правило, по которому горские феодалы вступали в брак только с равными себе (274, с. 12; 342, с. 265; 345, с. 27). По одному варианту песни, князь Таусултанов наказывал сыновьям отдать Фатиму за достойного. «Первое право сватать дадите кабардинским князьям, второе — дигорским алдарам, а третье — свободным людям» (192, с. 157). «Свободные люди» — скорее всего не крестьяне, ибо оппозиция «благородный» — «неблагородный» на Кавказе пустила глубокие корни и соблюдалась твердо. Э. Д. Д'асколи писал в начале XVII в.: «Благородный чиркас роднится лишь с благородным и равным себе лицом, тщательно избегая уронить свое звание; касательно чести чиркасы щепетильнее итальянцев» (22, с. 65).

По всем вариантам песни, Княжну выдают замуж за большой калым. Свадебный дарообмен возник на стадии первобытной коммуны. В доклассовом обществе его суть заключалась в создании новых или укреплении старых связей между сложными родственными структурами, общинами. Дарообмен предполагал возврат, возмещение; в противном случае отношения прекращались. Важным являлся и принцип эквивалентности: дар и отдар должны бы-

ли быть примерно равными. Позднее дарообмен подвергся социальной трансформации, став неодинаковым по ценности подарков в различных слоях населения (см. 176, с. 197; 383, с. 80—81; 384, с. 63; 385, с. 96, 99). Так, у алдаров плата за невесту в XIX в. доходила до 1000 руб. серебром или 100 коров (426, с. 13. Ср.: 257; 258; 294, с. 41). Балкарские таубии, помимо богатых подарков родным невесты платили от 700 до 1000 руб. серебром, а Урусбиевы — 1500 руб. (274, с. 14—15; 345, с. 30). Рядовому общиннику вряд ли удавалось уплатить такой калым.

В песне о Хамице выкуп конями, непременно ногайскими, начался Таусултановыми. Угон скота на Кавказе, справедливо замечает Т. А. Хамицаева, долгое время считался проявлением идеальных черт «настоящего мужчины» (192, с. 178). Но это более характерно для феодалов, чем крестьян, занятых производительным трудом.

Хамиц, возможно, не принадлежал к классу феодалов, но почти по всем вариантам цикла сумел создать Фатиме такие условия жизни, что ее братья-князья удивлялись нарядам сестры и убранству ее комнаты. Только зажиточный человек мог создать такие условия. Отдельные варианты предания приравнивают Хамица к кабардинским князьям (20 г, оп. I, д. 10, св. 2, л. 4 об.—5). Это преувеличение, но видеть в нем рядового общинника тоже неверно. Цикл песен и легенд о Хамице скорее всего отразил неудачную попытку «прорыва» зажиточной части крестьян в феодалы. Аналогичной точки зрения придерживается А. К. Джанаев. По его мнению, предание передает борьбу за «Харес» между царгасатами и Хамицаевыми в ее начальный период (111, с. 10). Надо сказать, что объективных предпосылок для увеличения привилегированного сословия в Стыр-Дигории не было из-за относительно слабого развития производительных сил. В отечественной литературе отмечена четко выраженная закономерность: развитие производительных сил в обществе определяет размер круга лиц, освобожденных от непосредственного добывания пищи (410, с. 139). В связи с этим становится понятным, почему в Стыр-Дигории борьба за господство приняла столь жестокие формы. Цикл о Хамице заканчивается рассказом об истреблении почти всей фамилии Хамицаевых и возвышении царгасатов (20 г, оп. I, д. 10, св. 2, л. 4 об; 367, в. V, с. 84).

Причины широкого распространения среди трудового населения Осетии рассмотренного предания можно объяснить, прибегнув к помощи социальной психологии. Социальная психология, как известно, исследует закономерности поведения и деятельности людей, включенных в реальные группы. Б. Ф. Поршнев главной, чисто психологической характеристикой группы считал наличие так называемого «мы—чувства». Иными словами, универсальным принципом психического оформления общности является дифференциация для

индивидов группы образований «мы» и «они». «Мы—чувство» выражает необходимость отделить одну общность от другой и служит своеобразным индикатором осознания принадлежности к некоторой группе (65, с. 178—181). Первым актом социальной психологии является появление представления «о них». Материал разных эпох показывает, что иногда слабо выражено или вовсе отсутствует сознание «мы» при четко выраженном сознании о существовании «они». Только ощущение, что есть «они» рождает желание обособиться от них в качестве «мы». ¹³ Применительно к нашему случаю изложенное означает, что для крестьян «они» — это царгасата, а Хамицаевы — «мы». Поэтому симпатии народа на стороне Хамица, ибо он не представитель царгасатов.

Установление союза с кабардинскими князьями позволило осетинским феодалам основать в предгорье аулы. Генеалогические предания баделятов содержат рассказ о переселении на равнину Кубатиевых, Тугановых и Караджаевых «с значительной частью народа по взаимному согласию» (20 е, оп. I, д. 29, л. 40 об.). В XVIII в. известно несколько равнинных поселений баделятов. Так, на карте Кабарды 1744 г., составленной геодезистом С. Чичаговым, отмечено с. Караджау, «живут в нем каражаевцы христианского закону» (32, т. 2, с. 114). В документе 1753 г. опять упоминается с. Караджау на р. Урух «в протекции у Койтукина рода» (32, т. 2, с. 196). По сведениям ротмистра А. Шелкова, в 1768 г. в Караджау насчитывалось 100 дворов (32, т. 2, с. 281). П. Г. Бутков писал, что в 1786 г. 380 «осетинцев-караджаевцев» выразили желание принять христианство, а «более 100 уже приняли» (77, с. 60, ч. II).

Штедер в 1781 г. наряду с Каражаево отметил предгорные владения Тугановых (Дур-Дур) и Кубатиевых (Кора-Урсдон). На месте Кора-Урсдон в XIV—XVI вв. существовало адыгское поселение (349, с. 81). Здесь, на берегу р. Белой, Кубатиевы со своими крестьянами поселились, «пользуясь покровительством кабардинских князей» (313, с. 37). Время строительства башни Кубатиевых в этом ауле В. Х. Тменов определяет XVII—XVIII вв. (400, с. 90). Образование Дур-Дура Д. А. Дзагуров относил к концу XVIII— началу XIX вв. (284, с. 233), М. В. Рклицкий — к XVIII столетию (374, с. 176). В середине XVII в., как считает Б. П. Берозов, на равнине появились несколько селений дигорских феодалов: Каражаево. Кубатиево, Вассилово и Тума. К такому выводу исследователь пришел в результате анализа «отдельных сведений, разбросанных по разным документам, а также полевого материала». По данным Б. П. Берозова, аул Дур-Дур также основан в XVII в. и в 1771 г.

¹³ В этом отношении интересно сообщение Штедера: «Все, что не находилось с ними в союзе, все, что не относилось к их селению, не к их округу — считалось ими чуждым, и они относились ко всему этому враждебно» (43, с. 31).

состоял из 204 дворов (74, с. 36—40, 235). Дата образования названных аулов, за исключением Каражаево, вызывает сомнения. Н. Г. Волкова обратила внимание на то, что из перечисленных Штедером дигорских равнинных поселений на карте Кабарды 1744 г. известно лишь с. Каражаево. Остальные, резонно замечает автор, возникли в промежутке между 40-ми гг. XVIII в. и 1781 г., когда в этих местах побывал Штедер (92, с. 114).

Несколько иными темпами шло формирование феодального хозяйства в Алагирском обществе. Генеалогические предания алагирцев также очень упрощенно объясняли этот процесс. По одной из фольклорных версий, Хетаг в древности бежал из Кабарды в Туалгом. «Сильная и богатая в то время фамилия Бигулатов приняла беглеца к себе и подарила ему, у верховьи р. Ардона, землю.... Хетаг... пригласил к себе на жительство осетин из разных мест» (273). Процесс формирования домена, разумеется, был гораздо сложнее изображенного в родословной. К XVI—XVIII вв. «сильные» фамилии сосредоточили в своих руках существенную часть общественных богатств (185, с. 142). Им принадлежали лучшие нивы, луга, пастбища; земельная собственность фарсаглагов как по количеству, так и по качеству уступала владениям «тыхджын мыггаг» (194, с. 319). Предпочтение сильного и богатого слабому и бедному создало здесь ту рознь (194, с. 315), те отношения господства и подчинения, которые характерны для периода феодализма.

Говоря о феодальной собственности на землю, следует подчеркнуть неодинаковые темпы ее становления и степень развития в т. н. «демократических» и «аристократических» районах Осетии. Для сравнения приведем соотношение между феодальным и крестьянским землевлaдением в двух группах обществ. За отсутствием массовых статистических данных в качестве источника используем топонимическую номенклатуру (см. 195, ч. II):

общество	пашни	луга	пастбища
Алагирское	1 : 29	1 : 19	1 : 22
Дигорское	7 : 10	1 : 7	1 : 6

Приведенное соотношение можно рассматривать как случайную выборку, ибо сохранность топонимов, дошедших до нас, носит случайный, непреднамеренный характер. Выборка наглядно показывает, что в «аристократических» обществах феодальная собственность пустила глубокие и достаточно прочные корни; в «демократических» районах значительная часть земель находилась вне домена. Различное соотношение между крестьянской и феодальной собственностью в обществах Осетии обусловило неодинаковые па-

раметры зависимости трудящегося населения.¹⁴ Этой проблеме посвящена следующая глава.

3. ФОРМИРОВАНИЕ ЗАВИСИМОГО НАСЕЛЕНИЯ В СРЕДНЕВЕКОВОЙ ОСЕТИИ

Выяснение времени возникновения разных форм зависимости непосредственных производителей является важным для понимания генезиса феодализма, ибо, как указывалось выше, развитие форм феодального неполноправия и зависимости есть одна из сторон общего процесса роста феодальных отношений. Следует учитывать то обстоятельство, что термины, обозначающие отдельные крестьянские категории, не просто существуют, но их появление и изменение содержания отражают отдельно этапы становления феодальных отношений (419, с. 235).

Крестьянство Осетии делилось на несколько категорий, различавшихся по имущественному положению и степени эксплуатации господствующими сословиями: фарсаглагов и кавдасардов (в Западной Осетии — адамихатов и кумаягов). В Дигории отмечена также категория хехезов — потомков выходцев из других обществ. Со временем представители этого сословия по своему социальному положению практически слились с безземельными адамихатами, поэтому мы не выделяем их в отдельную категорию. Следует, правда, отметить одну особенность в их положении: оторванные от родных мест, изолированные и полностью зависимые от хозяев аула, хехезы были более удобным объектом эксплуатации, чем адамихаты.

Слово «фарсаглаг» переводится как «сторонний человек». Лингвисты и историки понимают этот термин в смысле «примыкающий» к феодалу, как покровителю, «со стороны», зависимый от феодала¹⁵ (60, т. I, с. 453—454; 120, с. 97). По мнению В. И. Абаева, слово «фарсаглаг», как и большинство социальных терминов осетин, относительно позднего происхождения. Раньше, в период военной демократии, у равнинных алан возникли понятия «алдар» (князь) и «уацайраг» (пленный, раб). Данная точка зрения недавно была ос-

¹⁴ Предпосылкой феодального подчинения мелких свободных землевладельцев была не экспроприация (т. е. отделение от земли), хотя этот процесс имел место, а скорее апроприация — подчинение общинников вместе с наделами власти крупных землевладельцев. Апроприация, совершаемая различными методами, была, видимо, универсальным явлением повсюду, где шел процесс феодализации (см., например, 6, с. 349; II, с. 184—185; 106, с. 41).

¹⁵ Перевод Г. А. Кокиева иной — «человек, пришедший со стороны». Поэтому он считал фарсаглагов пришельцами и отождествлял их с хехезами (130, с. 15).

порена А. Р. Чочиевым, считающим словообразования «фарсаглаг» (боковой мужчина) и «адамихат» (подразделение народа) столь же древними, как алдар и уацайраг. Они, как полагает исследователь, обозначали военную функцию общинников: адамихат — по признаку мобилизованности, строго говоря — «народное ополчение»; фарсаг — обозначение этого же контингента по месту в боевом построении алан, буквально «фланги» (441, с. 11; 463, с. 238). Далеко не бесспорная этимология А. Р. Чочиева — не просто добавление к тому, что уже известно. До сих пор термины *фарсаглаг* и *адамихат* рассматривались только в рамках феодальной Осетии, и само их существование связывалось с периодом феодализма. Поэтому необходима проверка положений, выдвинутых А. Р. Чочиевым, т. к. всякое расширение понятия (в нашем случае терминов *фарсаглаг* и *адамихат*) делает неточным его обычное употребление (144, с. 25).

Кавдасард — человек низшего сословия, рожденный от побочной жены — «номылус». Буквально термин переводится «рожденный в яслях», т. е. в хлеву. Наименование основано на реалиях: номылус обычно рожала в хлеву. Аналогичное значение имел термин «кумаяг» (60, т. I, с. 591; т. II, с. 189; 120, с. 95, 98; 180, с. 35). Наличие двух терминов для одной категории зависимых вполне объяснимо. В сильно раздробленных обществах, каковой являлась средневековая Осетия, часто один институт обозначался в разных местах разными словами (ср.: 76, с. 88).

Г. А. Кокиев в начале своей научной деятельности кавдасардов и кумаягов также рассматривал как зависимых крестьян (128, с. 71). Позже он изменил свои взгляды по данному вопросу. В понимании Г. А. Кокиева, кумаяг — «человек из Кумы», т. е. прикумского района, иными словами, пленный (130, с. 23). И все-таки кумаяг — зависимый крестьянин, а сам термин возник в период появления маджарских алан в Дигории. Прибывших вместе с Баделом дворовых людей местное население назвало «кумаягами», буквально «люди с Кумы». Это неудивительно, если вспомнить, что Маджары располагались на р. Куме (ср.: 205, S. 124—125).

В различных вариантах (включая «демократические») генеалогических преданий отражено происхождение кавдасардов. По родословной алдаров, записанной Норденстренгом, Тага «привел... с собою несколько дворовых людей (кавдасардов)», от которых впоследствии образовалось сословие. Норденстренг не критически воспринял данный фольклорный сюжет и включил его в статью 6-ю адатов осетин: «Кавдасарды происходят от слуг, привезенных узданылагами при переселении в тагаурское ущелье, и от дочерей фарсаглагов в таком случае, если узданылаг купит у фарсаглага дочь его не в жены, а в работницы. Тогда дети, рожденные ею, бу-

дут кавдасарды, принадлежащие узданылагу, хозяину их матери» (38, в. II, с. 9, 12). Как видно, в статье 6-й переплелись элементы фольклора и действительности. Первое утверждение явно заимствовано из алдарской родословной, второе основано на реальной практике. Такое недопустимое смешение тем более удивительно, что современникам Норденстренга был известен механизм возникновения рассматриваемой категории крестьян. На строгое соблюдение равенства браков указывал, например, А. Шегрен. Дворянин, отмечал он, никогда не отдавал свою дочь за фарсаглага. Если же он сам женился на дочери «вольного человека», то она считалась незаконной. «Всякая жена неравного происхождения есть уже работница», а дети от такого брака «называются кавдасардами, они составляют целое сословие» (426).

Происхождение кавдасардов (кумаягов) довольно отчетливо показано в генеалогических преданиях дигорских феодалов. Согласно устной традиции, Бадел женился дважды. Потомство от первой жены составило сословие баделятов; от второй родился один сын «по имени Кумиак», он считался младшим братом, и от него пошло сословие кумиakov (114, с. 355; 310). Сами кавдасарды в прошении в сословные комитеты неоднократно указывали на источник своего происхождения. В прошении от 26 апреля 1845 г. на имя наместника Кавказа Воронцова поверенные «от кавдасардского общества 500 дворов» писали: алдары «имели у себя в замужестве вторых жен из фарсаган дочерей, и рожденные от них дети называются тоже по обычаям, существующим у горцев, кавдасардами» (20 а, оп. I, д. 3, л. 11). Такая же информация содержалась в прошении «поверенных кавдасардов», полученном 8 октября 1850 г. наследником российского престола Александром (20 а, оп. I, д. 5, л. 58—58 об.).

Вопрос о времени возникновения института именных жен и социальном статусе кавдасардов не имеет единого решения среди кавказоведов. Ф. И. Леонтович при помощи анализа происхождения и эволюции этой категории населения Осетии пытался объяснить происхождение детей боярских древней Руси. Но еще в дореволюционной историографии была показана несостоятельность такого решения (см. 308, с. 332). М. М. Ковалевский усматривал в институте следы полигамии (125, т. I, с. 232). К. Д. Кулов и З. Д. Таглойти полагают, что институт *номылус* появился в период парного брака, затем трансформировался в феодальном обществе и стал одной из форм эксплуатации крестьян (93, с. 44; 143, с. 31—32). По мнению Штедера, кавдасарды были некогда свободны от «всяких платежей и ничего не платили, за исключением добровольных подарков, пользуясь напротив многими привилегиями». Они якобы значились «солдатами» высших сословий, по первому требованию являлись вооруженными и взыскивали штрафы с насе-

ления, часть которых доставалась им (43, с. 53, 56). Менее категоричен Н. Ф. Дубровин, считавший первоначальное состояние кавдасардов похожим на положение свободного, но бедного человека, покровительствуемого богатым и сильным родственником (114, с. 357). Мы разделяем точку зрения Б. В. Скитского, который корни института искал в классовом обществе (178, с. 11).

Существование кавдасардов в средневековой Осетии (VI—XIV вв.) нашло отражение в нарттовском эпосе (44, в. 3, с. 24; 241, с. 212—213). Об этом же свидетельствуют археологические материалы феодальной Алании. Анализ данных X—XIII вв. позволил В. А. Кузнецову высказать предположение, что незаконнорожденные дети «лишались права захоронения на родовой земле, как не принадлежащие к данному роду» (138, с. 228). Феодальному периоду присущи преграды, воздвигаемые против признания наследственных прав детей, рожденных от браков с женщинами из низших сословий. Демографическое регулирование, при всех национальных различиях в его механизме, способствовало поддержанию соответствия между потребностями феодалов и возможностями для их удовлетворения (363, с. 222). Показательно содержание термина *кавдасард*. В самом пренебрежительном названии этой категории крестьян — «рожденные в яслях», т. е. в хлеву, — отражено их место на сословной лестнице. Следует учитывать также одну из особенностей образования социально-экономических понятий, заключающуюся в том, что они возникают тогда, когда общественные явления достигают высокой степени зрелости и богатого конкретного содержания (296, с. 165).

Возникновение института связано с нехваткой рабочих рук в хозяйстве феодалов. Цены на рабов на протяжении всего средневековья оставались очень высокими. Даже в начале XIX в. за ребенка платили 12 коров или 120 руб. серебром. К тому же использование рабского труда в хозяйстве горцев было чрезвычайно затруднительным и почти не практиковалось. Эти обстоятельства вынуждали феодалов брачными сделками с женщинами из низших сословий приобретать рабочие руки (20 г, оп. I, д. I, л. 106 об; 361, с. 44). А. Шегрен метко охарактеризовал институт именных жен как весьма «экономичную систему, собственным иждивением увеличивать число рабочих...» (428). Номылус и ее дети выполняли всю черную работу в хозяйстве феодалов. По 31-й статье адатов осетин «кавдасарды обязаны жить там, где прикажут их владельцы, и исполнять работы от них назначенные» (38, в. II, с. 15). Звание кавдасарда являлось наследственным. Они составляли неотъемлемую собственность фамилии отца и не могли быть ни проданы, ни уступлены в дар (307, с. 146). После смерти отца кавдасард имел право получить небольшой надел, но и тогда оставался зависимым крестьянином и нес повинности новым хозяевам. По словам Н. С.

Мансурова, кавдасарды не могли покинуть дом алдара, они жили «на отведенных им участках земли, переходящих из рода в род», отработывали и выдавали «своим патронам большую часть продуктов труда хлебом и живностью» (348). В данном случае на хозяйство кавдасардов распространяется ленинская характеристика надела крестьянина в крепостной России. «Надел» крестьянина служил, таким образом, в этом хозяйстве как бы натуральной заработной платой или средством обеспечения помещика рабочими руками» (11, с. 184).

Произвол феодалов в отношении кавдасардов породил у части исследователей представление об этой категории крестьян, как о рабском сословии¹⁶ (114, с. 357—358; 299, с. 41; 436). Это связано с недоучетом как различий в положении рабов и зависимых крестьян, так и специфики состояния кавдасардов в системе осетинского феодализма.

Посмотрим на кавдасарда через призму функционального анализа производительных сил. У раба отчуждались все социальные связи, и он приравнивался к предметно-вещественным факторам производства. Крестьянин же феодального общества (даже крепостной) в своем хозяйстве выступал субъектом производства (282, с. 117). Раб — говорящее орудие. Он выключен из системы общественных связей, тогда как феодально зависимый крестьянин, подчеркивает Л. В. Данилова, даже в самых крайних случаях оставался их субъектом. Не у всякого кавдасарда имелось свое личное хозяйство. Однако В. И. Ленин отмечал, что крестьянин не всегда имел свои средства производства. «При крепостном праве средства производства давались производителю помещиком» (10, с. 473). В. И. Ленин указал и на главные признаки рабства: 1) рабы не считались не только гражданами, но и людьми; 2) они являлись вещью по закону, и даже убийство раба не считалось преступлением; 3) полное отсутствие каких бы то ни было прав (14, с. 74—75). Эти признаки характеризуются как базисные и надстроечные. Решающую роль для определения рабского статуса имеет базисный признак — второй (317, с. 79).

И по юридическому положению, и по формам эксплуатации кавдасарды сближались с зависимыми крестьянами, а не рабами. «В сущности эта категория зависимых представляет собой особый класс, — писал Н. С. Мансуров, — безусловно закрепощенных, не имеющих решительно никакой свободы» (348).

После основания в XVIII — начале XIX вв. предгорных и равнинных аулов положение кавдасардов несколько изменилось. Феодалы чаще стали практиковать наделение кавдасардов землей,

¹⁶ Г. А. Кокиев считал, что в правовом положении и по степени эксплуатации кавдасарды сближались с рабами (130, с. 27).

получая с них оброк. Таким путем алдары и баделята избавлялись от многих производственных забот, зато кавдасарды получали известную экономическую самостоятельность. В отдельных случаях феодалы шли даже на образование чисто кавдасардских поселений. По свидетельству Штедера (1781 г.), дигорские аулы Ватшило, Вассилово и Тума принадлежали побочным детям баделятов. Характер этих поселений раскрыл сам же Штедер. Баделята «смотрели на них (кумаягов. — Ф. Г.) и их имущество как на свою собственность, вследствие чего они требовали с них произвольные выплаты» (43, с. 63—64). К началу XIX в. аулы Ватшило и Вассилово, вероятно, слились. Клапрот, побывавший в Осетии в 1808 г., отмечал только «два селения Вачило Василий и Тума, принадлежащие незаконнорожденным детям баделятов» (203, Bd II, S. 395).

Кавдасарды приобретали землю не только посредством наследства. По статье адатов, кавдасарды имели право владеть землею, «приобретенною покупкою или полученною по наследству от их родственников» (38, в. II, с. 15). Фиксация нормами обычного права возможности покупки земли кавдасардами свидетельствует о том, что таковые сделки не были единичными. Иногда крестьяне покупали участки даже у своих феодалов. Так, в 1865 г. алдар Кануко Кануков продал своему кавдасарду Дудару «пахотные и сенокосные земли, находящиеся в ауле Кобани называемая 1-я Вес Олмарта, 2 и 3 Олмарта Рахте, 4 Андыра, 5 Цадафыз, 6 Сакадах, 7 Олдра, 8 Воикнарс, 9 Мамайнуку, 10 Рабын, каменный и деревянный дома, мельницу, части пастбищных мест, называемые Ху-Завт, Хос-Харан-рах, Ахсар-Завт, Цагат-Завт, и лес ценою за четыреста десять руб. сереб. и деньги получил сполна, после этого никто из моих родственников вступаться в оные земли и строения не должны, так равно и я...». Сделка скреплялась «Подпиской», данной Дудару бывшим владельцем и его родственниками, «удостоверением» управляющего Тагауро-Куртатинским участком и «Свидетельством» об этой покупке, подписанной председателем народного суда Осетинского округа, депутатами от крестьян, алдаров и баделятов (21, ф. 16, оп. I, д. 3, л. 118—126).

Покупка земельных участков свидетельствует о больших возможностях хозяйства кавдасардов. Один из них, по имени Савцук, принадлежавший юнкеру Джатиеву, имел 14 загонов земли, 2 быков, 14 коров, лошадь, ишака, 5 овец (245, с. 63). После присоединения Осетии к России, особенно с начала XIX в., хозяйство части кавдасардов стало ориентироваться на рынок. Торговля приносила определенный доход крестьянам. Некоторые из них даже выкупались на волю. В 1845 г. Габуза, Хазби и Али Атаевы за 500 руб. серебром выкупились на волю. В выданном им свидетельстве их бывший владелец Эльмурза Абисалов обязывался впредь не иметь с

ними никаких отношений, «окроме родственнического» (20 е, оп. I, д. 6, л. 10—10 об.).

В 40-х — начале 50-х гг. XIX в. по инициативе местной администрации был создан ряд т. н. «вольных» поселений, служивших барьером между двумя театрами (Западным и Восточным) военных действий на Кавказе. С разрешения владельцев в новые аулы переселялись и кавдасарды (кумаяги). В 1853 г. феодалы Дигорского общества в прошении на имя командующего отдельным Кавказским корпусом поставили вопрос о возврате кумаягов. Пристав Дигорского общества, проведя разбирательство по предписанию начальника центра Кавказской линии генерал-майора Грамотина, «объяснил, что просьбу просителей удовлетворить не может, собственно потому, что она занесена без всякого основания и побудительных на то причин, ибо кумияк их никто силой не забирал, и они не переселялись в особые аулы без согласия своих владельцев, — причем присовокупил, что из числа подписавшихся по вышеозначенной просьбе есть лица такие, которые не имеют ни одной души Кумияков, а хотя и имели, то освободили их за полученные за то деньги» (20 б, оп. I, д. 5, л. 14—14 об.).

В период проведения второго этапа Крестьянской реформы в Осетии (1864—1867 гг.) во всех обществах было освобождено 822 кавдасарда обоего пола, из них 309 мужчин и 513 женщин (20 г, оп. I, д. I, л. 106 об.). Столь незначительное число освобожденных может привести исследователя к ошибочному заключению относительно численности сословия. Необходимо сделать поправку на два обстоятельства: во-первых, часть крестьян выкупилась на волю до реформы; во-вторых, многие остались у владельцев. Здесь уместно напомнить нормы обычного права, посвященные кавдасардам (кумаягам). По 32-й статье адатов они могли владеть купленными рабами, но дети рабов «будут кавдасарды, принадлежащие владельцу кавдасарда, т. е. узданылагу» (38, в. II, с. 15). «Так как дети, прижитые кумаяками (как в равных браках, так и в браках с рабынями) включаемы были в одну категорию с их отцами, — писал В. Линден, — то неудивительно, если из кумаяков с течением времени выработалось целое сословие» (342, с. 265).

Об истинной численности сословия кавдасардов (кумаягов) можно судить по материалам первой половины XIX в. У Галата Кабанова из общества Донифарс имелись следующие семейства кумаягов: Тубе Ангудаева, Кодоша Голоева, Хамча Донбегова, Абрека Коджева, Ноока Когконова, Кизина Хоева, Кабула Сахнаева, Гегги Герхиева, Майралкаевых (Фацбая, Азамата, Казгирея, Гогги, Тоторука), Гула Цомаева, Цопа Айзуагова, Буловых (Алакаца, Цабозгирея, Холима), Ромораевых (Рашида и Гиоли) (20 е, оп. I, д. 2, л. 129). На равнине Тагаурского общества находилось 193 двора кавдасардов, 611 дворов фарсаглагов, 77 — алдаров (20 а, оп. I,

д. I, л. 85—85 об., 87). Выборочные данные середины XIX в. приведены в таблице (см. ниже; составлена по данным: 20 а, оп. I, д. I, л. 97; 20 д, оп. I, д. 113, л. 23—2л об.).

Число кавдасардов у феодалов не было одинаковым. У одних их было больше, у других — меньше. В первой половине XIX в. сословие в целом составляло приблизительно 25% всего числа крестьян.

Основную группу осетинского крестьянства составляли фарсаглаги (адамихаты). Некогда свободные общинники, они к моменту присоединения Осетии к России по степени эксплуатации подразделялись на несколько групп. В генеалогических преданиях имеются указания на причины зависимости непосредственных производителей. В «демократических» редакциях нашли отражение взгляды самих крестьян по этому вопросу: по убеждению крестьян, общинник зависимым становился или вступая под чье-либо покровительство, или «кланаясь за землю» (20 г, оп. I, д. 9, св. 2, л. 36—37). Суть патронатных отношений Б. В. Скитский видел «в стремлении слабых общественных элементов входить в зависимость от сильных, чтобы найти помощь и покровительство, найти защиту от «сильных людей насилья» (178, с. 7). Антагонистические классы Дигории оценивали эти отношения по-разному. Баделята представляли патронат как акт бескорыстного служения народу. По их

		Количество зависимых крестьян					
		фарсаглагов		кавдасардов		всего	
Название аула	Фамилия владельца	дворов	д. м. п.	дворов	д. м. п.	дворов	д. м. п.
Есеново	М. Есенов М. Кундухов	11	38	11	42	22	80
Какадур	Э. Мамсуров	9	43	1	4	10	47
Битаево	Ж. Кануков	8	27	4	18	12	45
Кобань	Ослан Аслан Аслам Тулатовы	27	100	26	98	53	198
Гизельские (5 аулов)	Кануковы Кундуховы Мамсуровы Алдатовы	103	?	41	?	144	?

словом, они «во время управления черным народом по установленным обычаям вошедшим в силу закона, имели об нем неусыпное попечение и в тяжкие времена, когда Дигорцы претерпевали различные угнетения..., лишаясь части имущества и детей своих, Бадилаты защищали их с пролитием своей крови и нередко выкупали даже на свой счет из плена семейства подчиненного им народа» (21, ф. 16, оп. I, д. 26, л. 16—16 об.). Крестьяне подходили к оценке патроната более реально, подчеркивая «момент платы со стороны покровительствуемых» (178, с. 8).

В связи с рассматриваемым вопросом большой интерес представляет социальный термин «армыдзыд», на который первой обратила внимание З. Цховребова (418, с. 75—77). Это слово представляет собой причастие от составного глагола *армы цæуын* — «входить под чью-либо руку». Так назывались лица, отдававшие себя под покровительство сильной фамилии.

Представитель слабой фамилии являлся к главе имущего рода и говорил: «Уæ армы цæуын», т. е. «я вхожу под вашу руку». Это давало ему надежную защиту. Покровительство обуславливалось рядом повинностей: армыдзыд платил налог, работал на патрона, представлял воинов в необходимых случаях и т. д. (93, с. 97—98; 212, с. 25—26; 418, с. 76). С *армыдзыд* связано понятие *æлдар* (от *арм-дар* — «рукодержец»). Они взаимно дополняют друг друга. *Æлдар* — «рукодержец» существует постольку, поскольку есть *армыдзыд*, т. е. есть над кем держать свою руку. Отношения, раскрываемые этими терминами, возникли, видимо, еще на начальных этапах классообразования. Но законченную форму они обрели в феодальном обществе (212, с. 26—27), в котором покровительство трансформировалось в отношения господства и подчинения.

Характерным примером патронатных связей являются описанные К. Л. Хетагуровым отношения между фарсаглагами и «тыхджын мыггаг» в Нарской котловине. Крестьяне, «находясь под покровительством сильных», в тревожное время пользовались их поддержкой. «Фарсаги, в свою очередь, оказывали услуги сильным во время их работ, в особенности при постройках башен, при столкновениях с другими сильными и в походах за перевалы. Чем больше было у сильного рода покровительствуемых фарсагов и чем установившиеся между ними отношения были теснее и сердечнее, тем все они были лучше обеспечены от произвола и насилия других сильных фамилий, а также от посягательств на их независимость и имущество их из-за перевалов». Определение «сердечные» для характеристики рассматриваемых связей неприменимо. Сам К. Л. Хетагуров констатировал: ...«предпочтение сильного и богатого слабому и бедному» переходило от поколения к поколению (194, с. 315, 319—320.). Обычай вхождения под покровительство известен как у

горцев, так и у народов других регионов.¹⁷ У горцев он отмечен, например, в Грузии и Чечено-Ингушетии (255, с. 97—98).

В средневековой Осетии существовала еще одна форма зависимости — поземельная. Феодалы и крестьяне по-разному подходили к определению причин возникновения этой формы зависимости. В «аристократических» вариантах генеалогических преданий отстаивалась идея об исконности прав феодалов на все земли осетинских обществ, т. к. их предки являлись «первыми поселенцами в данной местности» (вариант: «коренными жителями»). Отсюда закономерно следовало заключение: фарсаглагов «приглашали на землю» (223, № 6; 318, № 32; 362, с. 26). Совершенно иначе представлялся данный ЭС в «демократических» редакциях: фарсаглаги «кланялись за землю» (20 г, оп. I, д. 9, св. 2, л. 36 об.), подчеркивая тем самым вынужденность и унижительность этого шага. В глазах крестьян обладание землей являлось показателем и гарантом свободы. Не случайно в «демократических» вариантах генеалогических преданий проводилась следующая мысль: имевший свою землю жил, «никому не подчиняясь» (20 г, оп. I, д. 10, св. 2, л. 5.).

Величина крестьянских участков, как правило, была крайне незначительной. Например, участок «Карту-мара» на р. Бурдон составлял 12 десятин 1920 сажень, из которых 2/3 принадлежали Татarkanу Николову и наследникам двух его братьев; а 1/3, т. е. чуть больше 4 десятин — Николаю, Атэ, Курману, Бекмурзе и Иналуку Акоевым и наследникам их братьев Деко и Тасо (17 б, оп. 12, д. 105, л. 398). У Акоевых на душу мужского пола приходилось около 0,4 десятины, и это без учета остальных членов семьи. Разумеется, находились участки и покрупнее, но, с другой стороны, значительная часть крестьян вовсе не имела собственной земли. В. Чудинов отмечал, что «фарсалаки отчасти имели свои земли, но более нанимали их у старшин...» (422, с. 80). Даже после массового переселения на равнину в 20-х гг. и переселения за Кубань в 40—60-х гг. XIX в. в горах остро ощущался земельный голод. В крестьянских дворах на душу мужского пола приходилось в среднем от 1/4 до 1/2 десятины (372, № 19).

Пользование землей феодала обуславливалось исполнением ряда повинностей. Во время сева, жатвы и заготовки кормов для скота с каждого двора один фарсаглаг отрабатывал в каждом случае один день «на хозяйском корму». В праздники доставляли феодалу съестного и бузу. В течение года фарсаглаг платил владельцу: весной — ягненка, осенью — барана, овечий сыр, 10 фунтов

---

¹⁷ В этой связи небезынтересно отметить, что в Англии по законодательству короля Альфреда (IX в.) специально оговаривалось право перехода свободных людей в зависимость к феодалам, готовым принять их «под свою высокую руку» (67, с. 139).

коровьего масла или четверть пшеницы, мешок хлеба, в случае убоя скота — часть туши (38, в. II, с. 13, 16). Они несли также личные и случайные повинности.

Состояние этой группы крестьян можно назвать полужакрепощенным, т. к. они не сильно привязывались к земле и личности феодала и сохраняли право ухода от него. М. М. Ковалевский, обративший на это внимание, писал: «Подобно нашим крестьянам в эпоху, предшествовавшую отмене знаменитого Юрьева дня, фарсаглаго пользовались правом перехода от одного узденя к другому. Существенным ограничением этой свободы переселения является то обстоятельство, что при составлении прежнего места жительства» недвижимая собственность фарсаглага оставалась хозяину аула (125, т. I, с. 39—40). По мнению Б. В. Скитского, дигорские адимхаты в случае ухода от баделята продолжали отбывать личные и случайные повинности прежнему хозяину.

Еще одну группу фарсаглагов «аристократических» обществ составляли крестьяне, имевшие свои участки незначительных размеров. Они несли повинности, в адатах и документах первой половины XIX в. получившие название личных и случайных. Эти повинности состояли из приношений на праздники, например, на уразу — тушу барана, штоф браги, несколько чуреков, тарелку фасоли. На новый год — бараний бок, кувшин пива в 18 бутылок, три пирога с сыром. В случае выдачи дочери замуж крестьянин давал феодалу быка, то же самое и при разделе хозяйства фарсаглага. «Во время смерти» кого-либо из членов семьи хозяина аула фарсаглаг в обязательном порядке давал одного барана (20 е, оп. I, д. 2, л. 59 об.—61). Личные и случайные повинности варьировались в различных областях Осетии, но эти различия не носили принципиального характера.

В период сезонных работ (сев, жатва, покос) фарсаглаго эксплуатировались при помощи института «зиу». Имущие приглашали крестьян на работу, как на обычную взаимопомощь, а не отбывание повинности; труд «компенсировался» застольем, включая обильную выпивку и всевозможные блюда, на которые уходило мясо нескольких баранов (114, с. 338; 201, с. 27). Конечно, не у всякого горца находились средства для такого угощения. Систематически, из года в год, приглашения делались людьми зажиточными. Не случайно на Северном Кавказе в ходу была поговорка: «Уплати работнику то, что ему положено, и затем вымотай из него душу» (303, с. 82).

Данный институт в хозяйстве феодалов всего Кавказа представлял собой вид отработок (см., например: 98, с. 202; 151, с. 44; 193, с. 257) это — прибавочный труд крестьян, состоявший в обработке ими своим инвентарем земли феодала. «Виды отработков, — указывал В. И. Ленин, — чрезвычайно разнообразны. Иногда крестьянин...

работает просто из «чести», то есть даром, за одно угощение» (11, с. 192). Аналогичная форма эксплуатации имела широкое распространение и в других феодальных обществах, например, западноевропейских. Так, в Англии в дни «помочей» крестьянам выдавалась закуска, квас или пиво. При этом хозяин поместья выступал в роли «благотетеля». Барщина с харчами в Англии XIII в. стала своеобразной формой оплачиваемого принудительного труда. Более того, практиковалось натуральное премирование барщинного труда. В монастырских монахах виллан, участвовавший в сенокосе, уходя вечером домой, мог прихватить охапку сушеной травы, а во время жатвы разрешалось взять сноп хлеба (135, с. 375—376; 365, с. 29). К барщине с харчами часто прибегали феодалы Леона и Кастилии (133, с. 114).

Скрытая форма эксплуатации существовала у осетин и в скотоводстве («æфстау»). Богатый скотовод давал на время фарсаглагу свой скот или часть его. Овцы отдавались на срок от трех до пяти лет. Более распространенным был второй вид аренды. По истечении срока заимодавец брал из стада столько овец, сколько давал. После этого приплод делился поровну. При аренде скота на три года арендатор получал одну треть, а собственник — две трети стада (38, в. II, с. 30; 117, т. II, с. 380; 154, с. 40). В любом случае заимодавец оказывался в выигрыше, а крестьянин-скотовод получал небольшое вознаграждение за труд. Но если взятые крестьянином овцы гибли в непогоду, угонялись и т. д., то заимодавец мог потребовать компенсацию. У народов Северного Кавказа отмечены различные вариации этого института, но суть его одна и та же. Этот институт — «своеобразная барщина» (75, с. 38) в хозяйстве с преобладающим значением скотоводства.

Отношения «зюу» и «æфстау» в феодальном хозяйстве — специфические формы отработочной ренты», «наиболее простой и первоначальной формы ренты», о которой К. Маркс писал, что «труд непосредственного производителя на самого себя здесь еще отделен в пространстве и во времени от его труда на земельного собственника» (9, с. 355).

Приведенный материал свидетельствует о расслоении фарсаглагов в средневековой Осетии. На начальных этапах генезиса феодализма сформировалась прослойка армыдзыдов; позднее — безземельных и малоземельных фарсаглагов. По материалам XVIII—середины XIX вв. прослеживается малочисленная группа зажиточных фарсаглагов, обладавших довольно значительной земельной собственностью, большими стадами. Земельная собственность Кусовых, Козровых, Цгоевых и Бугуловых не уступала по своим размерам владениям иных алдаров. Бугуловы, например, имели пахотные, сенокосные и пастбищные земли в Халике, Верхнем и Нижнем Кора, «а также усадьбы в весьма хорошем качестве» (20 г,

оп. I, д. 2, л. 166—166 об.). Фидаровы и Кусовы жили в горном ауле Саниба, пользовались угодьями наравне с алдарами Есеновыми и Алдатовыми, «никто из этих фамилий один к другому не имеют никаких преимуществ» (20 а, оп. I, д. 3, л. 116 об.; д. 10, л. 1.). Тархановы в ауле Кадат имели жилые дома, хозяйственные постройки, пахотные, сенокосные и пастбищные земли (20 а, оп. I, д. 10, л. 13). В распоряжении Томаевых в Какадуре находились «4 жилых дома с дворами, 4 мест молотных, 4 мест для хранения навоза, 2 мельницы, 32 загона пахотной земли и 4 мест сенокосства» (20 е, оп. I, д. 2, л. 51).

Зажиточные фарсаглаги владели табунами лошадей, крупного рогатого скота, овец. У Кусовых, Козровых и Цгоевых, живших на урочище Кардиусар, в одном из набегов угнали, согласно их заявлению, «целый табун лошадей». В другом случае у Кусовых угнали «до ста штук рогатого скота и лошадей» (20 а, оп. I, д. 3, л. 118). Всего за первые 15 лет жизни на урочище Кардиусар (1818—1832 гг.) крестьяне потеряли до 3000 голов скота, более 6000 стогов сена (20 д, оп. I, д. 111, л. 114). В распоряжении крестьянской верхушки находились крупные наличные суммы. Например, на имя Пшенахо и Заурбека Кусовых (сыновей погибшего в 1836 г. прапорщика Берда Кусова, служившего под началом генерала Фази) в Сохранную казну в Москве было положено 3165 руб. — сумма по тем временам немалая. Достаточно сказать, что туша барана оценивалась в 50 коп., бык—12 руб., мера пшеницы — 80 коп., мера проса — 30 коп. и т. д. (20 е, оп. I, д. 2, л. 58—61; 43, с. 206).

Таким образом, крестьянство Осетии состояло из двух основных сословий: кавдасардов (кумаягов) и фарсаглагов (адамихатов). Последние не составляли социально однородной категории, а разделялись на несколько групп. В хозяйстве феодалов использовался труд кавдасардов и трех групп фарсаглагов — армыдзыдов, безземельных и малоземельных фарсаглагов.

Интересен вопрос о значении отдельных феодалов в жизни общества. Формально, по нормам обычного права, все алдары и баделята были равны между собой, т. к. происходили от одного предка (38, в. II, с. 15). Однако они различались по размерам владений и числу подданных. Попытка некоторых феодалов выделиться из общей массы привилегированного сословия нашла отражение в родословных. Как известно, тагаурские алдары, за исключением Дударовых и Дзантиевых, выводили свой род от мифического армянского царевича Тага. Но что интересно: три фамилии — Тулатовы, Алдатовы и Шанаевы — вели свой род с третьего колена потомков Тага (20 е, оп. I, д. 2, л. 63 об. — 68; д. 9, л. 65 об. — 66, 293 об. — 294). Еще три фамилии — Тугановы, Мамсуровы, и Есеновы — с четвертого (20 е, оп. I, д. 9, л. 82—82 об., 118—118 об., 221 об. —

222), тем самым должны были считаться «младшими» по отношению к первым трем фамилиям. Кануковы своим прародителям считали Канбия, который по родословным других алдаров был сыном Тага, но имя Тага не фигурирует в родословных Кануковых (20 е, оп. I, д. 9, л. 135 об. — 136, 138 об. — 139, 141 об. — 142, 144 об. — 145). Подчеркивая древность рода, Тхостовы выводили его со второго колена потомков Тага (20 е, оп. I, д. 9, л. 349 об. — 350). На самом деле они являлись едва ли не беднейшей фамилией среди алдаров. В 40-х гг. XIX в. некоторые члены этой фамилии, «претерпевшая совсем крайность», неоднократно обращались к местной администрации с просьбами о выделении земли для жительства (20 а, оп. I, д. 1, л. 5—6).

Разумеется, родословные не могут служить критерием для определения различий в политическом весе феодалов. Таким критерием является размер хозяйства и число зависимых крестьян¹⁸. Если судить по этим признакам, то наиболее авторитетной и могущественной фамилией среди тагаурских феодалов следует признать Дударовых. Им принадлежало все пространство от Балты до Ларса. Этими землями они владели «в то время, когда Грузия еще не была присоединена под скипетр России» (20 а, оп. I, д. I, л. 118—118 об.; д. 5, л. 1). Владения Дударовых еще более возросли в первой трети XIX в. — 11 аулов составляли их собственность. Несколько сот дворов зависимых крестьян проживало на их землях. Только в селении Иналово, принадлежавшем наследникам Инала Дударова, в середине XIX в. проживало 67 дворов фарсаглагов (20 а, оп. I, д. 5, л. 18 об.). Для сравнения приведем статистические сведения, почерпнутые из рапорта Ивелича графу Гудовичу от 23 октября 1806 г., о количестве зависимых крестьян у других алдаров. У всей фамилии Шанаевых подданных насчитывалось 140 дворов, у Кануковых — 80 дворов, у Кундуховых — 60 дворов (23, т. III, с. 213).

Дударовы пользовались большим влиянием за пределами общества. В 1771 г. один из них «князь Ахмет доставил грузинскому царю Ираклию несколько сот взятых на службу осетин» (43, с. 73). В начале XIX в., по наблюдениям Д. Буцковского, «состояние терекских (Дударовых. — Ф. Г.) гораздо превосходнее кобанцев, поелику имеют случай продавать за весьма высокие цены всякие съестные избытки, подражаясь также к перевозке через занимаемый ими участок... транспортов» (18, оп. I, д. 300, л. 70 об.). По свидетельству очевидцев, Дударовы во второй половине XVIII в. с проезжающих в Грузию и из Грузии торговцев получали пошлину большую, чем другие алдары. Сначала купцы платили всем феодалам,

¹⁸ К. Маркс отмечал, что могущество феодалов определялось не размерами ренты, а числом подданных (8, с. 729).

принимавшим участие в эксплуатации Военно-Грузинской дороги, а затем отдельно Дударовым (204, Bd. I, S. 53). А. Андреев считал Дударовых «полными господами движения, шедшего вдоль Терек... В силу этого никто не мог пройти без их ведома, и каждый платил за право перехода все, что они требовали» (64, с. 24). Ежегодный доход с пошлин по заявлению Дударовых «простирался до 30 т. руб. сер.» (20 а, оп. I, д. I, л. 121 об.).

В Дигории по своему значению и влиянию выделялись баделята Тугановы и Кубатиевы. Архимандрит Пахомий в донесении святейшему Синоду 1745 г. среди «главных людей» Дигории называл «Кубатовых детей, коих девять братьев имеют под владением деревни... все тамошние народы за главного ныне имеют того Кубатова детей дядю, и ему послушны. И никакой противности оному Кубатову... ежели кто-либо из тамошнего народа учинит какую продерзость, то оный Кубатовых дом за то... берет некоторую подать скотом, а телесного наказания по обычаю учинить не может» (17, оп. 26, д. 373, л. 219, 278 об.—279). В начале XIX в. Тугановы получили на равнине участок в 20 000 десятин. Позднее часть его выкупила казна. В 1837 г. «по особой монаршей милости» за генерал-майором Тугановым закреплялось 12 954 десятины 149 сажень (17 б, оп. 12, д. 105, л. 60 об.). В середине XIX в. в равнинных аулах Тугановых проживало 149 дворов адамихатов, у Кубатиевых — 205, Абисаловых — 158, Каражаевых—47, Чегемовых—7, Кабановых—26, Бутуевых—43 (20 е, оп. I, д. 10, л. 7). Таким образом, значение каждого феодала в жизни общества определялось размерами хозяйства.

Приведенные факты свидетельствуют о том, что во всех осетинских обществах господствовали феодальные отношения. В «демократических» районах в хозяйстве узданылагов использовался труд кавдасардов и армыдзыдов; общинники в необходимых случаях подвергались эксплуатации при помощи институтов «зиу» и «æфстау» — завуалированных видов отработок. По словам Ф. Энгельса, разновидность отработок, при которой крестьянин получал вознаграждение, «первоначально экономически была выгодна обеим сторонам». Выгода феодала «заключалась не в денежной стоимости натуральной повинности, а в принудительном характере последней; она заключалась не в экономической невыгодности для крестьянина, а в его несвободном состоянии» (2, с. 326).

В «аристократических» обществах открытой эксплуатации подвергались кавдасарды и подавляющая часть фарсаглагов. Экономическая мощь осетинских феодалов базировалась не только на ренте и всякого рода непоземельных повинностях крестьян. Значительную часть их доходов составляли торговые и судебные пошлины, штрафы и т. д. Следует согласиться с Л. И. Лавровым, что непоземельные статьи доходов феодалов Осетии, как и всего Северного Кавказа, составляли немалую долю их богатств (147, с. 27).

Раздел III.

**ИСТОРИЧЕСКИЕ РЕАЛИИ
В НИЗШИХ ЗВЕНЬЯХ
ГЕНЕАЛОГИЙ ОСЕТИН**

1. СЕВЕРНАЯ ОСЕТИЯ В СИСТЕМЕ ОТНОШЕНИЙ НАРОДОВ КАВКАЗА

Средневековой Кавказ представлял собой пестрый в этническом отношении регион. Это обстоятельство породило в древности идею, будто здесь проживало невероятно большое число этнографических групп. Количество местных народов некоторые авторы доводили до ста, а арабский ученый X в. Ибн-Хаукаль писал, что на Кавказе «360 языков» (34, в. III, с. 97). Это, конечно, преувеличение, но ни один уголок мира не поражает таким ошеломляющим нагромождением языков и наречий, как Кавказ (58, с. 89). Все его народы, на каком бы расстоянии друг от друга они не находились, связаны между собой многочисленными нитями языковых и культурных контактов. По справедливому замечанию В. И. Абаева, несмотря на многообразие языков, на Кавказе складывался единый в главных чертах культурный мир (58, с. 89).

Соседствуя на протяжении тысячелетий, горцы уже в силу этого вступали в контакты между собой. Дореволюционная историография взаимоотношения народов Кавказа сводилась лишь к бесконечным набегам и военным столкновениям. Многие современные буржуазные исследователи не могут отойти от этой консервативной традиции. Например, преподаватель университета в Анкаре А. Джафер-оглы в одной из работ безосновательно пишет, что «карачаевцы вели вооруженную борьбу против грузин», хотя факты свидетельствуют об обратном (295, с. 194). Разумеется, конфликты имели место, но они относились, главным образом, к междоусобной борьбе феодальных блоков. Было бы крайне неверно делать упор только на это, ибо, наряду с противоборством различных союзов феодалов, история приводит примеры другого рода — тесного сотрудничества трудового населения. Данные две системы отношений базируются на

делении этносов феодального общества на антагонистические классы, которые, по словам Ф. Энгельса, «так же отличаются друг от друга, как если бы они принадлежали к различным расам» (1, с. 356). С учетом этого нетенденциозный подход к прошлому горцев закономерно приведет к выводу о прочной основе их взаимоотношений, нашедших отражение в общности технических навыков, некоторых элементов надстройки, в словарном составе их языков, антропологии и т. д.

Методологической основой анализа отношений осетин с соседями является приведенная мысль Ф. Энгельса: феодалы и крестьяне отличаются друг от друга больше, чем представители двух рас. В этом смысле прошлое Кавказа можно рассматривать не как историю отдельных этносов, а как историю 1) противоборства феодальных блоков, и 2) дружбы и взаимопомощи народов. В этих двух срезам мы и рассмотрим поставленную проблему.

Феодалы Осетии в средние века были связаны с владельцами практически всех народов Кавказа. Эти связи нашли отражение в генеалогических преданиях. Согласно вариантам, записанным в XIX в., Царгас некогда обитал с братом Шарвашем (родоначальник абхазских князей) на берегу Черного моря. Данный сюжет свидетельствует о тесных контактах дигорских и закавказских феодалов. Братями считались предки бадеятов и балкарских таубиев. Причем эта мысль проводится не только в осетинских, но и в балкарских легендах (137, с. 273, 355, с. 554). На связи осетинских и кабардинских феодалов указывают сюжеты преданий о Баделе, Тага, Курта и др. Классовая направленность этих союзов особенно рельефно выступает на примере отношений алдаров и бадеятов с кабардинскими и балкарскими господствующими сословиями.

Документально связи феодалов соседних народов прослеживаются с XVI в. С этого же времени адыгские князья и уорки вступают в брачные связи с аристократическими кланами Грузии, Дагестана, Крыма, Ногайской орды и др. (346, с. 171). В генеалогических преданиях осетин и адыгов нередко сообщается о взаимных браках представителей правящих слоев. Это же подтверждают и родословные росписи. В генеалогических таблицах тагаурских и дигорских феодалов зафиксированы их брачные союзы, начиная с XVI в. (20 е, оп. I, д. 2, л. 63—66; д. 5, л. 82—350; д. 11, л. 6—91 и др.). В 12 родословных, взятых выборочно, из 58 браков XVI—XVIII вв. в 32 случаях супругами алдаров и бадеятов значатся дочери адыгских князей и уорков, балкарских таубиев. Укрепление отношений между перечисленными высшими сословиями нашло отражение и в устной традиции осетин (см., например, 114, с. 355; 125, с. 43; 307, с. 147; 318, № 31). О прочных связях между Кабардой и Осетией в XVI—XVIII вв. свидетельствуют данные языка.

«К этому периоду, — пишет В. И. Абаев, — относится ряд заимствований из кабардинского в осетинский» (58, с. 88).

Говоря об установлении контактов между осетинской и адыгской знатью, следует помнить о существовании нескольких союзов, а не одного. Иными словами, правящие верхи соседних народов представляли собой не монолит, а отдельные группировки. Объясняется это нестабильной политической обстановкой на средневековом Кавказе и господством феодальной раздробленности. «Бывали в старину и такие случаи, довольно частые, — писал анонимный публицист в середине XIX в., — что несколько братьев-князей, управляющий каждый доставшимся ему участком, ссорились между собою, вели войну, нападали друг на друга, разоряли страну, — и с богатою добычей из скота и людей возвращались домой...» (376, с. 16). Стремление к расширению уделов толкало князей к поискам «преобладания друг над другом»; отсюда «бесконечные ссоры»; в ходе которых «ни семья, ни скот, ни имущество землевладельца и скотовода, ничто не было гарантировано от возможности угона, отнятия или истребления». Жестокое противоборство приводило к сокращению княжеских родов. Брат шел на брата, дядя — на племянника и т. д. (см.: 32, т. II, с. 384—387, сл.).

Острейшими противоречиями характеризовались внутриклассовые отношения осетинских феодалов. В генеалогических преданиях прямо указывается на междоусобную борьбу (20 в, оп, I, д. 14, л. 13). В родословных алдаров в художественной форме передается столкновение близких родственников. «Сыновья Тагаура Камбий и Сана пользовались уважением у куртатинцев. После смерти этих братьев, сыновья Камбия, желая быть во главе куртатинцев, затеяли интриги против сыновей Сана. Между ними завязалась драка, в которой Камбиевы убили двух сыновей Сана, кроме одного грудного ребенка, по имени Тотик, спасенного кормилицей». Потомки Камбия не остались безнаказанными. Вскоре «куртатинцы ворвались в их замок, разгромили его и убили двух сыновей Камбия...» (362, с. 19—20).

Междоусобица среди эксплуататорского класса служила причиной бытия противоборствующих коалиций. Иллюстрацией этому может служить известие «Никоновской» летописи о пребывании на Северном Кавказе отряда (500 стрельцов и 500 казаков) Григория Плещеева. В сентябре 1562 г. эти «государевы люди» по приказу Ивана Грозного отправились в Кабарду к Темрюку Идаровичу, принявшему в 1557 г. подданство России.¹ Отряду вменялось в обя-

¹ В 1565 г. вновь «Царь посылал небольшое войско в помощь Темрюку под начальство генерала Дашкова» (118, с. 28). В течение 10 лет (1558—1567 гг.) русское правительство оказывало Темрюку сильную военную помощь, посылая отряды, в том числе «ратных людей с вогненным боем» (145, с. 237).

занность способствовать укреплению его власти в борьбе с противниками, наиболее могущественным из которых был Пшеапшоку Кайтукин — по летописи Шепшук. К моменту прихода воеводы Темрюк с сыном Домануком спасался от своих врагов в Астрахани. С помощью русских войк Темрюк «воевал Шепшуковы улусы да воевал Татцкие земли близ Скиньских городков и взяли три городки: Мохань, город Енгирь, город Каван, и мирзу Телишку убили и людей многих побили. ...И воевали землю их одиннадцать дней и взяли кабаков Мшанских и Сонских сто шестьдесят четыре, и людей многих побили и в полон имали, да взяли четырех мурз: Бурната, Ездноура, Бурнака, Дудыля». Благодаря содействию отряда Плещеева Темрюку удалось «недругов» склонить «к воле своей» и обложить их данью (32, т. I, с. 10—11). «Приведенное известие,— отмечала Е. Н. Кушева, — заслуживает специального комментария кавказоведов для определения упомянутых в нем топографических и племенных названий» (332, с. 276).

Долгое время выяснить местонахождение «Татцких земель» и «Скиньских городков» не удавалось (см. 32, т. I, с. 393). Правда, Е. Н. Кушева в названии городка «Каван» видела осетинский аул Кобан в Тагаурии, а в «Сонских кабаках» — сванов (332, с. 276). Однако, как заметил Л. И. Лавров, русские источники «сонами» называли то сванов, то осетин (337, с. 5). Интересно, что в материалах русских посольств в Грузию Сонская земля расположена в высшей точке Дарьяльского прохода в районе Хеви, осетинам известного под названием Сана. В статейных списках, российских и западно-европейских источниках XVI—XVIII вв. этническое название осетин зафиксировано в формах осинцы, соны, сонские кабаки, сонские земли. Сонские щели неоднократно упоминались за Ларсовым кабаком. Здесь начиналась территория Аристопа Сонского (91, с. 106—107; 165, с. 29). От Ларса граница его владений шла по дороге в Грузию, через Крестовый перевал до р. Арагвы. О «сонских людях и их владельце Аристопе» собрали сведения члены посольства в Имеретию 1650—1652 гг. стольник Толочанов и дьяк Иевлев. По информации, полученной ими от кабардинского владельца З. Анзорова и дигорцев Смаила и Чибирки, сонские земли лежали недалеко от «дигоров да стигоров» на дороге в Грузию; «и та те дорога будет близка и хороша» (47; с. 118—120).

Таким образом, по сведениям статейных списков конца XVI—середины XVII вв., Сонские земли занимали высокогорную зону Центрального Кавказа. На востоке граница владений Аристопа проходила по дороге в Грузию, на западе Сонские земли граничили с Дигорией, на юге — с Картли и на севере — с Тагаурским и Куртатинским обществами. Очевидно, это Ксанское эриставство. Возможно, в его состав в то время входили некоторые высокогорные аулы Тагаурии, Куртатии и Туалгома. В этой связи представ-

ляет интерес указание посла М. Татищева на «Аристова князя приказчика Березова» и на «Березов кабака», находившийся вблизи Ларсова кабака (27, с. 454—457). Не исключено, что речь идет об ауле Джимара, в котором издавна проживали Березовы.

В термине «Татцкие земли», по предположению В. Б. Виноградова и Т. С. Магомадовой, отразилось не совсем четкое понимание русскими источниками языкового отличия ее населения от адыгов и принадлежности к иранскому плысту на Кавказе (247, с. 48). Не меньшего внимания заслуживает гипотеза Л. И. Лаврова, усматривавшего в «Татцких землях» искаженное название Куртатинского ущелья (148, с. 206; 337, с. 5—6).

«Скинские городки» летопись располагала рядом с «Татцкой землей». Первое наименование В. Б. Виноградову и Т. С. Магомадовой представляется производным от названия «Лескенские». Действительно, на р. Лескен существовало несколько одноименных аулов, а само слово имеет ираноязычную основу (247, с. 48). Следовательно, «Скинские городки» локализируются в Дигорском обществе. Термин «Каван» исследователи связывают с осетинским «Кав-ан», означающим стоящий в воротах, т. е. в горном проходе (247, с. 49—50). Но это скорее аул Кабановых (Кабантикау) на р. Лескен в 8 верстах от входа в Дигорское ущелье. Название «Мохань» В. Б. Виноградов и Т. С. Магомадова считают искаженным осетинским «махон» — наш. Возможно, это название аула на границе с кабардинцами. «Енгирь» может происходить от дигорского «ангеран» — угроза. Такое «пугающее» название логично для населенного пункта в пограничной зоне (247, с. 49—50).

Конечно, предложенная трактовка летописного сообщения может быть в будущем откорректирована. Так, Л. И. Лавров полагал, что название городка Енгирь образовано от ногайско-кумыкского «янгы» — новый (337, с. 5.). Тем не менее представляется вероятной связь летописного известия с Тагаурским, Куртатинским и Дигорским обществами и Ксанским эриставством. Дополнительное косвенное обоснование это соображение имеет в факте прочного союза князей Кайтукиных — врагов Темрюка — с осетинскими феодалами. Не вызывают сомнений тесные отношения между Сафарали Каражаевым и известным политическим деятелем начала XVIII в. Арсланбеком Кайтукиным (37, ч. 2, с. 50). Видимо, дигорские феодалы выступали союзниками князей Кайтукиных в борьбе с Идаровичами. В свою очередь Кайтукины оказывали помощь бадедьям в столкновении с противниками. По свидетельству кабардинских феодалов Магомета Атажукина и Адильгирея Гиляксанова (1743 г.), дигорцы «с Малой Кабардой постоянно имеют мир... и взаимно между собой женятся дюгоры и сырдюгоры на кабардинках, а кабардинцы — на их дочерях» (36, с. 32). Судя по этому сообщению, верхи Малой Кабарды не поддерживали связей

с Донифарсом. По-видимому, это связано с неоднократными попытками баделятов — союзников адыгских князей — подчинить своему влиянию Донифарс. Штедер, побывавший в Осетии в 1781 г., писал: население Донифарса «уже в течение нескольких столетий» отделилось «от остальных дигорцев... баделята не могли их покорить, и соседи считали их непобедимыми» (43, с. 64). П. С. Паллас также отметил «плохие отношения» донифарсцев «с другими дигорцами» (43, с. 90).

Дигорские и кабардинские феодалы часто вторгались во владения гагуатов. Один из таких набегов отражен в песне о Есе Канукове. Она же иногда называется «Сари Асланбек» — «песня кабардинского алдара»; существует и одноименное предание (см. 42, т. I, с. 482—491, 583—586; 44, в. II, с. 124—129.).

События, излагаемые в песне, Б. В. Скитский относил к началу XIX в. (до 1811 г.), т. к. Сари Асланбека он принимал за фольклорное отражение князя А. Биасланова (179, с. 88). Но нет ни одной редакции, в которой указывалась бы фамилия Биасланова, зато назван Арсланбек Кайтукин, кабардинский князь, глава кашка-таусской партии. Другими основными героями песни во всех вариантах (всего записано, как выяснила Т. А. Хамицаева, более тридцати) являются Сафарали Каражаев и Муртазали Биев. Авторы хрестоматии по осетинскому народному творчеству, ошибочно определяя время жизни С. Каражаева, сюжет предания связывали с событиями XVI в., К. Казбеков — XVII в., А. Д. Мамсуров — первой половины XVIII в. (41, с. 242; 347, с. 141—143). Т. А. Хамицаева, проанализировав некоторые данные, справедливо пришла к выводу, что сюжет песни отражает реальную действительность первой четверти XVIII в. (192, с. 96—98). К ее аргументации можно добавить факт, установленный Л. И. Лавровым: в 1715 г. С. Каражаев и А. Кайтукин были свидетелями при определении границ владений узденя И. Урусбиева (37, ч. 2, с. 50). Это еще одно доказательство тесных связей феодалов Тапан-Дигории и Кабарды.

По мнению дореволюционных исследователей Л. Петрова и А. Лилова, именно из Кабарды в XVI—XVII вв. мусульманство стало распространяться в Осетии и, следовательно, содействовать укреплению уз между привилегированными группами обоих народов. Хотя Л. И. Лавров относит утверждение ислама в Тапан-Дигории к середине XVIII в.² (334, с. 112), это не меняет дела; ис-

---

² Г. Д. Чиковани распространение ислама в Осетии относит к XII—XIII вв., а А. Х. Магомедов — к XIII—XIV вв. (179, с. 469; 420, с. 36). Возможно, это и так, но утверждение мусульманства у осетин приходится на время после XVI в.

лам освящал и укреплял классовый союз осетинских и кабардинских феодалов (188, с. 100). Заслуживает внимания сообщение Вахушти: «Некоторые главари (Осетии. — Ф. Г.)... сносящиеся с Черкесией, владеют черкесским и татарским — джагатайским» (86, с. 141). Все изложенное служит показателем существования тесного союза баделятов с кабардинскими феодалами, в предании представленного tandemом С. Каражаева и А. Кайтукина.

Сюжет песни — отпор донифарсцев во главе с Есе Кануковым совместного набега дигорских и кабардинских феодалов.³ Последние часто вторгались в Донифарс через перевал Бафоны Сар-тыл (121, с. 35.).

Предание рисует Есе «любящим бедный народ»; он якобы управлял им, но не допускал к нему алдаров. С оценкой устной традиции согласна Т. А. Хамицаева. Как она полагает, в Донифарсе социальные отношения не доросли до уровня феодальных, поэтому Есе — старейшина (192, с. 104—107), но не феодал. Мы не согласны с таким утверждением. В песне указывается на замок Кануковых с железными воротами. Галуан Кануковых — жилой, хозяйственный и оборонительный комплекс — один из лучших архитектурных памятников феодальной Осетии. Владельцем такого замка мог быть только феодал (см. 311, с. 229.) А. Д. Мамсуров, изучивший 23 варианта песни и предания, отмечал: «Есе Кануков... все же знатного происхождения» (339, с. 145).

Определяя место Есе в жизни Донифарса, исследователь может оказаться под впечатлением предания, видевшем в основном герое главу общества, чувствующего ответственность за его судьбу. Однако к данному источнику, как и любому другому, мы должны подходить как к общественному явлению. Только тогда его можно верно понять и истолковать (243, с. 88). Рассматриваемая песня по преданиям составлена вслед за событием самим Есе Кануковым⁴ (192, с. 98). Вспомним также, что баделята свое господство представляли как бескорыстное служение народу. В одном из показаний дигорских феодалов сословной комиссии в 1849 г. говорилось: в прежние времена баделята защищали крестьян, «как собствен-

³ Спорной представляется мысль Ш. Ф. Джигкаева, усматривающего основное содержание песни в борьбе «угнетенных масс против феодалов». Борьба эта, по его мнению, «носит ярко выраженный социальный характер, в ней ошутимо проявляется классовая солидарность трудящихся». Далее автор утверждает, что возникновение песни «исследователи относят к началу XVII века» (112, с. 131—132.).

⁴ Песня является примером памятника индивидуального происхождения. В результате распространения в народе таких произведений скоро стирается след индивидуальности, и устное обращение помещает их среди образцов анонимных произведений (421, с. 80—81).

ных, выкупая, возвращали оных родным и, защищая, умирали за свой народ» (21, ф. 16, оп. I, д. 26, л. 16 об.; 178, с. 11—12). И свидетельство предания, и сообщение баделятов — тактический ход, попытка обосновать господство в обществе заботой о народе.

Совместные походы господствующим сословиям Северного Кавказа не были редкостью. Так, И. Кануков вспоминал, как отец возвращался с балца «в сопровождении целой кавалькады: тут были и кабардинские и кумыкские князья, и все они гостили более или менее продолжительное время» (302, с. 105—106). Набеги составляли характерную черту образа жизни горской знати (см., например: 98, с. 169—180; 228, с. 80, 82—83). А страдало от них все трудовое население независимо от национальной принадлежности. «Плоды дружбы горских феодалов, — пишет по этому поводу В. К. Гарданов, — были весьма горьки для их подчиненных» (268, с. 54).

Иногда несколько группировок объединялось в один союз. Так, в декабре 1766 г. майор П. Татаров доносил полковнику Копыловскому «о собрании как Большой Кабарды, так и Малой владельцами и узденями и прочими горскими народами, яко то Карачай, Чегем, Балкар, дугор, Каражау, Кубатием, находится на общем собрании и согласии...» (19, оп. I, д. 638, л. 70). Но состав феодальных блоков не всегда отличался постоянством. Даже при жизни одного поколения он мог радикально перемениться, как могла измениться и его внешнеполитическая ориентация. Например, по свидетельству М. Татищева (1604 г.), тагаурцы «бывали за Айтек-мурзою Черкесскими, да от него отложились» (27, с. 508).

В XVIII в. осетинские владельцы в большинстве своем входили в группировки малокабардинских феодалов, и лишь немногие ориентировались на князей Большой Кабарды. Во второй половине XVIII столетия часть баделятов изменила своему прежнему сюзеру Таусултанову. Причину этого со слов «старшин Кантемирских» в 1802 г. выяснил А. Е. Соколов: ...«владельцы Большой Кабарды, приметя ослабление потомков Тав-Султана, от разделения, между ними происшедшего, употребили случай тот в свою пользу, начав господствовать не только над самими Тав-Султанами, но и над всеми прочими селениями, на их земле находящимися: Кубатиевым, Тугановым, Каражаевым, Шегемовым и Кабановым, ... преклонив к себе старшин, как сих селений, так и всех Дигорских, избыточными подарками; и таким образом владельцы Большой Кабарды распростерли власть свою до самых подошв Снеговых гор» (234, с. 21—22). Причина переориентации баделятов коренится в ослаблении позиций князей Малой Кабарды. В 1752 г. умер наиболее могущественный из них — Адильгирей Гиляксанов. Его наследники Батай и Али-Арсланбек Таусултановы не пользовались тем политическим весом, каковой имел дядя, чем незамедлительно воспользовались их противники: ...«некоторые Большой Кабар-

ды владельцы призывают их осетинцов под свою власть, обнадеживая при том их защищением...» (19, оп. I, д. 500, л. 47 об., 48 об.). В конце концов часть осетинских феодалов заключила союз с князьями Большой Кабарды. Отношения с новыми сюзеренами закреплялись «избыточными подарками» — практика, характерная для средневекового Кавказа. Каждый владелец, вступая в связь с князем, получал от него т. н. «уорк-тын», в русских источниках известный под названием узденьской дани. По обычному праву получение уорк-тына было единственным, что связывало с сюзереном, которому служили по своему выбору и добровольному соглашению. Отношения между партнерами по феодальному блоку тогда считались закрепленными, когда узденьская дань выплачивалась сполна (98, с. 182—183).

Несмотря на противоборство отдельных группировок, блок феодалов представлял собой классовый союз, направленный против непосредственных производителей. Многие сюжеты генеалогических преданий укрепление позиций алдаров и баделятов связывают с их союзом с адыгскими феодалами. По одним вариантам, «Баддила, как мусульманин, находит себе поддержку в кабардинцах-мусульманах, которые через его посредство стараются о введении корана среди христианского населения Дигории. ...Дигорцы мало-помалу привыкли видеть в Бадилатах кабардинских агентов и повиноваться им поневоле» (125, т. I, с. 43, 307, с. 147). По другим редакциям, баделята «приобрели еще большее значение», вступив «в родственные отношения» с кабардинскими владельцами и «приняв мусульманство». Следствием этих шагов устная традиция считает появление «новых поборов с народа» (114, с. 355; 318, № 31). Аналогичная мысль проводится в «демократической» редакции предания о Царгасе: «...царгасаты воспользовались тем, что приняли веру Магометанскую и Магометане—враги стырдигорцев, — увеличив в единоверстве Царгасат, стали подавать помощь им, отчего Царгасаты стали влиять» на крестьян (20 г, оп. I, д. 10, св. 2, л. 50.).

Во всех приведенных фольклорных сюжетах подчеркивается роль ислама в освящении союза горских владельцев. Религия стала водоразделом между антагонистическими классами. Из-за «общей ненависти к баделятам» и их союзникам — кабардинским князьям, отмечал в 1781 г. Штедер, крестьяне отказывались от мусульманства и большими группами принимали христианство. Это проявление классовой борьбы. Говоря словами Ф. Энгельса, «если эта классовая борьба протекала тогда под знаком религии, если интересы, нужды и требования отдельных классов оказывались под религиозной оболочкой, то это нисколько не меняет дела и легко объясняется условиями времени» (3, с. 360.). Адамихаты в конце 1782 г. жаловались П. С. Потемкину: «Бадилатова фамилия всегда

приводя из Большой Кабарды владельцев по злобстве, что мы крещение принимаем, нападая на нас, делают немалые обиды...» (16, раз. 23, д. 13, ч. I, л. 116). В 1800 г. в Каражаево была «построена церковь, и к ней определен полный штат из священника и причетника». Дигорские феодалы обратились к кабардинским князьям и с их помощью «разграбили церковь, прогнали священника». Эта акция лишь усилила социальный протест крестьян. Многие из них бежали в Моздокский район. Крестьян Каражаево к переселению в степное Предкавказье склоняли Тавсарук и Алексей Кургосовы. Пресекая «крамольную» агитацию, баделята, опять-таки при помощи союзников, убили братьев (387, с. 33—34.).

Прочные связи существовали между осетинскими и вайнахскими привилегированными фамилиями. Об этом свидетельствуют взаимные браки их представителей. Например, Урузмаг Туганов (сер. XVIII в.) взял в жены дочь галгаевского старшины Смаилова (20 е., оп. I, д. 9, л. 82—82 об.). Феодалы поддерживали отношения при помощи института куначества. Данная форма союза эксплуататорских слоев имела широкое распространение и нашла отражение в устной традиции. Согласно одному из преданий вайнахов, у Мехка Астби из Галгаевского общества «был друг — черкесский князь» (110, с. 370—371). По другому преданию, «присяжным братом» (т. е. не по крови) вайнаха Хидыр-Мирзы являлся предок осетинских феодалов Дударовых из Чми. К нему отправился Хидыр-Мирза, когда состарился и сыновья его, женившись, потеряли к нему должный почет и уважение». Дударов стал усиленно кормить Хидыр-Мирзу, поить его всевозможными напитками «и через некоторое время восстановил его силы так, что Мирза без посторонней помощи сел сам на лошадь. Тогда они поехали на куртатинских князей (ель) ... разбили их и, забрав пленников и всякого богатства, возвратились домой» (380, с. 369—370.). В последнем сюжете отражена историческая реальность феодального периода: тагаурские алдары часто совершали набеги на куртатинских владельцев (75, с. 37). В балцах принимали участие и их союзники. Предание о Хидыр-Мирзе служит еще одним доказательством того, что блок горских владельцев в конечном итоге был направлен против трудящегося населения.

Союзнические отношения связывали осетинских владельцев с представителями господствующих слоев Грузии. Особенно тесные отношения с грузинскими феодалами поддерживали алагирские уазданлаги.

На рубеже XVII—XVIII вв. влиятельной фамилией в Наро-Мамисонской котловине являлись Елихановы. В последней трети XVII в. они находились в очень прочных связях с карталинским царем Георгием XI и его братом Арчилом. Георгий и Арчил неоднократно бывали в горах Осетии: Зарамаге, Цее, Тагаурии и Ди-

тории. Отсюда Арчил добивался возвращения утраченного имеретинского престола и устанавливал связи с Россией. В 1688 г. в Картли воцарился Ираклий I. Сыновья Арчила — Александр (впоследствии соратник Петра I и первый фельдцейхмейстер русской артиллерии) и Мамука скрывались в осетинском ауле Зарамаге. Когда же Ираклий по требованию праиранских кругов послал чиновника Бардзима с войском для захвата детей Арчила, осетины во главе с Елихановым вынудили вернуться их ни с чем. Детей Арчила Елиханов отправил в Дигорию. В 1703—1724 гг. в Картли правил Вахтанг VI, хорошо знавший Осетию, ибо с дядей Арчилом не раз находил убежище в Зарамаге и Дигории (393, с. 188; 439, с. 34—35).

В 1719 г. часть «осетинских дворян» Елихановых переселилась в Грузию. В течение XVIII в. туда же прибыли «осетинские дворяне Годобрелидзе... Шалмеликисшвили, осетинские дворяне из Двалети» (31, с. 63—64).

Один из Елихановых — Зураб — воспитывался при грузинском царском доме. Являясь видным политическим деятелем, он играл при Вахтанге VI видную роль. Архимандрит Пахомий в донесении синоду от 12 апреля 1745 г. сообщал о З. Елиханове: в Касарском ущелье «между ими знатной фамилии есть один... и оному главному имя Зураб Елиханов. У грузинского царя в доме воспитан и диалект грузинский хорошо знает, тако же и божественное писание знает же и как в сих местах, так и во всей Осетии он знатный человек и знают его от самых горских черкасов по тракту до внутри Осетии. Главные люди все ему родственники и свойственники и сей Елиханов и в России бывал...» (17, оп. 26, д. 373, л. 222—222 об.). По свидетельству иеромонаха Ефрема, З. Елиханов при Вахтанге был и казначеем; вместе с ним отправился в Россию, жил в Москве и Санкт-Петербурге, в Осетию выехал в 1734 г. (17, оп. 26, д. 373, л. 278). По данным синодальной канцелярии, З. Елиханов «послушных себе имеет около 3-х тысяч человек» (28, т. I, с. 320).

По «аристократическим» вариантам предания о Царгасе, стыр-дигорские феодалы пользовались «дружбой царей карталинских и имеретинских» (20 е, оп. I, д. 2, л. 77; д. 10, л. 47—47 об.; 42, т. I, с. 566). Некоторые редакции укрепление связей с Грузией относят ко времени правления Баграта II, даже указывается, будто с 1622 г. царгасата стали «союзниками имеретинского дома Багратитов». За то «были щедро награждаемы и даже признавались властителями с правами наследия, верхне-рачинских деревень: Гебе, Чиори и Глали и т. п.» (20 в, оп. I, д. 16, л. 13 об; 20 г, оп. I, д. I, л. 111; 21, ф. 16, оп. I, д. 26, л. 31 об). Соколов, побывавший в Грузии в 1802 г., указывал на стремление имеретинского царя Соломона сохранить добрососедские отношения с Западной Осетией,

особенно Стыр-Дигорией. С этой целью царь «отдал право старшинам оных, что когда они будут проезжать в Имеретию, чтобы жители Геби без платы давали им угощение, и к сим же старшинам относились на расправу в случающихся между ними распрях, что и до ныне существует» (244, с. 16).

Используя помощь соседних феодалов, осетинские владельцы пытались усилить эксплуатацию крестьян. В тяжелом положении оказались жители предгорных аулов. Освоение плодородных земель, приобретенных у князей Таусултановых, привело к росту урожайности зерновых и в то же время — к резкому увеличению размера повинностей. Последнее обстоятельство, разумеется, вызвало ответную реакцию крестьян. Так, летом 1764 г. около четырех тысяч адамихатов предприняли попытку ухода от баделятов. Кабардинские князья уговаривали их «ласкою и со угрожениями, чтоб они с своими владельцами помирились и жили на прежних местах. Но они, дигорцы, в том их не послушали и для много оказанных им от своих владельцев обид и притеснений, от примирения отказались с истинным намерением перейти к поселению в Моздок». Вскоре «Большой Кабарды владельцы от них отъехали и остались только два Малой Кабарды владельцы Тасолтановы...» (30, с. 155—156). Угрозы и уговоры кабардинских князей, видимо, возымели действие, ибо в Моздок в 1764 г., по одним данным, переселилось 6 семей осетин (231, № 3), по другим — 5, состоявших из 14 душ м. п. и 10 душ ж. п. (30, с. 207), по третьим — всего две семьи: 4 души м. п. и 6 душ ж. п. (19, оп. I, д. 55, л. 27; д. 762, л. 133 об.). Возможно, некоторые крестьяне ушли в казачьи станицы. Например, 24 сентября 1764 г. в Моздок переселился «из Брагунской деревни Дигорского уезду осетинец Георгий Мамуков женат» (30, с. 158). Не исключена вероятность перемещения части адамихатов в Кизляр и Гребенские городки, куда крестьяне Осетии уходили еще в начале XVIII в. Среди осетин, живших в то время в районе Кизляра, проповедовал английский архиепископ Иоанн (392, с. 138—139.). В ведомости жителей Кизляра (январь 1762 г.) среди «имеющих свои дома и земли» значатся Тотрадз Кантемиров, Борис Созиев, Георгий Медоев, Тома Зарамаков, Губа Асланов, Николай Андиев, вдова майора Григорьева Зантиева и др. (19, оп. I, д. 527, л. 12—13, 17, 18.).

Бежавшие крестьяне находили приют у социальных низов соседних обществ, в частности, осетины — в Кабарде и Балкарнии, где имеются фамилии осетинского происхождения: Бацеговы, Ошроевы, Амихановы, Кушховы и др. В свою очередь, бежавшие кабардинские и балкарские крестьяне оседали в обществах Осетии. В Дигории — балкарского происхождения фамилии Асановых, Баяевых, Нафиевых, Гацалаевых и др. Чаше всего осетины бежали к чеченцам и ингушам, и наоборот. Общих вайнахо-осетинских фа-

милый насчитывается более 120. Наличие однофамильцев у народов Северного Кавказа указывает на дружеский характер отношений между трудящимся населением региона. От произвола феодалов крестьяне уходили туда, где их знали и могли приютить, а в случае необходимости и защитить (278).

На рубеже XVIII—XIX вв. массовый характер приняла миграция в Грузию (52, с. 20, 192, сл.). Все переселенцы здесь становились удельными крестьянами. Если осетинским фарсагламам удавалось перебраться в Грузию, то часть кабардинских крестьян, несмотря на двукратные попытки (в последней четверти XVIII в.) правящих кругов Грузии, не смогла перейти туда на постоянное место жительства из-за отрицательного отношения к этому царских властей (392, с. 148—149). В конце XVIII в. 20 кистинских семей обосновались в с. Хорбало Панкисского ущелья (424, с. 41).

После основания Владикавказа в него устремилась горская беднота. Ш. Беланже, останавливавшийся в крепости в 1825 г., писал: «Предместья, окружающие ее, населены осетинами, ингушами и кабардинцами» (43, с. 212). Только в Осетинской слободке в середине XIX в. насчитывалось 152 двора, в которых проживало 1014 человек (272, с. 439.).

Крестьяне Северного Кавказа оказывали друг другу посильную поддержку не только в борьбе с феодалами; на их плечи ложилась основная тяжесть борьбы с агрессорами. Совместные выступления горских народов сорвали не одну попытку завоевания региона. В «аристократических» вариантах генеалогических преданий выпячивалась и гиперболизировалась роль феодалов в оказании военной помощи соседним этносам. Так, в предании о стырдигорских владельцах укрепление связей с Грузией относится ко времени правления Баграта II (нач. XVII в.): «служба постоянно в рядах его воинов, они (царгасата. — Ф. Г.) отличались воинскими доблестями, за что были осыпaeмы царскими наградами и признаны владетелями с правами наследия деревень в Имеретии: Геба, Чора и Глали, а также и в достоинстве первостепенного дворянства» (21, ф. 16, оп. I, д. 26, л. 31 об.). Данный фольклорный сюжет заслугу в оказании помощи соседям для отражения агрессии приписывает исключительно царгасатам. Следует обратить внимание и на тот факт, что союз с багратидами относится к началу XVII в., хотя военная поддержка оказывалась и раньше. Например, в 1522 г. осетины вместе с другими народами Кавказа помогли царю Давиду в отражении похода шаха Исмaила (см. 104, с. 72). В 1536 г. осетины сражались против вторгшегося в Грузию шаха Тамаза (175, с. 76.). Здесь уместно напомнить о трех колоколах, дарованных царями Грузии осетинским церквям в 1613, 1680 и 1683 гг. (407, с. 142—143). Симптоматична надпись на одном из них: «Мы, государь карталинский, царь Георгий Малый жертвуем сей колокол тебе, звис-

скому святому Георгию, в дарование нам победы» (31, с. 60—61).

В восстании 1736 г. против персов в войске эристава Шаншенасчитывалось значительное число осетин. В грамоте 1746 г. Ш. Эристава, данной Дахчику Томаеву, написано: «...во время войн, (нам), арагвским эриставам, много и честно служили... много сделали, чем только сможем, всегда будем к вам милостивы и желать всего доброго» (52, с. 116). В феврале 1750 г. Таймураз и Ираклий с 12-тысячным отрядом, в состав которого входили грузины, осетины, ингуши и кабардинцы, выступили к владельцам Еревана и Ганджи для защиты от вражеского набега. Победу праздновали в Тбилиси. Как пишет П. Орбелиани, «отпустил государь черкесского князя, одарив щедро его и войско, войско потусторонних осетин, наполнил их всех дарами и отправил в свои страны» (см. 175, с. 99). В 1753 г. для сражения с Аджи-Челебом Ираклий воспользовался формированиями черкесов, осетин и других горцев (174, с. 72). В 1754 г., во время нашествия Нурсалбека на Грузию, царь Таймураз обратился за помощью к народам Северного Кавказа. В Анаури «приехали воины черкесов, калмыков, джиков, киштов, глигвов, ногайцев и осетин со своими предводителями» (см. 424, с. 40).

Совместные выступления против захватчиков были весьма частым явлением. По свидетельству С. Д. Бурнашева, находившегося в Грузии с 1783 по 1787 гг., «Кабардинцы и Осетины служат на войне царя за жалованье, также некоторые роды Лезгинские... Осетины и Кабардинцы всегда дружны с Грузиею...» (79, с. 6, 9). В русско-турецкой войне 1768—1774 гг. представители всех обществ Осетии приняли участие в боевых операциях войск Ираклия II (439, с. 40). В 1768 г. С. Вонявин видел «в одном местечке, называемом Хуртатом, в доме новокрещенного осетинца Андрея Цалеукова, присланного от грузинского владельца Ираклия, посланца для найму людей в военную показанному владельцу службу...» (28, т. II, с. 194). В 1771 г. А. Батыров «получил справедливое известие, что все осетинские и куртатские старшины с подвластными по требованию его светлости грузинского царя Ираклия отправились к нему на помощь, на противу турок...» (30, с. 194). В «Записке митрополита Кутатцкого», датированной 14 марта 1769 г., сообщается, что «доставать можно всегда военных людей лезгинцев и осетинцев до сорока тысяч и более. Пред сим Соломон нанимал несколько лезгинцев и каждой из них по двадцати рублей становился» (53, с. 30).

Из поколения в поколение на службу к монархам Грузии поступали алагирские крестьяне. Помимо них из алагирцев в операциях грузинской армии принимали участие и уазданлаги. В 20-х гг. XVIII в. царь Кахетии Константин продлил действие «дарственной книги» Зидахана Хетагурова, выданной ему отцом Константина «за службу» (52, с. 112). Еще в XIX в. Хетагуровы хранили грамо-

ту карталинского царя Арчила (1730—1736 гг.), пожалованную в знак «милости нарскому дворянину Хетагури-Зидахани (Зиди) и потомкам» его. Многие Хетагуровы «служили грузинским царям верою и правдою, получали от них за это дворянское достоинство» (20 г, оп. I, д. 11, л. 5—11, сл.; 194, с. 317). Сын Арчила Александр пожаловал грамоту «нарскому дворянину» Аса Амиранову, в которой, кроме прочего, значилось: ...«отцы и деды Ваши служили отцам и дедам нашим с таким тщением, что дом наш и по сей день находится вне всякой опасности». Им же дана грамота «царскому князю Махомату Задаханову в том, что «отец и деды ваши служили отцам и дедам нашим самопожертвованием, отчего наш дом был всегда невредим» (194, с. 317—318). Аналогичную грамоту Александр, внук царя Вахтанга, пожаловал в 1780 г. Чибиру и Куба Бигуловым, Козаевым из Зрукского ущелья (20 г, оп. I, д. 9, л. 29, об., 33). Грамоты, датированные 28 апреля 1701 г. и 22 мая 1702 г., хранились у Черджиевых (20 б, оп. I, д. 11, л. 6—6 об.).

За службу в ополчении крестьяне получали разного рода плату. Те же Черджиевы награждались «красными товарами». Нарские «дворяне» Джаналд Хурумов, Канибат Пареев, Вахтанг Абаев, Куджан Эладиев, Гако Батаев, Ладос Гисаев, Джаша Епхиев, Кайхо Салваев, Джагга Джанаев, Балатико Туаев и др. получали по 50 марчилей (1 марчиля=60 коп.) в год; Басил Шикоев — 130, а Тавкан Хелпомаев и Габис Самураев по 150 марчилей в год (52, с. 137—142, 143—145). В 1780 г. сын царя Бакара «назначил нарским дворянам» ежегодное жалованье: Петру Мамиствали — 70 марчилей, Канча Зарашвили и «нарскому князю Махмаду Джидашвили» — по 50 марчилей (49, с. 25).

Царь Таймураз в 1752 г. «чрез грузинского князя Есама Чебелева да осетинского владельца Елисея Ильина» набрал ополчение и «от осетинского народа из некоторых деревень поехали к нему со двора по 2, по 3 и по 4 человека, с жалованьем по 30 рублей каждому» (80, ч. I, с. 239). В ополчение входили и представители других ущелий Осетии, за что также получали вознаграждение. В частности, грамотой от 22 октября 1785 г. Ираклий II назначил ежегодное жалованье тагаурскому жителю Беса Адлишвили — парчу на 12 марчилей в год (52, с. 158). Помимо наград «красными товарами» и деньгами, отдельные крестьяне специальными грамотами возводились в азнауры. Однако сам по себе такой акт не превращал их в феодалов. По обычному праву грузин дворяне подразделялись на три категории: первую («кровь-20 тысяч тетри»), среднюю («кровь-12 тысяч тетри») и низшую («кровь-6 тысяч тетри»). Азнауры последней категории редко имели зависимое население, а их главная обязанность — «служба и воинская повинность» (99, с. 54—55).

Совершенно иные «милости» оказывались осетинским феодалам. В конце XVIII в. Туджий Кундухов с частью крестьян переселился в Грузию. Ираклий II «возвел его в дворянство» и дал «тарханство от всех повинностей, за исключением военных и охотничьих» (52, с. 179). 17 июля 1786 г. Ираклий II подарил Дохчику Хетагурову имение в Цхинвали: ...«жалую тебе ...нарскому осетину Хетагури, сыну Мамия Дохчику, сыновьям твоим Караджу и Долету, внуку твоему—сыну Болатико Натгери и потомкам дома вашего за то, что сын твой Болатико был с нами в Аспиндзе, где мы победили турок и лезгин, он храбро сражался и был убит...» (52, с. 159—160). С разрешения царевича Вахтанга алдар Фома Кундухов купил землю в Ачхоте. «Мы, царевич, владетель Арагви Вахтанг, дали тебе нашему преданному служаке, крестнику царя (Ираклия II)... тагаурскому дворянину Кундухашвили Фоме, сыну твоему, нашему крестнику Иоанну и будущим дома твоего эту книгу о том, что Кобнашвили, сын Лазаря Кайкубат в Ачхоте два с половиной сакомло собственню ему принадлежавшего имения» продал. Приказом Ираклия II от 4 января 1799 г. Ивану Елканову (Елиханову?) из Зарамага в Ачабети отдали в собственность «оборочное имение» (52, с. 130, 134—135).

Участие в боевых операциях в Закавказье осетины (видимо, и другие народы Северного Кавказа) рассматривали не только как помощь соседям, но и как защиту собственного суверенитета. В рапорте коменданту Кизляра от 24 марта 1747 г. поручик осетинской комиссии писал: «Приходили ко мне из горских жилищ осетинского из уездов, называемых Кутатцкого и Чирамского (Цимитинского. — Ф. Г.), которые имеются в недалъном от Малой Кабарды расстоении, дворяне и объявили мне: присланы де они реченных уездов от осетинских людей объявить от них, что прежде ...надлежали к России, а как до сего, так и ныне ни под чьим владением яко шаха персидского и салтана турецкого и протчих владеющих князей не состоят и живут собою» (312, с. 178).

В отличие от родословных рассказов феодалов, в «демократических» вариантах генеалогических преданий основной силой, противостоящей внешним врагам, выступает сам народ. Так, по крестьянской версии, до прихода Бадела правнуки Дигора (основателя общества) «Агач, Куло и Гагу воевали с Шахом, напавшим на Дигорию, и памятником этого остались татарские шапки и железные оконечники пиков и стрел, хранимые ныне в святилище наших предков Дигори-Зад». В этом сюжете в числе выступивших против шаха не упоминаются феодалы. Бадел, согласно рассматриваемой редакции, прибыл в Дигорию позже, при Силтаке — потомке Дигора в шестом колене (20 г, оп. I, д. 10, св. 2, л. 64—64 об.) Сознательно нарушая хронологическую последовательность событий (сначала война с шахом и лишь затем — приход Бадела), уст-

ная традиция тем самым подчеркивала ведущую роль общинников в борьбе с агрессией извне.

Стрелы в святилище вряд ли являются «памятником» столкновения с внешними врагами. Наконечники часто встречаются в инвентаре святилищ и склеповых захоронений XIV—XVIII вв. Так, из приношений жителей с. Цимити и ближайших сел святилищу Тхосты-дзуар собралась интересная коллекция средневековых стрел (399, с. 34—36). Значительное количество железных наконечников обнаружено в часовне с. Гули; имелись они в Рекоме, дзуаре у с. Кобан и т. д. Причем в Рекоме оружия (луков, стрел, наконечников копий и др.) больше, чем в других святилищах (101, с. 68). По мнению некоторых этнографов, стрелами в свое время убивали жертвенных животных (227, с. 147). В начале XIX в. Ю. Клапрот побывал в святилище «Дигори-Зад», фигурирующем в предании. В старых ящиках и на земле путешественник увидел «большое количество костей и рогов жертвенных животных» (314, с. 219—220). Пещера Дигори-зад (в вольном переводе «патрон Дигорского ущелья») по легендам являлась местом пребывания мифического покровителя дигорцев; какое-то время святилище служило культовым центром всего ущелья (306, с. 132, 139).

О нашествии шаха сообщается и в одной из редакций сказания об этнархе Осе. «Некоторое время после прибытия Оса в горы, персидский шах объявил ему войну, напал на него в деревне Закай, разбил его войска, убил самого Оса и покори́л тамошних осетин» (38, в. II, с. 18—19). И в данном случае устная традиция явно нарушает хронологию, ибо относит нашествие персидского шаха в далекую древность. В. Б. Пфаф в фольклорном Шахе видел сефевида Аббаса I. Исследователь собрал несколько вариантов предания о походе Аббаса в Осетию. Алагирцы поведали ему о том, как «встретили Саха в Нузале, где они защищались, сбрасывая с высоты гор камни на войска и обливая их кипятком». По куртатинской версии, «Сах обстреливал пушками древний, высеченный в скале монастырь в Дзвгисе, и поджег церковь; потом осетины отступили до крепости Хилака в глубине Куртатинского ущелья, где они храбро защищались; но крепость, однако ж, была взята вследствие измены одной женщины, которая дала персам знак, где и когда сделать приступ...». В Куртатии же В. Б. Пфафу охотники рассказывали о том, что видели на горе «след (Сахнат), по которому будто бы Сах проехал на своей арбе» (367, в. V, с. 96). По другой редакции, часть крепостной стены в Дзвгисе разрушена пушечными выстрелами персидских канониров (369, с. 160). Защитники крепости оказали упорное сопротивление завоевателям. Тогда Аббас приказал поджечь укрепление, над которым находился «в то время огромный сосновый лес». Но план шаха не осуществился, т. к. сосновый валжник, сбрасываемый с отвесной скалы, попадал в р. Фиагдон,

протекавшую у стен крепости (311, с. 233).

Аналогичное предание существовало и в Дигорском обществе. По варианту, записанному В. Ф. Миллером, Сах осадил Галиат и стал обстреливать аул. «Долго осада тянулась безуспешно. Наконец, Саху помог один пастух»; по его совету персы накормили ишака солью и «прогнали его из лагеря». Животное побежало в гору и стало «копытами и зубами рыть землю на одном месте». Так был обнаружен водопровод. Перекрыв его, Сах «принудил Галиату сдаться. Следы водопровода видны до сих пор» (158, т. I, с. 140—141).

Поход персов отразился и в топонимической номенклатуре горной Осетии. Интересен топоним «шахнад» — «тропа шаха». Она начиналась в Трусовском ущелье, через Джимарайхох проходила в Тагаурию, затем в Куртатинское общество. У аула Хидикус она разветвлялась. Одна часть вела к истокам р. Фиагдон и далее через Закинское ущелье в Трусовское. Вторая часть шла через Уалладжир в бассейн р. Ардон (437, с. 106).

Письменные источники сохранили сведения о попытках Аббаса через Дарьяльский проход прорваться из Грузии на Северный Кавказ. Летом 1614 г. беглые люди «ис Кабарды из Айтековых кабаков» рассказали гребенскому атаману Я. И. Гусевскому: ...«слух де начал быти в Кабарде у всех Кабардинских князей и у мурз, что из Грузинские де земли Кизылбашской Абаз шах идет войною на них на Кабардинских черкас великою ратью..., а с ними де с шах Басом идет народ большой, пушки шурупные и мастера пушечные, где де придет под город и тут пушки делают». Кабардинский князь Айтек-мурза выслал «в поезд узденей своих». Вернувшись из разведки, те поведали о «великой рати» шаха. «И Кабардинские де Айтекмурза и Шолох князь, услыша шах Басовых ратных людей приход, покиня кабаки свои, побежали к Казыю князю в Крепи. А Мундар де мурза Алкасов з братьею с кабаки своими от них от Кабардинских князей и мурз отложился к шах Басу» (27, с. 541). Однако вскоре Аббас вынужден был вернуться «в свою землю».

Поход Аббаса в Осетию явился лишь звеном его экспансионистских планов в отношении Кавказа. В период сефевидской агрессии в начале XVII в. братские связи осетин с соседями, как и вообще отношения народов Северного Кавказа, прошли очередную проверку на прочность.

12 марта 1605 г. грузинский царевич Константин не без помощи шахского двора в столице Кахетии Загеме убил царя Александра⁴ и своего брата, наследника престола Георгия (Юрия).

---

⁴ По другому источнику, «Георгий, сын кахетинского царя Александра, убив своего отца и выколов глаза брату своему Дмитрию, присвоил себе царскую власть над Кахетиею» (26, с. 138.).

придерживавшихся русской ориентации⁵. Константин с персидским войском вторгся в Кахетию, чтобы управлять ею. Грузинские патриоты не смирились с таким положением и тайно отправили в Россию царевича Баграта. Он едва не погиб в Астрахани от рук убийцы, подосланного опознавшими его шахскими послами. Аббас I понимал, что укрепление связей между Россией и Кавказом приведет в конечном итоге к освобождению Грузии и Армении от иранской зависимости. Поэтому шах противодействовал проникновению России в Закавказье и Дагестан, усилил исламизацию Грузии. Однако мероприятия персидского двора наталкивались на яростное сопротивление горцев. Уже 18 октября после битвы на р. Мазу грузины убили посаженного на трон Кахетии Константина. Аббас вынужден был возвести на престол шестнадцатилетнего внука Александра II христианина Таймураза (81, с. 407 — 410).

Одновременно сефевиды активизировали свои действия в Дагестане. Общий стратегический план Аббаса I заключался в подчинении всего Северного Кавказа. Для его осуществления шах планировал послать войска в двух направлениях. Один отряд через Грузию, Дарьяльский проход в Осетию и Кабарду, а оттуда — в Дагестан. В 1614 г. терский воевода П. Головин в донесении царю отмечал: «И ныне де шах Бас от Чорнова моря хочет итти на Черкасскую землю войною, а из Черкас итти де ему подом мимо Кумыцкую землю» (27, с. 540). Второй отряд шах предполагал направить из Дербента в приморскую часть Дагестана.

Совместная борьба горцев не позволила реализовать этот замысел. Из-за сопротивления осетин и кабардинцев шахские войска не прошли в Дарьяльское ущелье и повернули обратно. Шах не смог двинуться на север и из Дербента, т. к. ширванцы подняли восстание. Последние установили связи с кахетинскими повстанцами. Примерно в то же время произошло антисефевидское восстание в Карабахе. Таким образом, в одном историческом эпизоде связаны судьбы многих народов Кавказа, которые объединенными усилиями пресекли попытки сефевидских шахов установить безраздельное господство над всем регионом (408, с. 43—44).

⁵ С именем Александра связано оживление русско-кавказских отношений в конце XVI в. В 1586 г. он присягнул на верность России и отправил в Москву посла с просьбой о покровительстве. В следующем году в Кахетии побывало посольство С. Звенигородского, который сообщил Александру о приеме его со всей землей под «царскую руку». Такая позиция Грузии сыграла огромную роль в формировании русской ориентации других закавказских народов (263, г. 9). Усилению русской ориентации горских народов способствовало и установление торгово-экономических связей между Россией и Северным Кавказом (350, с. 99—107).

Попытки завоевателей (оттоманской Порты и шахского Ирана) разжечь здесь распри, религиозную нетерпимость, спровоцировать междоусобные войны не имели особого успеха. Характер отношений горцев продолжал оставаться дружеским. Это подтверждает документ XVI—XVII вв. о ежегодных собраниях представителей различных областей Кавказа в долине Алазани. Туда, к Алавердинскому храму, в осенний праздник приезжали из Шаки, Кизика, Малой Кабарды, Черкесии, Осетии, Дагестана и т. д. «Для дружбы и мира встречались здесь племена Кавказа, и епископы Алавердинский и Черкесский благославляли их праздничную трапезу и призывали к единению, к миру и сплочению». Комментируя данный источник, Д. М. Магомедов подчеркивает прочность дружеских связей горцев, нашедших отражение в ежегодных собраниях, на которых решались важные вопросы всего региона в целом (344, с. 30).

На Северном Кавказе отмечены совместные выступления против крымского хана. В фольклоре адыгов сохранилось предание о том, как при внуке Инала (мифический прародитель адыгских князей) Идаре осетины помогли кабардинцам в Казбурунской битве: они прислали им 3000 воинов. В предании упоминается алдар Дубариков (21, ф. 4, оп. 1, д. 71, с. 93), видимо, Дударов. В. Ф. Миллер в последней четверти XIX в. записал в Дигории несколько преданий, в художественной форме передававших столкновения Крыма с Кабардой и Осетией (158, т. I, с. 141—143). В осетинском фольклоре имеется самостоятельный цикл песен и преданий «О Туганове Елбердуке»; они бытуют и под другим названием — «Песня про крымских воинов» (21, ф.ф., оп. 1, д. 112, л. 213—218). Обширный цикл песен о борьбе с крымскими ханами занимает специальное место в фольклорном наследии кабардинцев и балкарцев. Во всех этих произведениях воспеваются герои, которые сумели дать отпор отрядам крымских войск (70, с. 131, 133).

Перечисленные памятники народного творчества горских народов основываются на реальных событиях. Например, в 1707 г. по приказу турецкого султана крымский хан Каплан-Гирей пытался подчинить своей власти Кабарду. С огромным войском он отправился на Северный Кавказ и потребовал от кабардинцев ежегодную дань — 3000 девочек и мальчиков. Учитывая успехи Петра I в Азовской кампании, князья отвергли это требование и скрылись в труднодоступных ущельях. С помощью соседей — балкарцев и осетин — они разбили крымцев: «от кабардинцев и от других горских народов побито и з голоду померло больше 30 000 человек (татар.—Ф. Г.). И затем хан со оставшимися принужден был от Кабарды бежать» (190, с. 32). Соседи неоднократно приходили на помощь друг другу. В 1766 г. осетины заявили иегумену Григорию: «Если от них кабардинцев касается какое-либо возмездие»

крымской стороне, то оне им спомоществовать должны» (28, т. II, с. 63).

Приведенный в данной главе (а также в первом разделе) материал позволяет дать оценку характера отношений осетин с соседями. Союзнические, дружеские связи осетин с народами Кавказа своими истоками уходят в далекую древность. Тесное переплетение исторических судеб, многовековое сотрудничество в различных сферах жизнедеятельности, братские связи соседей привели к появлению представлений о едином происхождении этносов Кавказа. Среди горцев получили распространение предания о близком родстве населения региона, об их общем праотце. При всей недостоверности легенд такого рода они свидетельствуют о дружеских отношениях между горцами. Идея единого происхождения скрепляла узы братства, что было особенно важно в период суровых испытаний — борьбы с экспансией внешних врагов. Братство горских народов часто проходило проверку на прочность. Неоднократно выступления срывали замыслы противников. Не случайно средневековым авторам политическая независимость Северного Кавказа иногда представлялась абсолютной, а разнплеменное население — одной общностью.

Дореволюционные исследователи и современные буржуазные историки взаимоотношения народов Кавказа изображали как национальное угнетение одного этноса другим. Однако речь можно вести только о междоусобицах феодалов. Причем даже в этом случае противоборство привилегированных слоев не представляло собой столкновения владельцев одного этноса с другим. Борьбу вели отдельные блоки, группировки феодалов различной этнической принадлежности. Одному союзу адыгских, осетинских, вайнахских, дагестанских и других владельцев противостоял точно такой же интернациональный союз. Как правило, союзнические отношения между привилегированными фамилиями отдельных группировок поддерживались длительное время, иногда из поколения в поколение. Но бывали случаи, когда личные интересы какого-либо феодала толкали его в стан бывших противников, и вместе с ними он начинал воевать против своих прежних «друзей». Плоды этакой «дружбы» эксплуататоров, справедливо отмечает В. К. Гарданов, «были весьма горьки для их подчиненных» (268, с. 54). Блок горских владельцев, несмотря на противоборство отдельных группировок, представлял собой классовый союз, направленный против непосредственных производителей.

Связи феодалов не являются главными в истории региона. Его прошлое отмечено множеством примеров тесного сотрудничества угнетенных сословий. Спасаясь от эксплуатации феодалов, крестьяне находили приют у своих братьев по классу в сопредельных районах. В Кабардино-Балкарии встречаются фамилии осетин-

ского, вайнахского и дагестанского происхождения; в Осетии некоторые фамилии произошли от выходцев из Кабардино-Балкарии, Чечено-Ингушетии и других мест.

Аналогичная картина наблюдается по всему региону. У народов Кавказа выявлены и одинаковые фамильные имена, что, как правило, указывает на общность их происхождения, либо на связь между их носителями в прошлом. Крепнущие связи между народами Кавказа привели к заимствованию друг у друга элементов экономического быта, материальной и духовной культуры.

Таким образом, история отношений осетин с народами Кавказа — это история дружбы и братства.

2. АНТРОПОНИМИЯ ОСЕТИИ XVII — СЕР. XIX ВВ.

Антропонимия Осетии все еще относится к числу малоисследованных проблем. Среди специальных работ по этой теме можно выделить монографию Т. А. Гуриева, посвященную происхождению ряда имен героев осетинского нартского эпоса (109), статьи Т. З. Козыревой об осетинской антропонимии древнего и средневекового периода (310, с. 233—247) и К. Е. Гагкаева о составе и функциях личных имен осетин (256, с. 53—73). В целом собственные имена осетин не изучены еще должным образом ни в специальном, ни в лингвистическом отношении (310, с. 236), хотя собственные имена представляют большой интерес для языкознания и истории народа. Первое специальное исследование осетинских личных имен вышло совсем недавно. Автор работы, лингвист З. Г. Исаева, решала лишь специальные задачи (см. 448). К сожалению, за рамками исследования остались интересующие нас вопросы — социальная информация антропонимии средневековой Осетии.

Состав имен, бытующих в обществе в определенный период, характеризует его «лицо». Выполняя ряд социальных функций, имя живет и развивается по законам языка, но причины, стимулирующие развитие именных систем, лежат вне сферы действия лингвистики и по своему происхождению социальны (183, с. 25—26). В нашей стране антропонимические исследования ведут, в основном, лингвисты. В этой связи В. Б. Кобрин напоминает, что антропонимика — ценная помощница в поисках историков; особенно велико ее значение для изучения персоналий, для генеалогии (305, с. 80).

Важным для историка является время появления фамилий. В данной главе рассматриваются социальные аспекты антропонимии Осетии; предпринимается попытка выявить особенности именных осетинских феодалов и уточнить время появления фамилий. Исходным материалом для анализа служат данные выбо-

рочно взятых 32-х родословных алдаров (13) и баделятов (19), сведения генеалогических таблиц нарсских узданлагов, архивные источники. Для сравнения приводятся имена крестьян, почерпнутые из архивных источников и грузинских грамот XVIII в., сведений сословных комитетов и комиссий середины XIX в.

Прежде всего необходимо попытаться «расшифровать» имена главных героев родословных. Интерес к антропонимии первопредков осетинских феодалов проявляли еще дореволюционные авторы. Так, анонимный публицист в начале XX в. попытался разобрать имя Бадел «по существу» и дать «каждой его части настоящее значение». Этот антропоним будто бы состоял из двух слов: *бад* и *елия*, означавшие в переводе с дигорского «севший, или правильное сидящий Илья». Поэтому термин «баделя» аноним считал «метким прозвищем этой загадочной личности» (285). Такая этимология указывает на связь возникновения имени с исполнением важной общественной функции — культовой. История алан-овсов знает примеры образования имен по такому принципу. В частности, в середине VI в. царем алан был Саросий. По предположению Г. Вернадского, поддержанного В. А. Кузнецовым, имя *Саросий* фактически являлось титулом и происходит от иран. *Sar-i-os* — глава (вождь) овсов⁶ (96, с. 51; 141, с. 64, примеч. 24). С этой точки зрения толкование анонимом имени Бадел как «сидящий Илья» теоретически можно признать верным. И все-таки данная этимология неприемлема хотя бы потому, что в среде мусульманской верхушки Западной Осетии первопредку не могли дать имя, связанное с христианским божеством.

Иное толкование имени Бадел дал профессор Б. А. Алборов. Для объяснения антропонима ученый обратился к одной из редакций предания, согласно которой братья Бадел и Бассиат (родоначальник балкарских таубиев) «появились из Алагирского ущелья». По данной версии, имя первопредка дигорских феодалов — Бадил; разбивая его на составные части *Бад* — ил (Бадский князь), Б. А. Алборов героя приводимой редакции называл «стражником» у Бадских ворот в Алагирском ущелье. В антропониме *Бассиат* он усматривал «отголосок пребывания в здешних местах древних фазиан /пассиан с верховьев реки Риона/» (430, с. 2—3). Сомнительность данных этимологий очевидна. Непонятно, почему основой для анализа взята редакция, бытовавшая за пределами территории (Дигории), где возникло предание. Да и правильное написание социального термина (по В. И. Абаеву) не *бадилата*, а *баделята* (58, с. 65). В целом, как подчеркивают А. И. Робакидзе и

---

⁶ М. Джанашили, разбивая имя Саросий на *сар* (голова) и *оси* (осетин), переводил антропоним как «главарь овсов» (434, с. 49).

Г. Г. Гегечкори, этимология слова *Бадел* не имеет достаточно удовлетворительного объяснения (172, с. 75).

Другой социальный термин *царгасата* специалисты справедливо выводят из осетинского *цæргæс* — «орел» (331, с. 45). В данной связи представляет интерес вариант предания, записанный В. Б. Пфафом. По этой редакции, Царгас, попав в Дигорию, долго скитался по Стырдигорскому ущелью. «Мучимый голодом, Царгас однажды, в отчаянии, лег отдохнуть. В это время пролетел над ним черный орел, с горною индейкою (джумар) в когтях, и как-то уронил свою добычу к ногам умиравшего Царгаса. Поблагодарив бога, он устроился на этом месте и населил Стур-Дигорию выходцами из других аулов» (367, в. V, с. 83—84). В данном случае фольклорная традиция наделяет орла функциями посланника бога, спасителя Царгаса и патрона общества⁷. Последнее подтверждается свидетельствами очевидцев и этнографическими данными.

В 1808 г. Ю. Клапрот к западу от Донифарса осмотрел пещеру св. Николая. По наблюдениям путешественника, местные жители часто приносили здесь жертвы; «Они полагают,—писал Ю. Клапрот,— что святой является к ним в виде орла. Естественно, что орлы часто появляются в пещере, где они находят мясо убитых животных. Когда жители Донифарса замечают орла до сражения, они рассматривают это явление, как верный признак выигранного сражения; эта суеверная мысль делает их непреодолимыми» (35, с. 220). И в данном случае орел предстает в роли патрона, которому поклоняются и которого задабривают жертвами. Другой путешественник—П. С. Паллас—оставил описание священной рощи царгасатов «в верховьях Уруха, где он выходит из снежных гор». Каждое семейство занимало определенное место, на котором под деревом сооружался шалаш. «Здесь они раз в году празднуют в течение 8 дней праздник...» (244, с. 81—82). В почитании орла этнографы видят отзвуки тотемического пласта верований (199, с. 130, 198).

До сих пор не выяснено происхождение термина «куырттаты»; осетинский язык не дает ему удовлетворительного объяснения (138, с. 206). Народная этимология выводит его от имени первопоселенца Курта (Куртата), брата Тага. Некоторые дореволюционные исследователи указание фольклорной традиции на родство Тага и Курта принимали за реальность. В. Б. Пфаф в одной из своих работ сообщал об обнаруженных в с. Даллагкау гробницах, приписываемых Тага и Курта (367, в. V, с. 81). Отдельные варианты предания, напротив, отрицают кровное родство фольклорных геро-

⁷ В индоевропейской традиции орел всегда находится на вершине «Мирового дерева» и часто выступает в качестве посланца богов (444, кн. II, с. 539).

ев, но и они название ущелья выводят от имени первопоселенца. По редакции Д. Шанаева, князь Тагаур («может быть и царь») некогда прибыл в Осетию «с одним беглецом из курдов, от которого произошли куртатинцы (куртаты)» (427, с. 35). По мнению К. Ф. Гана, собственное имя Куртат «может быть от курта — просил» (265, с. 91). А. Дз. Цагаева допускает возможность сохранения в названии Куыртаты этнонима древних племен куртаргар (195, ч. 1, с. 187), которых Захарий Ритор поместил между аланами и аварами (123, с. 132). Эта версия Л. И. Лаврову представлялась маловероятной. Более перспективными казались ему поиски объяснения данного названия из арабского. В этом случае *Куыртаты* состоит из арабского *кура*—«область, район» и этносоциального термина «тат» (337, с. 5—6). Но и такая трактовка не решает вопроса. Неубедительной выглядит попытка связать с названием осетинского ущелья этноним «тат», носители которого известны не на Центральном Кавказе, а в Дагестане, Азербайджане, Иране и Средней Азии. К тому же остается недоказанной зависимость происхождения корня топонима *курт* — атское от появления арабов на Кавказе (ср.: 97, с. 45).

Немало попыток предпринималось для объяснения антропонима *Тага*. Под производным от него сословным обозначением *тагиата* Е. Максимов безосновательно понимал группу «населения, которая заняла наиболее лесистые места». Столь вольная трактовка термина следовала из ошибочной посылки: «Тага по-осетински обозначает лес, а частица *та* служит для обозначения множественного числа» (154, с. 12). М. Газданов пытался доказать, что термин *тагиата* произошел не от имени Тага, а от слова «таг» (русло, лощина). Но еще в дореволюционной историографии эта версия оценивалась как «очень курьезная, неудачная и грубая» (219, № 3230). Спорной представляется попытка Ф. Д. Техова связать происхождение слова «тагиата» с «тэги», производного от древнетюркского *тэгитлар*—«принцы». К тому же, *Тагиата* Ф. Д. Теховым рассматривается как этноним (390, с. 46—50), в то время как термин обозначал высшее сословие, а не этническую группу (60, т. III, с. 252—253). Б. А. Алборов считал, что «тагата — первоначальная форма в значении племенного названия, и только», а сам этноним выводил из иранского таг—«гора» (430, с. 1—2). Что касается племенного названия, то еще Ю. Кулаковский в письме X в. хазарского кагана Иосифа к европейскому сановнику Хасдаю ибн-Шуфруту усмотрел название народа *Тагат*. Ссылаясь на Ю. Клапрота, он признавал в этнониме позднейших тагаурцев (142, с. 53, прим. 3). Письмо Иосифа взято Ю. Кулаковским из издания Касселя (*Der Chazrische Königsbrief aus den 10 Jahrhundert*. Berlin, 1877, S. 78), где действительно встречается этноним *Тагат*: «..sie wohnen auf Bergen und im Lande Basa und Tagat bis zum Meere

von Constantinopel». Однако, как видно из текста, «Lande Tagat» вовсе не локализуется в горах. В издании П. К. Коковцова рассматриваемый фрагмент приведен иначе: «...все аланы до границы Афкана, все живущие в стране Каса и все (племена) Киял и Т-к-т, Г-бул до границы моря Кустандины...» (132, с. 101—102). Здесь «племя Т-к-т» совсем не обязательно понимать как Тагат; во-вторых, судя по тексту, Т-к-т расположено за пределами территории алан. Ю. Кулаковский проявил необоснованную смелость, «обнаружив» этногенетическую преемственность между «народом (племенем) Т-к-т» письма хазарского царя и позднейшими тагаурцами. Соответствующие фрагменты изданий Касселя и П. К. Коковцова не дают для этого оснований. Нелишне напомнить, что, по сведениям средневековых авторов, Дарьяльский проход населяли не тагаты, а санары. Их «царство» Масуди локализовал между областью Тифлис и «Аланским замком» на Тереке (160, с. 204, 210—221). С санарами знакомит нас и Худуд-ал-Алам: «Санар, район в 20 фарсангов и расположенный между Шаки и Тифлисом. Все жители язычники». На территории Тсанарков «Армянская география» помещала Аланские ворота (159, с. 11, 24—25).

Приведенный материал не позволяет согласиться с мнением исследователей, выводивших название Тагаурского общества от этнонима древнего племени, будто бы обитавшего некогда в районе Дарьяльской магистрали.

Родословные предания осетин считают предка алдаров Тага выходцем из Армении. Данный сюжет является отражением прочных алано-армянских отношений. Связи двух народов зафиксированы в древнеармянских источниках. Для нашей темы небезынтересна информация «Жития Сукиасянков» (V в.). Хотя памятник имеет фольклорную основу, по убеждению К. С. Тер-Давтяна, в нем содержатся смутные отголоски действительных событий (141, с. 157, 199). Содержание источника таково.

Дочь аланского царя Сатиник вышла замуж за сына армянского царя Санатрука Арташеса. Вместе с Сатиник в Армению отправились ее родственники «числом 18 или 19». «Это были мужи видные и представительные, царского рода и главные среди дворцовых и военных чинов при дворце аланов». Прибывшие, «уверовав во Христа», стали служителями культа и 44 года прожили на горе, «которую по простонародному зовут Коса-Таг...» После смерти Сатиник царь алан «Гигианос или Датнианос» узнал, что некоторые бывшие аланские военачальники, некогда ушедшие с Сатиник в Армению, остались там, приняли христианство и не поклоняются аланским языческим богам. Об этом царю рассказали аланы, ездившие в Армению. Гигианос отправил за «святыми мужами» полководца Барлаха. Однако они отказались выехать на родину, и в соответствии с наказом царя Барлах перебил отступников (21,

ф. 1, оп. 1, д. 137 «а», л. 10—16, 37). Данный рассказ в сокращенном виде повторил каталикос Иоаннес Драсханакертци, живший на рубеже IX—X вв. (21, ф. 1, оп. 1, д. 137 «а», л. 47—48).

Для нас особое значение имеет указание армянского источника на династические браки царей Алании и Армении, нередкие, видимо, поездки алан в район озера Севан. Все это предполагает довольно прочные отношения между двумя народами. Ставшее со временем смутным воспоминание об этом могло в переработанном виде использоваться социальной верхушкой для идеологического обоснования своих привилегий. Так, в родословных появился армянский царевич — первопредок алдаров. Любопытно, что сюжеты, отражавшие древние алано-армянские контакты, характерны лишь для генеалогических преданий тагиатов. Разумеется, нет никаких веских оснований предполагать связь между названием горы Коса-Таг «Жития» и именем Тага родословных. Но не исключена возможность заимствования христианской верхушкой алан армянского (из перс.) титула *таговор* (таговер) — «венценосец, царь» — «довольно обычное наименование у мусульманских авторов восточных христианских государей вплоть до византийских императоров включительно» (457, с. 204, прим. 10). Альтернативным решением является выведение антропонима Тага от восточного таг — «гора». Еще в начале XIX в. кабардинцы обозначали осетин-тагаурцев термином «тегъей» — горцы. Территориально далеким от осетин-тагаурцев карачаевцам также известен этноним «тегъей (ли)» (91, с. 108—109).

Приведенные данные об антропонимах первопредков феодалов свидетельствуют о стремлении создателей родословных даже посредством имен резко дифференцировать свой класс от основной массы населения.

Теперь перейдем к анализу состава имен осетинских феодалов в XVII — середине XIX вв. Разумеется, не обладая специальной подготовкой и необходимыми познаниями, мы не можем заниматься лингвистическим анализом имен, но это и не входит в нашу задачу. Нас интересует социальная информация осетинского именника, ибо личное имя — это пароль, обозначающий принадлежность носителя к определенному общественному кругу. Имя не столько разделяет людей, сколько вводит в ряд. Оно связывает носителя с другими лицами с тем же именем и с тем же социальным слоем, в котором оно принято, независимо от его исходного этимологического значения (162, с. 14, 20).

ИМЕННИК ОСЕТИНСКИХ ФЕОДАЛОВ⁸

XVII в.

- Айдарук (Д) — возможно, от перс. айдар — «дракон», либо от хайдар — «лев».
- Алик (Т) — вероятно, от тюрк. Аликул — «раб возвышенного (т. е. Аллаха)». Помимо осетинской знати, это имя в форме Аликай носили адыгские феодалы (32, т. 1, с. 383).
- Байсагур (Д)
Батырбий (Т) — Батыр восходит к монг. багатар — «богатырь, герой» + бий от феодального титула бей в странах Ближнего и Среднего Востока. Термин бий усвоен различными народами Северного Кавказа.
- Беслан (Т) — от тюрк. бий-аслан «князь-лев». По преданиям адыгов, сын первого кабардинского князя Инала (32, т. II, с. 153).
- Девлет (Д) — восходит к араб. доулат — «богатство», «власть», «вечное счастье».
- Дзаниук (Д) — этимология неясна, назван в честь кабардинского тестя.
- Дзор (Т)
Дудар (Т) — этимология неясна. Б. А. Алборов считал это имя арабским заимствованием (431, с. 6).
- Елкан (Д) — восходит к эль — «страна, поселение» + кан — «воспитанник».
- Заурбек (Д) — Заур восходит к сарматскому имени Саурмаг — «чернорукий» (417, с. 189, 202, примеч. 12) + бек — «господин, предводитель».
- Знаур (Т) — Восходит к груз. азнаур. По В. А. Абаеву, может быть из Иран. азна — «родовитый» от зана «род» (см. 442, с. 24).
- Иналул (Д) — распространенное среди грузин имя; заимствовано из перс. (229, с. 132).
- Зураб (Д) — кабардинская форма тюрк. Инал. В словаре Махмуда Кашгарского термин Инал приводится со значением «сын знатной женщины и простолюдина». Этот же термин в кирг. обозначает «царь, хан».
- Казихан (Т) — араб. кази — «судья» + тюрк. хан — «правитель».

⁸ Этимология имен дана по следующей литературе: 73, 100, 131, 310, 351, 442. Принятые обозначения: Д — Дигорское общество, Т — Тагаурское общество. Цифра в скобках в сочетании с сокращенным указанием общества показывает частоту употребления имен. Для удобства изложения имена персидского, арабского и тюрко-монгольского происхождения условно объединяются в группу «мусульманские», а греческого и славянского — в группу «христианские».

- Каммарза (Д) — возможно, восходит к араб. «луна».
 Келемет (Д) — возможно, от араб. келим — «собеседник».
 Кеме (Д)
 Кумык (Т) — от этнонима кумык.
 Кургок (Д)
 Левансар (Д) — возможно, искаженное груз. Леварсан, или Ле-
 ван + осет. сæр — «голова».
 Лян (Т)
 Рувас (Т) — осет. «лиса».
 Санби (Сан-
 пи) Д) — Сан (?) + бий см.
 Сафарали (Д) — араб. Сафар — «родившийся в месяц сафар (ме-
 сяц мусульманского лунного года)» + араб, али —
 «возвышенный».
 Сахук (Т) — осет. цах + ук — «серый сын».
 Смайли (Д) — восходит к араб. Исмаил — «подаренный (бо-
 гом)». Так звали мусульманского пророка, который
 считался родоначальником арабов.
 Смаил (Т) см. Смайли.
 Солтанбек (Д. 2) — Солтан + бек. Солтан восходит к араб. султан —
 «власть», «правитель», «государь». Бек см.
 Сота (Д) — этимология неясна; в узбек. соти — «купленный».
 Тази (Д) — 1) перс. таза — «новая, свежая»;
 2) таджи «венец» — встречается в произведениях
 на классическом перс. яз.
 Тазарет (Д) — от араб. Тазрет.
 Тенгиз/Тен-
 гизби, Денгиз (Д) — тюрк. денгиз «море».
 Тотик (Т)
 Урузмаг (Д) — осет. — «подобный дикому кабану» (57, с. 25—
 26), имя одного из героев нартского эпоса.
 Хацыр (Д)
 Цопах (Т)
 Шаулох (Д) — высоко ценимая порода коней; название произ-
 водно от фамилии князей Шаулоховых (60, ч. III,
 с. 46—47).
 Элькон (Д) — Эль + кон см.

XVIII в.

- Аде (Т) — осет. ада — «вкус».
 Азамат (Д) — араб. «величие».
 Азгирей (Т) — из ас-гирей «асский (аланский) князь» (см. 442,
 с. 25); основа — гирей — с XVI в. приставка имени
 крымских ханов. Одни исследователи выводят его

- от монг. «достойный», «обладатель прав». Но А. Гафуров считает возможным выводить его от греч. герайос — «почтенный, старый».
- Азнаур (Д) — груз. социальный термин «дворянин» из иран. азна — «родовитый».
- Али (Д) — араб. «возвышенный».
- Алхарт (Т) — осет. «всеядный».
- Амурхан (Д) — осет. амур — «плотный» + хан.
- Асланбек (Т) — аслан — «лев» + бек.
- Асламурза (Д) — араб. аслам — «самый здоровый, невредимый» + мурза от перс. мирза — «царевич».
- Ахмат (Д) — от араб. ахмад — «прославленный».
- Ахпол (Д, Т) — возможно, восходит к перс. Ак + пулад — «белая сталь».
- Бата (Т) — этимология неясна; в это же время встречается у кабардинцев (32, т. II, с. 353).
- Бакул (Д) — возможно, восходит к тюрк. бахул — «скупой, скряга».
- Батурко (Т) — каб. форма монг. багатур — «герой». Личные имена с элементом ко («сын») в прошлом имели большое распространение среди адыгов. Из адыгских имен, зафиксированных русскими источниками XVI—XVIII вв. (32), почти 30% образованы посредством кьо/кьюэ.
- Бахта (Д) — скиф, «удел, счастье» (58, с. 160).
- Бенбузар (Д)
- Беслан (Т) — см.
- Бибо (Д) — вероятно, от Бимболат.
- Бикан (Т) — от бий + кан см.
- Борисбий (Д) — тюрк. барс — «пантера» + бий.
- Бона (Д) — этимология неясна; в тадж. бони — «охрана, уход».
- Бола (Т) — восходит к перс. пулат — «сталь».
- Ботас (Д) — тюрк. бота — «верблюжонок» + суффикс уменьшительно-ласкательной формы слова — с. Интересно, что в казах. бота означает «дитя».
- Бурнац (Д) — этимология неясна. А. М. Семенищев русскую фамилию Бурнашев выводил из татарск. бурнаш — «задира, холостяк разгульной жизни». Я. Шинкевич польскую фамилию Бурнак разлагает на бурун «нос» + аг «белый», т. е. возводит к сочетанию бурну-аг бурнаг. Бурнац, возможно, из бурун + прилагательное ац «с тонким носом».
- Вианхот (Т)
- Гавиш (Д)

- Галаг (Т) — осет. «бычий».
- Генардуко (Д) — формант **ко** указывает на адыгское происхождение данного имени.
- Гетагаз (Д; Т, 2) — Гатаг — владыка рек в осетинской мифологии (199, с. 65, 88). В форме Гетагаш встречается у кабардинцев (32, т. II, с. 306).
- Дако (Т)
- Дари (Т) — осет. «шелковая ткань».
- Даут (Т) — от араб. дауд — «любимый».
- Дахшуко (Т) — заимствовано у адыгов (ср.: 32, т. I, с. 383, 386).
- Дзабо (Д)
- Дзангери (Д) — вероятно, от перс. джан — «душа» + гирей.
- Дзато (Д)
- Долатиго (Д) — заимствовано у адыгов.
- Едик (Т) — возможно, от адыг. Эдыг. Интересно, что отец Едика — А. Дударов был женат на Залихан, дочери кабардинского узденя Хаджи Окоева (20 е, оп. I, д. 9, л. 318—319).
- Знаур (Т) — см.
- Зураб (Д) — см.
- Ислам (Д) — араб. «предание себя Аллаху».
- Кабтуко (Т) — адыг. заимствование.
- Кази (Д) — араб. судья.
- Кизигирей (Т) — кази + гирей см.
- Кайсын (Т)
- Карац (Т) — возможно, от карачи — «верный слуга, наблюдатель». Как указывал Л. Будагов, звание карачи в Крыму принадлежало бекам главнейших дворянских родов.
- Кари (Т) — осет. «куча».
- Касай (Д) — тюрк. происхождения, имеет две этимологии:
 1) араб. хас — «чистый, настоящий»
 2) возможным этимологом имени Касай является основа араб. каис — «созвездие Стрельца» (соответствует месяцу ноябрь) + звательная частица *ай*. У тюрков названия созвездий ранее использовались в качестве собственных имен.
- Карихан (Д) — араб. карим — «великодушный, благодушный», + хан.
- Келемет (Д) — см.
- Кунду (Т)
- Кургок (Д)
- Магомед (Д, 4) — от араб. Мухаммед — «прославляемый».
- Мисирби (Д) — вероятно, основа восходит к араб. миср — «Египет». В каз. и кирг. мисир — «благодатный край».

- Мусса (Д) — араб. из древнеперс. мешу—«дитя» (библ. Моисей).
 Асман (Т) — от Усман, этимология неясна — «медлительный» (?).
 Рувас (Т) — см.
 Савджинико (Т) — основа осет. «священник».
 Сангар (Д, 2) — тадж. Сангар—«камень»; тюрк. Санджар—«крепость» (?).
 Седий (Д) — восходит к араб. Саид—«счастливый».
 Силат (Д) — возможно, искаженное Салат от ар. салат—«молиться».
 Сирхау (Т) — осет. «красноватый».
 Тарас (Т, 2) — от греч. тарассо — «приводить в смятение, тревожить».
 Туган (Д) — восходит к тухан — «сокол».
 Тембулат (Д) — восходит к Темир—«железо»+пулад «сталь».
 Умархан (Д) — этимология неясна; умар — «жизненный»+хан. Умар — имя второго мусульманского халифа.
 Урузмаг (Т) — см.
 Фат (Т) — осет. «стрела».
 Хаджи (Д) — араб. «поломник» (приставка в мужских именах).
 Халцир (Т) — от осет. халсар «овощ» (?).
 Хотахшуко (Д) — каб. «маленький Хетаг».
 Шахук (Т) — возможно, от осет. Цахук — «серый сын».
 Шох (Т)
 Фацбай (Д) — осет., от названия религиозного праздника Фацбаданта (271, с. 35; 448, с. 21).

Первая половина XIX в.

- Абисал (Д)
 Адилгирей (Д, Т) — араб. адил — «справедливый»+гирей.
 Айдаруко (Д) — от араб. Айдар, хайдар — «лев».
 Алимурза (Д, 2) — Али+мурза см.
 Асланбек (Д, 6; Т, 2) — Аслан+бек см.
 Аслангирей (Д, 2; Т) — Аслан+гирей см.
 Ахмед (Т) — от араб. ахмад — «прославленный».
 Афако (Т, 2) — от араб. ахмад — «прославленный».
 Афако (Т, 2) — восходит к араб. афак — «горизонты».
 Беслан (Д, 2; Т) — см.

Бимболат (Т, 2) — бий + болат, пулад «сталь».

Габис (Т)

Гваде (Т)

Гуцури (Т) — этимология неясна; антропонимы с суффиксом — ур/ури, который указывает на принадлежность человека к какому-либо племени, роду и т. п., особенно широко распространены в горных районах Восточной Грузии (229, с. 134).

Джанбулат (Д, Т) — перс. джан — «душа» + булат, пулад — «сталь».

Дуда (Т)

Дудар (Т) — см.

Жанакайт (Т)

Заурбек (Д) — см.

Ибрагим (Т) — араб. Ибрахим — «отец народов» (из древнеевр. Абрахам)

Идрис (Т) — араб. «обучающийся».

Ильяс (Д)

Инал (Д, Т) — см.

Ислам (Д, Т) — см.

Кази (Т) — см.

Кази-Магомет (Т) — см.

Казибекир (Т) — араб. Кази + бекир от бакр — «молодой верблюд».

Каспулат (Д; Т, 2) — от перс. хаспулад — «отличная сталь».

Кальчук (Д)

Кудайнат (Д)

Крымгери (Д) — Крым + гирей см.

Крымсултан (Т) — Крым + султан см.

Кубади (Д, 2) — этимология неясна, встречается у адыгов.

Куго (Т)

Кудаберд (Т) — основа тюрк. берд — «богом данный».

Кургок (Д)

Магомет (Д, 2; Т) — см.

Магометмирза — Магомет + мирза см.

(Т)

Мимбулат (Д) — тюрк. мим — «родинка» + булат см.

Мусса (Д, 2; Т, 2) — см.

Османмирза — Осман + мирза см.

(Т)

Пришимахо (Т) — каб. «счастливый князь» (32, т. 1, с. 456).

«Сафарали (Д, 2) — см.

Татархан (Д, Т) — основа Тархан скиф. «судья»; более общее значение—«лицо, принадлежащее к группе или категории свободных от налогов и повинностей».

Темирхан (Т) — Темир+хан см.

Туган (Д) — см.

Хаджи-Мурат (Т) — хаджи+мурат, мурад «желанный».

Хазби (Д, Т) — из тюрк. хаз+бий.

Хамурза (Т, 2) — хан (?) + мурза «царевич».

Ханби (Д) — хан+бий см.

Ханжери (Т) — сочетание двух титулов хан+гирей; по мнению Дж. Н. Кокова, первый осмысливается как имя, второй — как титул.

Хотахчио (Д) — см.

Эльмурза (Д) — Эль+мурза см.

Всего в родословных содержится 204 имен, этимологическое значение (или происхождение) 27 из них неясно. Обращает на себя внимание преобладание имен тюрко-монгольского, персидского и арабского происхождения. Прослеживается постепенное увеличение их доли в именнике осетинских феодалов.

Общество	XVII век							XVIII век						
	I*	II*	III*	IV*	V*	VI*	VII*	I	II	III	IV	V	VI	VII
Дигорское	18	—	1	2	3	3	27	31	—	2	2	4	5	44
Тагаурское	6	—	1	11	3	4	15	8	2	1	5	15	5	36
Всего	24	—	2	3	6	7	42	39	2	3	7	19	10	80

ПЕРВАЯ ПОЛОВИНА XIX ВЕКА

Дигорское	31	—	—	3	1	5	40
Тагаурское	35	—	1	1	—	5	42
Всего	66	—	1	4	1	10	82

* Цифровые обозначения: I — имена персидского, арабского и тюрко-монгольского происхождения; II — имена греческого и славянского происхождения; III — заимствованные у грузин; IV — кабардинцев; V — осетинские имена; VI — этимология неясна; VII — всего имен.

**Частота употребления имен
XVII век**

1. Порядковое место	II. Имя	III. Общество	IV. Число носителей	V. % к общему количеству имен
1.	Тенгиз/Денгиз	Дигорское	2	7,4
2.	Солтанбек		2	7,4

XVIII век

1. Порядковое место	II. Имя	III. Общество	IV. Число носителей	V. % к общему количеству имен.
1.	Магомет	Дигорское	4	8,9
2.	Сангар		2	4,44
3.	Гетагаз	Тагаурское	2	5,1
4.	Тарас		2	5,1

Первая половина XIX века

1.	Алимурза	Дигорское	2	4,65
2.	Асланбек		6	13,9
3.	Аслангирей		2	4,65
4.	Беслан		2	4,65
5.	Кубадн		2	4,65
6.	Магомет		2	4,65
7.	Мусса		2	4,65
8.	Сафарали		2	4,65
9.	Афако	Тагаурское	2	5
10.	Асланбек		2	5
11.	Бимболат		2	5
12.	Каспулат		2	5
13.	Мусса		2	5
14.	Хамурза		2	5

По материалам генеалогических таблиц в XVII, XVIII и первой половине XIX вв. они составляли: в Дигории соответственно 66,7%, 70,5%, 77,5%; в Тагаурии — 40%, 22,5%, 83,3%. Как видно, в именнике тагаурских феодалов в первой половине XIX в. резко возросла доля имен тюрко-монгольского, арабского и персидского

происхождения. В то же время среди феодалов практически выходят из употребления осетинские имена, тогда как в XVII и XVIII вв. в Дигории они составляли 11,1% и 9,1%, а в Тагаурии — 20% и 41,7%. В Дигории доля мусульманских имен претерпела гораздо меньше изменений. Видимо, это связано с тем, что баделята раньше установили контакты с уорками Кабарды, и связи эти были более прочными, чем у алдаров. Ислам из Кабарды распространялся сначала среди феодалов Западной Осетии, а затем — Восточной. Асинхронность утверждения мусульманской религии наложила отпечаток на именник алдаров и баделятов (232, с. 276).

Вообще факторы, определяющие идеологию общества, оказывали существенное влияние на имена (388, с. 8). Так, ислам, принятый народами Северного Кавказа в разное время, серьезно изменил их антропонимию (232, с. 277). Еще в IX—X вв. в Дагестане «мощным потоком» пришли имена мусульманского происхождения (351, с. 199). На рубеже I—II тысячелетий восточные имена заимствовали аланы. В Зеленчукской надписи наряду с аланскими перечисляются имена тюрко-монгольского происхождения — Багатар, арабского — Сахир от сахиб «господин». Многие крупные политические деятели Алании XIII—XIV вв. носили восточные имена: Багатар, Кулу, Таус (перс. — павлин — 377, с. 215). Пулад, Буракан, Бураберди. Последние два антропонима Э. В. Ртвеладзе выводит из тюркского. Буриберди состоит из Бури «волк» и берди «данный», в итоге — «волком данный». Буракан соответствует широко распространенному среди тюрков имени Барак (375, с. 113) от Барака «благославение» (97, с. 169). Нередко заимствованные имена снабжали этнонимом ас. Например, Батраз (Батр+ас), Астемир (Ас+темир). Но в дальнейшем этот принцип не получил широкого распространения (310, с. 246).

К адыгам восточные антропонимы стали активно проникать в XV—XVI вв. и утвердись в XVI—XVII вв., после утверждения ислама. С этого же времени новая волна восточных антропонимов через Кабарду стала проникать в Осетию. Первоначально, и особенно активно восточные, имена усваивались баделятами, т. к. их связи с феодалами Кабардино-Балкарии были гораздо прочнее, чем у алдаров. Об этом же свидетельствуют данные генеалогических таблиц. По используемым родословным, браки алдаров и баделятов с таубиями и уорками, с одной стороны, и брачные союзы осетинских феодалов с остальными владельцами Кавказа и между собой, с другой, имеют следующие цифровые выражения:

Общество	XVII век	XVIII век	первая пол. XIX века
Дигорское	15 : 5	19 : 23	2 : 24
Тагаурское	2 : 4	5 : 19	0 : 12

В XVII в. 75% браков баделятов приходилось на феодалов Кабардино-Балкарии; в XVIII в.— 47,61%, в первой половине XIX в.— 7,7%. У тагаурских алдаров эти цифры скромнее: в XVII в.— 33,3%, в XVIII в.— 20,83%, а в начале XIX в. и вовсе нет. Статистика указывает на различную прочность отношений алдаров и баделятов с адыгскими феодалами. В Западной Осетии эти связи заметно теснее, что и обусловило более интенсивное проникновение восточных антропонимов через Кабарду в именник баделятов.

Судя по имеющимся данным, в XVII в. наиболее популярными среди феодалов были имена Солтанбек и Тенгиз, в XVIII в.— Магомет, в первой половине XIX в.— Асланбек и Мусса. Значительная доля имен, состоявших из двух элементов. По наблюдениям В. А. Никонова, у народов, подвергшихся воздействию ислама, широкое распространение получили двусосновные имена. Среди такого типа антропонимов выделяются имена, производные от титулов, званий и элементов со значением «власть»: султан, мурза, бек, гирей и т. д. Длительный период составные имена выражали привилегированность социальной верхушки, включая в себя прежние титулы. Со временем компоненты составных антропонимов частично или полностью утратили свое бывшее лексическое значение, став формальным средством. Однако модель сохранила оттенки «высокого стиля», продолжая служить выражением привилегированности или стремления к ней. Исторически модель идеологически и политически оказалась связанной с социальной верхушкой и ее прислужниками (357, с. 207—208). У осетин такую роль играли имена: Алимурза, Султанбек, Аслангирей, Крымсултан, Асланбек и т. д.

Именник крестьян отличался по своему составу от именника феодалов. В грузинских источниках XVIII в. содержатся антропонимы фарсаглагов: Канимат, Гока, Куджан, Басил, Ботаз, Кайтца, Джага, Вахтанг, Габи, Тавкан, Джигик, Иван, Джаналд и др. (21, ф. 1, оп. 1, д. 5, л. 287, 291—301, 306, 309; ф. 16, оп. 1, д. 5, л. 13). А вот имена крестьян, встречающиеся в документах первой половины XIX в.: Азо, Пец, Машуко, Тепса, Саукудз, Чермен, Нико, Хаба, Габис, Була, Пацы, Осман, Хаджи, Идрис и т. д. (20 д, оп. 1, д. 113, л. 23—25 об.). Причем православные иногда носили мусульманские имена. В этом нет ничего удивительного, т. к., по наблюдениям З. Г. Исаевой, пласты осетинской антропонимии (христианской и мусульманской) не составляют замкнутых систем. У осетин-христиан нередко встречались имена, связанные с исламом. С другой стороны, у мусульман нередко канонические христианские имена (298, с. 28—29). В целом же, большинство крестьянских антропонимов — одноосновные имена осетинского, греко-славянского и грузинского происхождения. Сопоставляя именники крестьян

ян и феодалов, отметим главную особенность антропонимии Тагаурии и Дигории — ярко выраженную принадлежность имен к определенному социальному слою, что свидетельствует о резкой классовой дифференциации общества. В эпоху феодализма имя утверждало общественное положение человека и указывало место его семьи среди других семей (183, с. 25).

В Алагирском устье, где феодальные отношения были менее развиты, различия в именниках антагонистических классов не столь существенны. Узданлаги, в отличие от верхушки Тагаурии и Дигории, не всегда являлись мусульманами и носили, как правило, те же «обычные» имена, что и фарсаглаги. В качестве примера приведем антропонимы узданлагов Хетагуровых. В одной из родословных середины XIX в. перечисляются следующие поколения этой фамилии: Хетаг, Георгий, Мами, Гоци, Зид, Амран, Аса, Елизбар, Леван (194, с. 316). В феврале 1849 г. в тифлисское дворянское собрание поступили документы о дворянском происхождении Хетагуровых. Прощение о предоставлении прав российского дворянства подписали 25 членов фамилии: Иван, Дженавти, Джидыхан, Эпре, Кудайнат, Тага, Гайсан, Гогий, Луарсаб, Тансар, Ачко, Кершен, Василий, Гогко, Мака, Гургоко, Нарша, Парсадан, Таймураз, Гуда, Сахан, Силат, Бекмурза, Магомет, Голов (21, ф. 16, оп. 1, д. 5, л. 26—27). Для сравнения приведем имена алагирских крестьян: Бибо, Карашай, Цибила, Науруз, Осман, Ту, Касай, Заурбек, Андрей, Хамурза, Смака, Гавриил, Гогия, Елизбар, Парсадан, Василий, Михаил, Григорий, Умар, Соломон, Ибака, Таусултан, Леван, Дагестан, Никий, Соста, Писаро, Цопан и др. Нетрудно заметить, что состав именников узданлагов и фарсаглагов Уалладжира примерно идентичен.

В рассматриваемое время одно лицо нередко являлось носителем двух и более имен. Второе имя могло появиться после крещения. Так, по сведениям иеромонаха Осетинской духовной комиссии Ефрема (1746 г.), Келмемед Кубатиев «по тамошнему их званию был елдар оздан, то есть по-русски господин, дворянин, не подлого народу, в христианскую веру крещен в Имеретии в местечке Раче в давних летах еще до выезде грузинского царя Вахтанга Леонидовича в Россию»; его племянник, «именовавшийся прежде Елихан... крестился и именуется ныне Илья...» (28, т. 1, с. 85). В 1766 г. в Моздоке осел «из Осетии урочища Хилаку старшина Лоли Тамаев, а по крещении Леонтий Михайков, жена ево Коноля, а по крещении Настасья Кондратьева. Дети первой сын Тотраз, а во крещении Петр, второй Джамбулат, а во крещении Давид, дочь Ситеса, а во крещении Ирина» (19, оп. 1, д. 638, л. 56 об). Астраханский губернатор Кречетников в донесении от 2 декабря 1774 г. сообщал о «крещенном Валагирском старшине Алегуко, а по-русски Андрей Чаликов...» (23, т. 1, с. 82). Дигорский феодал Кур-

ман Кубатиев в 1786 г. крестился в Херсоне; «восприемницу от купели была императрица Екатерина, и он наречен Александром». У капитанов Айтека Туганова, Григория Арисханова и Петра Цаликова «при крещении их в 1790 году, был восприемником князь Потемкин» (80, ч. 2, с. 259). Протопоп Болгарский в 1780 г. доносил в коллегию иностранных дел: «Во всей Осетии окрещено комиссией обоего пола с 1771 года две тысячи 900 человек...» (15, оп. 1, д. 128, л. 1401). Каждый из них получил новое имя.

Появление нового имени обусловлено не только принятием христианства, ибо два и более имен мог иметь и язычник и мусульманин. Например, известный политический деятель XVI в. кабардинский князь Темрюк Идаров имел еще два имени: Кермургук и Камургун (32, т. 1). Первое имя все носили в детстве; став взрослыми, многие получали второе; наконец, любой человек мог быть носителем прозвища, отражавшего какие-либо черты характера и т. д. «В день рождения младенца ему дают имя, свое, языческое, хотя бы он был христианин, или магометанин, — писал в 1846 г. А. М. Шегрен, —...христианские имена остаются для проформы... не многие имеют прозвища... я знаю многих по-христиански Петр, а по своему Тасзорити Думбай, Моисей—Мистул, Иван — Гаукуц, Василий — Кас-булат» (428). Традиция давать вторые имена бытовала у всех народов Кавказа; у осетин она существовала вплоть до революции (271, с. 32). Сохранилась традиционная формула: «куывд скæн æмæ дæ ном аив» — «устрой пир и замени свое имя». Данное выражение свидетельствует не только о возможности замены имени, но и об особом ритуале с обязательным пиршеством по этому поводу. На пиру новое имя получало права гражданства (109, с. 56).

* * *

Большой интерес для языкознания и истории народов представляет проблема возникновения фамилий. Под фамилией понимается имя собственное, объединяющее членов семьи, передаваемое наследственно дальше двух поколений (162, с. 176—177). Нередко фамилии возникали от отчества или дедичества, объединяемых специалистами терминов *прозвание*. Прозвания не переходили по наследству и распространялись только на лиц одной семьи в пределах одного поколения (293, с. 25). Функции отчества и дедичества приближались к функциям фамилии: являлись дополнительным различительным элементом и указывали на родственные связи. Поэтому В. Б. Кобрин считает правомерным объединение их с фамилией условным термином «родовое прозвание» (305, с. 93). В средние века отчество на Кавказе обозначалось довольно просто, по формуле: сын такого-то. Эпиграфические памятники Дагестана

XIV—XVI вв. сохранили немало примеров такого рода: Али сын Али, Мухаммад сын Афридуна, Гази шах сын Баали, Мухаммад сын Йакуба и др. (см. 56). Аналогично назывались кабардинские князья XVI в. — Мамстрюк Темрюков сын, Асланбек Домануков сын, Пшаопшоку — мурза Кайтукин сын (32, т. 1, с. 384—387). В аланской родословной X в. порядок передачи имен и отчества несколько иной: Пакатара сын Анбалан, Анбалана сын Лакан и т. д. (238, с. 4—5). Позднее обозначение отчества у горцев изменилось, чисто внешне совпадая с фамилией, поэтому отделить фамилию от прозвания очень трудно. Например, при внешнем сходстве формулы Амран Зидаханов (алагирский уазданлаг середины XVIII в.) с именем и фамилией, последний ее элемент — отчество, ибо Амран был сыном Зидахана (Зида). Точно также в формуле Аса Амиранов последний элемент — отчество, т. к. Аса сын Амрана. Сходную картину видим в обозначении кабардинских князей начала XVII в.; Кайтука Мамстрюков, Алей-мурза Мамстрюков, где Кайтука и Али — наследники Мамстрюка.

Таким образом, в решении задачи отделения фамилии от отчества, перед исследователем стоят большие трудности. Они заключаются в том, что для длительных периодов фамилия не всегда отличима от прозвания — существовали переходные формы. В связи с этим, отмечает В. А. Никонов, от исследователя требуется внимание и мужество, чтобы удержаться от ошибок, равно опасных — архаизации или модернизации (162, с. 181—182).

На возникновение фамилий влияет множество факторов, в первую очередь социальные и экономические. Однако эта зависимость опосредована различными условиями (162, с. 184). Не случайно на Кавказе фамилии появились неодновременно: в одних районах — в период феодализма, в других — при капитализме, в третьих — лишь в советское время. Специалистами отмечена интересная закономерность: как правило, фамильные прозвания первоначально появлялись у привилегированных слоев (278; 450, с. 423).

Одна из первых фамилий горских феодалов — Черкасские — образована от родственников Темрюка Идарова, осевших в Москве и принявших христианство. Так, племянник Темрюка Хорошай остался в Москве и крестился, «а во крещении имя ему Борис. А была за ним дочь Никиты Романова Юрьева Марфа» — родная сестра Филарета, будущего патриарха всея Руси, отца первого царя из династии Романовых. В разрядных книгах князь Борис Канбулатович Черкасский неоднократно упоминается с 1563 по 1591 гг., и он все время на очень ответственных постах (21, ф. 1, оп. 1, д. 29, л. 14—14 об.). В самой Кабарде фамилии княжеского происхождения появились и стабилизировались во второй половине XVII в. В источниках этого периода впервые зафиксирована фамилия дигорских феодалов Карабугаевых. На пути в Имеретию посольство

стольника Толочанова и дьяка Иевлева (1650—1652 гг.) останазливалось в Анзоровой Кабарде. Сюда «приходили из гор ... два человека дигорцев смотреть государевых послов, а имена их Смаил да Чибирка». Им задали вопрос, «отколе пришли, и какава владения люди, и для чево пришли. И они сказались дигорцы. Жилище их в горах, вверх по реке по Урухе, а владеец у них Алкаас мурза Карабаев; а владенья его четыре кабака» (47, с. 119).

Примерно в это же время образована фамилия баделятов Каражаевых. Она неоднократно упоминается в документах начала XVIII в., а впервые встречается в памятнике под 1715 г. (37, ч. 2, с. 56). Вероятно, одновременно с Каражаевыми возникли и остальные фамилии баделятов. Во всяком случае, в 1745 г. архимандрит Пахомий в донесении синоду называл Кубатиевых, Каражаевых, Битуевых, Тугановых и др. (176, оп. 26, д. 373, л. 223). Источники начала XVIII в. знакомят нас и с тагаурскими алдарами. В частности, письмо тагаурских феодалов Вахтангу VI подписали Кануков, Сос и Делберт Дударовы, Дако Аликов и др. (30, с. 125). Фамилии алдаров и баделятов фигурируют в документах более позднего периода и в нормах обычного права осетин в записи 40-х гг. XIX в. (30, с. 212—215, 264; 37, в. II). Согласно родословным, фамилии алдаров и баделятов ведут начало от имен людей, живших на рубеже XV—XVI вв. Употребление фамилий у феодалов Тагаурии и Дигории стало всеобщим в течение второй половины XVII—середины XVIII вв., что указывает на длительность и постепенность процесса появления фамилий даже среди привилегированных слоев.

В Алагирском и Куртатинском обществах в XVIII в. фамилии еще не утвердились. Это видно хотя бы из того, что три следующих друг за другом поколения узданлагов потомков Хетага — Зида, Амран и Аса — носили прозвания: Зида Хетагуров, Амран Зидаханов, Аса Амиранов. В конце XVIII — начале XIX вв. члены клана уже стабильно именовались Хетагуровыми. Крупный политический деятель Осетии Зураб Елиханов в материалах середины XVIII в. предстает как Зураб Егоров сын Азовов, а его сын — Дмитрий Азовов (28, т. I, с. 230, 309, 310, 325, 326). Через столетие члены родственной группы, к которой они принадлежали, стали носить фамилию Магкаевы. Фамилия куртатинских феодалов Тезиевых происходит от Тезия, жившего в первой половине XVIII в. Документы той поры характеризуют его вполне определенно: «сей Тезий в тамошнем месте первый человек». На встречу с архимандритом Пахомием в январе 1748 г. он «для первенства прислан с 5-ю старшинами» из «Картаульского и Чимитского уездов» (28, т. I, с. 138). Его имя в форме отчества передавали наследникам как славу предка и политический козырь. Постепенно, уже в XIX в., отчество превратилось в фамилию *Тезиевы*.

В письменных источниках середины XVIII в. встречаются сообщения об узданлагах, наименования которых внешне схожи с фамилией. Например, Роман Кусагонов (30, с. 154), Брилка и Прокофий Сидамоновы (28, т. I, с. 319, 327), «фамилия Баделидзев» (17, оп. 26, д. 373, л. 278) и др. Но это не фамилии. Последний термин не антропонимический, а социальный. Первые два образованы от личных имен полумифических сыновей легендарного Ос-Багата-ра: Кусагона и Сидамона. С именем Сидамона устная традиция связывает основание алагирских аулов Дай, Цусы, Архон, Луар, Унал и Солханет. Потомками Сидамона считают себя Урумовы, Касабиевы, Газюмовы, Фарзиновы, Магкыевы, Золыевы и многие другие (121, с. 44; 301, с. 208). Население аулов Дагом, Урсдон и Донисар выводит себя от Кусагона (301, с. 208—209). Как видно, названия Сидамоновы и Кусагоновы обнимают множество разветвленных родственных групп. Поэтому они даже теоретически не могут быть фамилией, ибо ее базой является семья, а не огромное объединение патронимических структур. Антропонимическая категория для обозначения принадлежности к семье выработана в соответствии с интересами семьи (162, с. 185).

Фамилии долгое время являлись сословной привилегией, и правящие слои сопротивлялись их распространению среди низов (162, с. 181). Правда, некоторые крестьянские фамилии известны еще с конца XVIII в. В частности, в «Списке жителей Моздока» за 1777 г. значатся Тамаевы, Абаевы, Бугуловы и Калмановы (30, с. 207). Но это исключение, правилом же являлось обозначение крестьян именем или прозвищем, например: Канибат Пареев, Куджан Эладиев, Ладос Гисаев, Басил Шикоев, Тавкан Хелпомаев, Габис Самураев (52, т. I, с. 137—142, 145—146). Интерес представляет антропонимия крестьян, крещенных в Моздоке. В упомянутом выше «Списке» 1777 г. зафиксированы прозвания крещенных осетин: Николай и Андрей Женгобековы, Варфоломей и Степан Басильевы, Тарас Габитаев, Иван Николаев, Степан Федоров, Иван и Леонтий Степановы, Георгий Пеев, Афанасий Афанасьев, Андрей Данилов и Зиновий Семенов (30, с. 207). Прозвания у крестьян Осетии сохранялись и в первой половине XIX в. Только потребности административного управления вынудили российские власти «офамилить» все население.

Приведенный материал позволяет сделать предварительный вывод о времени образования фамилий в различных группах населения Осетии. Сначала фамилии утвердились среди алдаров и баделятов — во второй половине XVII — начале XVIII вв. Позже они распространились у узданлагов Куртата и Уалладжира. Крестьяне же в большинстве своем были «офамилены» кавказской администрацией в первой половине XIX в.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Предпринятый в данной работе анализ родословных рассказов осетин позволяет высказать несколько суждений по поводу их источниковедческой значимости. Генеалогические предания представляют собой и исторический источник разновидности фольклора; элементы истины в них переплетаются с вымыслом, поэтому бесперспективно искать в них документальную точность. Следует отметить еще одну особенность генеалогических преданий: обращение к исторической аргументации, подтверждавшей собственные привилегии и, как правило, отрицавшей аналогичные права конкурента (166, с. 10—11). Разбор сюжетов древнейшего пласта генеалогических преданий позволил выделить отдельные исторические реалии, содержащиеся в них. Фольклорная традиция осетин через образы предков родословных в художественной форме донесла до нас информацию об этнокультурных контактах алан-овсов, о миграционных процессах древности и социальном устройстве горских обществ в раннем средневековье. Определенно выражены представления горцев об основах привилегий древних родов — выполнение важных общественных функций: управление жизнью общества, охрана его от внешней агрессии и организация грабительских походов, либо исполнение культовых обязанностей. Родословные возникли в результате развития социальных отношений, поэтому вопросы общественного строя занимают в них ключевое место. Рассматриваемые произведения устного народного творчества сохранили фольклорное отражение процесса складывания доменального хозяйства и формирования зависимого населения. Особенно важно то обстоятельство, что данные процессы зафиксированы и в т. н. «демократических» вариантах преданий, т. е. бытовавших среди непривилегированных слоев населения рассказов о предках феодалов.

Ряд выводов автора носит характер вероятностных заключений и гипотез. Возможно, некоторые из них можно было бы сформулировать более точно и решить ряд спорных вопросов, если бы изучение истории средневековой Осетии, особенно проблемы общественного строя XIV—XVIII вв., оказалось чуть более полным. Однако, в освещении именно этого периода прошлого осетинского народа имеется ряд серьезнейших пробелов. Более того, в последние 30 лет эти вопросы по непонятным причинам преданы забвению. В 1964 г. на научной сессии «Итоги и задачи изучения генезиса феодализма у народов СССР» А. К. Джанаев с сожалением отмечал: на Северном Кавказе «историей народов феодальной поры почти перестали заниматься». Правда, в Дагестане, Чечено-Ингушетии и Кабардино-Балкарии 60-е—80-е гг. отмечены активизацией поисков в этом направлении, но в Северной Осетии положение практически не изменилось, и здесь это направление является если не вымирающим, то, по меньшей мере, не развивающимся. В историографии оно не представлено даже диссертационными исследованиями, а это значит, что на уровне подготовки кадров высшей квалификации отставание проецируется уже в XXI век (ср.: 222, с. 116). Ю. Афанасьев отметил недавно на страницах журнала «Коммунист»: созидая будущее, нельзя обойтись без обращения к прошлому, как коллективной памяти народа. Ошибочная, но, к сожалению, глубоко укоренившаяся позиция — «заслуживает внимания и актуально лишь то, что ближе к современности» — уже плачевно сказалась на нашей исторической науке. Если последняя будет обрабатывать лишь до предела ограниченный во времени и пространстве участок, то неизбежно сама станет содержательно и исторически худосочной. «Этого не случится, если руководствоваться непреложной истиной: все прошлое, как его классические феномены и модели, так и варианты, отклонения, локальное многообразие — все важно. Нет неинтересных эпох и тем. Надо уметь подойти глубоко, интересно, современно ко всему историческому процессу, ко всему многообразию фрагментов целостной Истории» (подробнее см. 222, с. 105—116). В этом смысле автор, предлагая свое решение некоторых спорных вопросов, главную свою задачу видел в привлечении внимания исследователей к дальнейшему аналитическому изучению проблем истории средневековой Осетии.

БИБЛИОГРАФИЯ

Произведения основоположников марксизма-ленинизма¹.

- ¹ Энгельс Ф. Положение рабочего класса в Англии.— Т. 2, с. 231—517.
- ² Энгельс Ф. Дебаты по поводу действующего законодательства о выкупе.— Т. 5, с. 325—330.
- ³ Энгельс Ф. Крестьянская война в Германии.— Т. 7, с. 343—437.
- ⁴ Энгельс Ф. Франский период.— Т. 19, с. 495—546.
- ⁵ Энгельс Ф. Анти-Дюринг.— Т. 20, с. 5—338.
- ⁶ Энгельс Ф. Рабочее движение в Америке.— Т. 21, с. 345—353.
- ⁷ Энгельс Ф. Предисловие к работе «О социальном вопросе в России». — Т. 22, с. 438—453.
- ⁸ Маркс К. Капитал, т. 1.— Т. 23, с. 5—773.
- ⁹ Маркс К. Капитал, т. 3.— Т. 25, ч. II, с. 3—486.
- ¹⁰ Ленин В. И. Экономическое содержание народничества и критика его в книге г. Струве. (Отражение марксизма в буржуазной литературе).— Т. 1, с. 347—534.
- ¹¹ Ленин В. И. Развитие капитализма в России.— Т. 3, с. 1—609.
- ¹² Ленин В. И. Конспект «Науки логики». — Т. 29, с. 77—218.
- ¹³ Ленин В. И. О брошюре Юниуса.— Т. 30, с. 1—16.
- ¹⁴ Ленин В. И. О государстве.— Т. 39, с. 64—84.

Архивные материалы

- ¹⁵ Архив внешней политики России, ф. Осетинские дела.
- ¹⁶ Центральный государственный архив древних актов, ф. Госархив.
- ¹⁷ Центральный государственный исторический архив СССР, ф. 796. Синод.
- ^{17а} ф. 1018 гр. Паскевич-Эриванский.
- ^{17б} ф. 1268 Кавказский комитет.
- ¹⁸ Центральный государственный военно-исторический архив, ф. 414. Статистические сведения о Российской империи.
- ^{18а} ф. 482 Кавказские войны.
- ¹⁹ Центральный государственный архив ДА ССР, ф. 379 Кизлярский комендант.
- ²⁰ Центральный государственный архив СО АССР, ф. 224 Г. Баев.
- ^{20а} ф. 233 Комитет по разбору личных и поземельных прав жителей Владикавказского округа.

---

¹ Произведения К. Маркса и Ф. Энгельса даны по 2-му изд. В. И. Ленина по Полн. собр. соч.

^{20б} ф. 254 Комитет для разбора личных и поземельных прав горцев Левого крыла Кавказской линии.

^{20в} ф. 256 Комиссия по правам личным и поземельным всех Туземцев Терской области.

^{20г} ф. 262 Комиссия для разбора сословных прав горцев Кубанской и Терской областей.

^{20д} ф. 290 Управление военного начальника Владикавказского военного округа.

^{20е} ф. 291 Комитет для разбора личных и поземельных прав горцев Военно-Осетинского округа.

²¹ Архив Северо-Осетинского НИИ.

Опубликованные источники

²² Адыги, балкарцы и карачаевцы в известиях европейских авторов XIII—XIX вв. /Сост. В. К. Гарданов. Нальчик, 1974/.

²³ Акты, собранные кавказской археографической комиссией. Тифлис, 1866, 1869, 1878, т. I, III, VII.

²⁴ Алкадарн Г. Асари-Дагестан. /Пер и прим. А.—Г. Гасанова. Махачкала, 1929/.

²⁵ Алсак-Темир. (Дигорское сказание).— Терские ведомости, 1911, № 268.

²⁶ Багратиони Д. История Грузии. Тбилиси, 1971.

²⁷ Белокуров С. А. Сношения России с Кавказом. Материалы, извлеченные из московского главного архива Министерства иностранных дел. М., 1889, в. I (1578—1613 гг.).

²⁸ Блиев М. М. Русско-осетинские отношения в XVIII веке. Сборник документов. Орджоникидзе, 1975, 1984, т. 1 (1742—1762 гг.), т. 2 (1764—1784 гг.).

²⁹ Де Галонифонтибус И. Сведения о народах Кавказа (1404 г.). Баку, 1980.

³⁰ Гамрекели В. Н. Документы по взаимоотношениям Грузии с Северным Кавказом в XVIII в. Тбилиси, 1968.

³¹ Джанашвили М. Известия грузинских летописей и историков о Северном Кавказе и России.— СМОМПК, 1897, в. XXII.

³² Кабардино-русские отношения в XVI—XVIII вв. /под ред. Т. Х. Кумыкова, Е. Н. Кушевой/, М., 1957, т. 1, 2.

³³ Какабадзе С. С. Хроника ксанских эриставов начала XV в.— В кн.: Письменные памятники Востока, 1968, М., 1970.

³⁴ Караулов Н. А. Сведения арабских географов IX и X веков о Кавказе, Армении и Азербайджане. Тифлис, 1902, 1908, в. II, III.

³⁵ Клапрот Ю. Путешествие по Кавказу и Грузии.— Изв. СОНИИ, 1948, т. XII.

³⁶ Кокиев Г. А. Материалы по истории Осетии. Орджоникидзе, 1933, т. I (XVIII век).

- ³⁷ Лавров Л. И. Эпиграфические памятники Северного Кавказа. М., 1966, 1968, 1980, ч. 1—3.
- ³⁸ Леонтович Ф. И. Адамы кавказских горцев. Одесса, 1882, 1883, в. I, II.
- ³⁹ Мровели Л. Жизнь картлийских царей. М., 1979.
- ⁴⁰ Осетинские народные сказки. Цхинвали, 1962, т. III (на осет. яз.).
- ⁴¹ Осетинское народное творчество. Дзауджикау, 1949.
- ⁴² Осетинское народное творчество. (Под ред. З. М. Салагаевой). Орджоникидзе, 1961, т. 1, 2 (на осет. яз.).
- ⁴³ Осетины глазами русских и иностранных путешественников. Сост. Б. А. Калоев. Орджоникидзе, 1967.
- ⁴⁴ Памятники народного творчества осетин. Владикавказ, 1927, 1928, в. 2, 3.
- ⁴⁵ Памятник эриставов. /Пер. исслед. и прим. С. С. Какабадзе/. Тбилиси, 1979).
- ⁴⁶ Песня об Алгузе /Пер. М. Джанашвили, предисл. Г. Баева./ Берлин, 1922).
- ⁴⁷ Полиевктов М. А. Посольство стольника Толочанова и дьяка Ивлева в Имеретию 1650—1652. Тифлис, 1926.
- ⁴⁸ Предание о Царгасе, Азнауре и Хамице.—Изв. СОНИИ, 1948, т. XV, в. III.
- ⁴⁹ Пурцеладзе Д. П. Грузинские дворянские грамоты. Тифлис, 1881.
- ⁵⁰ Скитский Б. В. Хрестоматия по истории Осетии. Дзауджикау, 1949, ч. I.
- ⁵¹ Тизенгаузен В. Г. Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды. М.—Л., 1941, т. II.
- ⁵² Тогошвили Г. Д., Цховребов И. Н. История Осетии в документах и материалах. (С древнейших времен до XVIII в.). Цхинвали, 1962, т. I.
- ⁵³ Цагарели А. А. Грамоты и другие исторические документы XVIII столетия, относящиеся к Грузии. Спб., 1891, т. I (1768—1774 гг.).
- ⁵⁴ Цулая Г. В. Грузинский «Хронограф» XIV в. о народах Кавказа. — КЭС. М., 1980, т. VII.
- ⁵⁵ Шихсаидов А. Р. Новые памятники эпиграфики. (Материалы к истории поселений).—В кн.: Древние и средневековые поселения Дагестана. Махачкала, 1983.
- ⁵⁶ Шихсаидов А. Р. Эпиграфические памятники Дагестана X—XVII вв. как исторический источник. М., 1984.

Книги

- ⁵⁷ Абаев В. И. Нартовский эпос.—Изв. СОНИИ, 1945, т. X, в. I
- ⁵⁸ Абаев В. И. Осетинский язык и фольклор. М.—Л., 1949, I.
- ⁵⁹ Абаев В. И. Тбилиси и Осетия. (К 1500-летию столицы Грузии). Тбилиси, 1959.

- ⁶⁰ Аббаев В. И. Историко-этимологический словарь осетинского языка. М.—Л., 1958, т. I, Л., 1973, т. II, М., 1978, т. III.
- ⁶¹ Азбелев С. Н. Историзм былин и специфика фольклора. Л., 1982.
- ⁶² Алексеев В. П. Происхождение народов Кавказа. Краниологическое исследование. М., 1974.
- ⁶³ Алексеев Ю. Г. Псковская судная грамота и ее время. Развитие феодальных отношений на Руси XIV—XV вв. Л., 1980.
- ⁶⁴ Андреев Л. От Владикавказа до Тифлиса. Спб., 1891.
- ⁶⁵ Андреева Г. М. Социальная психология. М., 1980.
- ⁶⁶ Андроникашвили М. Очерки по ирано-грузинским языковым взаимоотношениям. Тбилиси, 1967 (на груз. яз.)—Перевод С. Басиевой: Архив СОНИИ, ф. лингвистика, оп. I, д. 148.
- ⁶⁷ Анучин В. А. Географический фактор в развитии общества. М., 1982.
- ⁶⁸ Ардасенов А. и Есиев А. Высшее сословие у осетин Куртатинского общества. М., 1892.
- ⁶⁹ Ахведиани Г. А. Сборник избранных работ по осетинскому языку. Тбилиси, 1960, кн. I.
- ⁷⁰ Ахлаков А. А. Исторические песни народов Дагестана и Северного Кавказа. М., 1981.
- ⁷¹ Баратов С. История Грузии. Спб., 1871, тетрадь II.
- ⁷² Балкаров Б. Х. Адыгские элементы в осетинском языке. Нальчик, 1965.
- ⁷³ Баскаков Н. А. Русские фамилии тюрского происхождения. М., 1979.
- ⁷⁴ Берозов Б. П. Переселение осетин с гор на плоскость (XVIII—XX вв.). Орджоникидзе, 1980.
- ⁷⁵ Блнев М. М. Русско-осетинские отношения (40-е гг. XVIII—30-е гг. XIX вв.). Орджоникидзе, 1970.
- ⁷⁶ Блок М. Апология истории, или ремесло историка. М., 1973.
- ⁷⁷ Бородай Ю. М., Келле В. Ж., Плимак Е. Г. Наследие К. Маркса и проблемы теории общественно-экономических формаций. М., 1974.
- ⁷⁸ Броневский С. М. Новейшие географические и исторические сведения о Кавказе. М., 1823, т. I, 2.
- ⁷⁹ Бурнашев С. Д. Картина Грузии и описание политического состояния царств Карталинского и Кахетинского. Тифлис, 1896.
- ⁸⁰ Бутков П. Г. Материалы для новой истории Кавказа с 1722 по 1803 г. Спб., 1869, ч. I—III.
- ⁸¹ Бушев П. П. История посольств и дипломатических отношений русско-го и иранского государств в 1586—1612 г.г. М., 1976.
- ⁸² В.-Н.-Л. Переходное состояние горцев Северного Кавказа. Тифлис, 1896.
- ⁸³ Ванеев З. Народное предание о происхождении осетин. Сталинир, 1956.
- ⁸⁴ Ванеев З. Н. Средневековая Алания. Сталинир, 1959.
- ⁸⁵ Васильева Л. М. Проблемы истории Осетии в русской науке XIX века. Орджоникидзе, 1975.

- ⁸⁶ Вахушти. География Грузии.— Зап. КОИРГО, 1904, т. XXIV, в. 5.
- ⁸⁷ Вейденбаум Е. Г. Кавказские этюды. Исследования и заметки. Тифлис, 1901.
- ⁸⁸ Веселовский С. Б. Феодалное землевладение в Северо-Восточной Руси. М.—Л. 1947. т. 1.
- ⁸⁹ Веселовский С. Б. Труды по источниковедению и истории России периода феодализма. М., 1978.
- ⁹⁰ Виноградов Е. А. Земельная собственность и проблемы ренты при социализме. (Историко-теоретический очерк). Л., 1978.
- ⁹¹ Волкова Н. Г. Этнонимы и племенные названия Северного Кавказа. М., 1973.
- ⁹² Волкова Н. Г. Этнический состав населения Северного Кавказа в XVIII—начале XX века. М., 1974.
- ⁹³ Гаглойти З. Д. Очерки по этнографии осетин. Т. I. Общественный быт осетин в XIX в. Тбилиси, 1974.
- ⁹⁴ Гаглойти Ю. С. Алапы и вопросы этногенеза осетин. Тбилиси, 1966.
- ⁹⁵ Гаджиев В. Г. Сочинение И. Гербера «Описание стран и народов между Астраханью и рекою Курой находящихся» как исторический источник по истории народов Кавказа. М., 1979.
- ⁹⁶ Гадло А. В. Этническая история Северного Кавказа IV—X вв. Л., 1979.
- ⁹⁷ Гамрекели В. Н. Двалы и Двалетия в I—XV вв. н. э. Тбилиси, 1961.
- ⁹⁸ Гарданов В. К. Общественный строй адыгских народов. М., 1967.
- ⁹⁹ Гасвиани Г. А. Социально-экономическая структура Сванетии в XI—XVIII вв. Тбилиси, 1980.
- ¹⁰⁰ Гафуров А. Лев и Кипарис (о восточных именах). М., 1971.
- ¹⁰¹ Гольдштейн А. Ф. Средневековое зодчество Чечено-Ингушетии и Северной Осетии. М., 1975.
- ¹⁰² Греков Б. Д., Якубовский А. Ю. Золотая Орда и ее падение. М.—Л., 1951.
- ¹⁰³ Гриценко Н. П. Истоки дружбы. Грозный, 1975.
- ¹⁰⁴ Грузино-северокавказские взаимоотношения. Тбилиси, 1981.
- ¹⁰⁵ Гутнова Е. В. Классовая борьба и общественное сознание крестьянства в средневековой Западной Европе (XI—XV вв.). М., 1984.
- ¹⁰⁶ Гуревич А. Я. Проблемы генезиса феодализма в Западной Европе. М., 1970.
- ¹⁰⁷ Гуревич А. Я. Категории средневековой культуры. М., 1972.
- ¹⁰⁸ Гуревич А. Я. Проблемы средневековой народной культуры. М., 1981.
- ¹⁰⁹ Гурнев Т. А. Антропонимия осетинского нартского эпоса. Орджоникидзе, 1981.
- ¹¹⁰ Далгат У. Б. Геронический эпос чеченцев и ингушей. Исследования и тексты. М., 1972.
- ¹¹¹ Джанаев А. К. Феодалное землепользование в Стыр-Дигории.—Изв. СОНИИ, 1948, т. XV, в. III.

- ¹¹² Джикаев Ш. Ф. Народная героическая песня и ее традиции в осетинской поэзии. Орджоникидзе, 1968.
- ¹¹³ Джикаев Ш. Ф. Осетинская литература. Орджоникидзе, 1980.
- ¹¹⁴ Дубровин Н. Ф. История войны и владычества русских на Кавказе. Спб., 1871, т. I, кн. I.
- ¹¹⁵ Егоров В. Л. Историческая география Золотой Орды в XII—XIV вв. М., 1985.
- ¹¹⁶ Жуков Е. М. Очерки методологии истории. М., 1980.
- ¹¹⁷ Зиссерман А. Л. Двадцать пять лет на Кавказе. Спб., 1879, т. I, II.
- ¹¹⁸ Иессен А. А., Деген-Ковалевский Б. Е. Из истории древней металлургии Кавказа. М.—Л., 1935.
- ¹¹⁹ Историогеографическая записка о странах, лежащих между морями Черным и Каспийским, содержащая новейшие подробные описания живущих там народов и достопамятности древнего и нынешнего тех земель местоописания. Спб., 1810.
- ¹²⁰ История Северо-Осетинской АССР. /Под ред. С. К. Бушуева./ М., 1959, т. I.
- ¹²¹ Калоев Б. А. Осетины. 2-е изд. М., 1971.
- ¹²² Кипиани М. З. От Казбека до Эльбруса. Путевые заметки о нагорной полосе Терской области. Владикавказ, 1884.
- ¹²³ Ковалевская В. Б. Кавказ и аланы. М., 1984.
- ¹²⁴ Кобычев В. П. Поселения в жилище у народов Северного Кавказа в XIX—XX вв. М., 1982.
- ¹²⁵ Ковалевский М. М. Современный обычай и древний закон. Обычное право осетин в историко-сравнительном освещении. М., 1886, т. I, II.
- ¹²⁶ Ковалевский М. М. Закон и обычай на Кавказе. М., 1980, т. I, II.
- ¹²⁷ Козырева Т. З. Памятники родного языка. Орджоникидзе, 1972.
- ¹²⁸ Кокнев Г. Очерки по истории Осетии. Владикавказ, 1926, ч. I.
- ¹²⁹ Кокнев Г. Склеповые сооружения горной Осетии. Историко-этнологический очерк. Владикавказ, 1928.
- ¹³⁰ Кокнев Г. А. Крестьянская реформа в Северной Осетии. Орджоникидзе, 1940.
- ¹³¹ Коков Дж. Н. Вопросы адыгской (черкесской) антропониими. Нальчик, 1973.
- ¹³² Коковцов П. К. Еврейско-хазарская переписка в X в. Л., 1932.
- ¹³³ Корсунский А. Р. История Испании IX—XIII веков. (Социально-экономические отношения и политический строй Астури-Леонского и Леона-Кастильского королевства). М., 1976.
- ¹³⁴ Коршунов А. М., Шаповалов В. Ф. Творчество и отражение в историческом познании. М., 1984.
- ¹³⁵ Косминский А. И. Исследования по аграрной истории Англии. XIII в. М.—Л., 1947.
- ¹³⁶ Крупнов Е. И. Древняя история Северного Кавказа. М., 1960.
- ¹³⁷ Кудашев В. Исторические известия о кабардинском народе. Киев, 1913.
- ¹³⁸ Кузнецов В. А. Алания в X—XIII вв. Орджоникидзе, 1971..

- ¹³⁹ Кузнецов В. А. Путешествие в древний Иристон. М., 1974.
- ¹⁴⁰ Кузнецов В. А. Зодчество феодальной Алании. Орджоникидзе, 1978.
- ¹⁴¹ Кузнецов В. А. Очерки истории алан. Орджоникидзе, 1984.
- ¹⁴² Кулаковский Ю. Аланы по сведениям классических и византийских писателей. Киев, 1899.
- ¹⁴³ Кулов К. Д. Матриархат в Осетии. Орджоникидзе, 1935.
- ¹⁴⁴ Кун Т. Структура научных революций. 2-е изд. М., 1977.
- ¹⁴⁵ Кушева Е. Н. Народы Северного Кавказа и их связи с Россией. (Вторая половина XVI—30-е гг. XVII в.). М., 1963.
- ¹⁴⁶ Лавров Д. Заметки об Осетии и осетинах.—СМОМПК, 1883, в. III.
- ¹⁴⁷ Лавров Л. И. Историко-этнографические очерки Кавказа. Л., 1978.
- ¹⁴⁸ Лавров Л. И. Этнография Кавказа. Л., 1982.
- ¹⁴⁹ Лихачев Д. С. Возникновение русской литературы. М.—Л., 1952.
- ¹⁵⁰ Лолашвили И. Тайна гробницы Давида Сослана. Тбилиси, 1971 (на груз. яз.).—Перевод: Архив СОНИИ, ф. 6, оп. 1, д. 89.
- ¹⁵¹ Магомедов А. Х. Культура и быт осетинского народа. Орджоникидзе, 1968.
- ¹⁵² Магомедов А. Х. Общественный строй и быт осетин (XVII—XIX вв.). Орджоникидзе, 1974.
- ¹⁵³ Магомедов А. Х. Этнические и культурно-исторические связи алан-осетин и ингушей. Орджоникидзе, 1982.
- ¹⁵⁴ Максимов Е. Осетины.—ТС, 1892, кн. 2.
- ¹⁵⁵ Мамукаев Т. Б. Тайна Нузальской часовни. Орджоникидзе, 1969.
- ¹⁵⁶ Марксистско-ленинская теория народонаселения. /Под ред. Д. И. Валентя/. М., 1971.
- ¹⁵⁷ Марксистско-ленинское учение о государстве и праве. История развития и современность. М., 1977.
- ¹⁵⁸ Миллер В. Ф. Осетинские этюды. М., 1881, 1882, 1887, ч. I—III.
- ¹⁵⁹ Минорский В. Худуд-ал-Алам. Лондон, 1937.—Перевод с англ. А. Д. Мамсурова: Архив СОНИИ, ф. 1, оп. 1, д. 137«б».
- ¹⁶⁰ Минорский В. Ф. История Ширвана и Дербента X—XI веков. М., 1963.
- ¹⁶¹ Мусукаев Б. Х. Топонимия высокогорной Балкарии. Нальчик, 1981.
- ¹⁶² Никонов В. А. Имя и общество. М., 1974.
- ¹⁶³ Очерки истории Юго-Осетинской автономной области. Тбилиси, 1985, т. I.
- ¹⁶⁴ Петросян А. А. История народа и его эпос. М., 1982.
- ¹⁶⁵ Полиевктов М. А. Экономические и политические разведки Московского государства в XVII в. на Кавказе. Тифлис, 1932.
- ¹⁶⁶ Полубояринова М. Д. Русские люди в Золотой Орде. М., 1978.
- ¹⁶⁷ Поршнев Б. Ф. Социальная психология и история. М., 1966.
- ¹⁶⁸ Проблемы истории докапиталистических обществ. М., 1968, I.
- ¹⁶⁹ Пушкикарев Л. Н. Классификация русских письменных источников по отечественной истории. М., 1975.
- ¹⁷⁰ Раевский Д. С. Очерки идеологии скифо-сакских племен. Опыт реконструкции скифской мифологии. М., 1977.

- ¹⁷¹ Ракитов А. И. Историческое познание. Системно-гносеологический подход. М., 1982.
- ¹⁷² Робакидзе А. И., Гегечкори Г. Г. Формы жилища и структура поселения горной Осетии.— КЭС. Тбилиси, 1975, т. V, в. I.
- ¹⁷³ Салагаева З. М. От Нузальской надписи к роману. Проблемы генезиса и становления осетинской прозы. Орджоникидзе, 1984.
- ¹⁷⁴ Санакоев М. П. Некоторые вопросы источниковедения истории осетинского народа. Цхинвали, 1979.
- ¹⁷⁵ Санакоев М. П. Дружба, скрепленная в веках. Цхинвали, 1983.
- ¹⁷⁶ Семенов Ю. И. Происхождение брака и семьи. М., 1974.
- ¹⁷⁷ Сказкин С. Д. Из истории социально-политической и духовной жизни Западной Европы в средние века. Материалы научного наследия. М., 1981.
- ¹⁷⁸ Скитский Б. В. К вопросу о феодализме в Дигории. Орджоникидзе, 1933.
- ¹⁷⁹ Скитский Б. В. Очерки по истории осетинского народа с древнейших времен до 1867 года.— Изв. СОНИИ, 1947, т. XI.
- ¹⁸⁰ Скитский Б. В. Очерки истории горских народов. Орджоникидзе, 1972.
- ¹⁸¹ Соколова В. К. Русские исторические предания. М., 1970.
- ¹⁸² Староверов В. И. Социально-демографические проблемы деревни. Методология, методика, опыт анализа миграций сельского населения. М., 1975.
- ¹⁸³ Суперанская А. В. Общая теория имени собственного. М., 1973.
- ¹⁸⁴ Техов Б. В. Скифы и Центральный Кавказ в VII—VI вв. до н. э. М., 1980.
- ¹⁸⁵ Тменов В. Х. «Город мертвых». Орджоникидзе, 1979.
- ¹⁸⁶ Тменов В. Х. Средневековые историко-архитектурные памятники Северной Осетии. Орджоникидзе, 1984.
- ¹⁸⁷ Толстова Л. С. Исторические предания Южного Приуралья. М., 1984.
- ¹⁸⁸ Тотоев М. С. Очерки истории культуры и общественной мысли в Северной Осетии в начале XX века. Орджоникидзе, 1968.
- ¹⁸⁹ Турчанинов Г. Ф. Памятники письма и языка народов Кавказа и Восточной Европы. Л., 1971.
- ¹⁹⁰ Тхамоков Н. Х. Социально-экономический и политический строй кабардинцев в XVIII веке. Нальчик, 1961.
- ¹⁹¹ Федоров Я. А. Историческая этнография Северного Кавказа. М., 1983.
- ¹⁹² Хамицаева Т. А. Историко-песенный фольклор осетин. Орджоникидзе, 1973.
- ¹⁹³ Хашаев Х. М. Общественный строй Дагестана в XIX веке. М., 1961.
- ¹⁹⁴ Хетагуров К. Соч. в V томах. М., 1960, т. IV.
- ¹⁹⁵ Цагаева А. Дз. Топонимия Северной Осетии. Орджоникидзе, 1971, 1975, ч. I, II.
- ¹⁹⁶ Цаллаев Х. К. Философские и общественно-политические воззрения Афанасия Гассиева. Орджоникидзе, 1966.

¹⁹⁷ Цибиров Г. И. Осетия в русской науке (XVIII в.— первая половина XIX в.). Орджоникидзе, 1981.

¹⁹⁸ Черепнин Л. В. Вопросы методологии исторического исследования. Теоретические проблемы истории феодализма. М., 1981.

¹⁹⁹ Чибиров Л. А. Древнейшие пласты духовной культуры осетин. Цхинвали, 1984.

²⁰⁰ Чичинадзе З. История Осетии по грузинским источникам. Тифлис, 1915 (на груз. яз.).— Перевод М. Д. Газдановой: Архив СОНИИ, ф. 1, оп. 1, д. 24а.

²⁰¹ Чурсин Г. Ф. Очерки по этнологии Кавказа. Тифлис, 1913.

²⁰² Этнография. (Под ред. Ю. В. Бромлея и Г. Е. Маркова). М., 1982.

²⁰³ Klapprot J. Reise in den Kaukasus und nach Georgien unternommen in den Jahren 1807 und 1808. Halle und Berlin, 1812, 1814, Bd. I, II.

²⁰⁴ Reineggs J. Allgemeine historisch-topographische Beschreibung des Kaukasus. Göttingen — StPb., 1796, Th. 1.

²⁰⁵ Steder. Tagebuch einer Reise, die in Jahre 1781 von den Gransfestung Mosdok nach inner Kaukasus unternommen worden. Leipzig, 1797.

Статьи

²⁰⁶ Абаев В. И. Алгузиани.— Изв. ОНИИ, 1926, в. II.

²⁰⁷ Абаев В. И. Общие элементы в языке осетин, балкарцев и карачаевцев.— В кн.: Язык и мышление. Л., 1933.

²⁰⁸ Абаев В. И. О некоторых осетинских элементах в грузинском языке.— Труды Ин-та языкознания. М., 1976, т. VI.

²⁰⁹ Абаев В. И. Сармато-боспорские отношения в отражении нартовских сказаний.— СА, 1958, т. XXVIII.

²¹⁰ Абаев В. И. Осетино-вайнахские лексические параллели.— Изв. ЧИНИИ, 1959, т. 1, в. 2.

²¹¹ Абаев В. И. Этногенез осетин по данным языка.— В кн.: Происхождение осетинского народа. Орджоникидзе, 1967.

²¹² Абаев В. И. Осетинский социальный термин Алдар.— Изв. СОНИИ, 1968, т. XXVII, языкознание.

²¹³ Абаев В. И. Значение ареальных контактов в истории языка.— ИКЯ, V.

²¹⁴ Абаев В. Происхождение осетинских фамильных имен.— Литературная Осетия, 1982, № 60.

²¹⁵ Абдуллаев М. А. Отражение антифеодальной борьбы крестьянских масс Дагестана в общественно-политической мысли (XV—XIX вв.).— В кн.: Классовая борьба в дореволюционном Дагестане. Махачкала, 1983.

²¹⁶ Абрамов Я. Рец.: М. М. Ковалевский. О сословно-поземельных отношениях у горцев Северного Кавказа.— ОЗ, 1884, № 2.

²¹⁷ Абрамова М. П. О подкурганных катакомбах первых веков н. э. на Северном Кавказе.— В кн.: XII Крупновские чтения. Тез. док. М., 1982.

²¹⁸ Айтберов Т. Осетинские имена у аварцев XIV—XVII вв. (по дагестанским арабоязычным источникам).— В кн.: Проблемы осетинского языкознания. Орджоникидзе, 1984, в. I.

²¹⁹ Алдар. О сословных правах горцев — Новое обозрение, 1893, № 2320, 2325.

²²⁰ Алексеева Е. П. Позднекобанская культура Центрального Кавказа. — Уч. Зап. ЛГУ, 1949, в. 13, сер. истор. наук.

²²¹ Анчабадзе Ю. Д. Этнографические сюжеты в трудах Ф. И. Леонтовича. — СЭ, 1984, № 4.

²²² Афанасьев Ю. Прошлое и мы. — Коммунист, 1985, № 14.

²²³ Баев М. Тагаурское общество и экспедиция генерал-майора князя Абхазова в 1830 году. — Терские ведомости, 1869, № 6, 8, 10.

²²⁴ Басиева С. М. Адыго-осетинские фонетические параллели. — В кн.: Сборник аспирантских работ. Орджоникидзе, 1972, в. II.

²²⁵ Басиева С. М. К истории изучения осетино-кавказских языковых отношений. — В кн.: Вопросы осетинского языкознания. Орджоникидзе, 1977.

²²⁶ Басиева С. М. К вопросу осетинских заимствований в адыгских языках. — ИКЯ, V.

²²⁷ Басилов В. Н., Кобычев В. П. Николай кувд (осетинское празднество в честь патрона селения). — КЭС. М., 1976, т. VI.

²²⁸ Бгажников Б. Х. Образ жизни адыгской феодальной знати. — В кн.: Из истории феодальной Кабарды и Балкарии. Нальчик, 1980.

²²⁹ Бедошвили Г. В. О грузинских фамилиях. — В кн.: Антропонимика. М., 1970.

²³⁰ Бекоев Д. Г. Особенности двальского сокающего и шокающего говоров Северной Осетии. — В кн.: Осетинская филология. Орджоникидзе, 1977, в. I.

²³¹ Бентковский И. Моздокские крещенные осетины и черкесы, называемые «Казачьи братия». — Ставропольские губернские ведомости, 1880, № 3—6.

²³² Бесаева Т. З. Обряд наречения именем у некоторых народов Северного Кавказа. — В кн.: Ономастика Кавказа. Махачкала, 1976.

²³³ Бибииков М. В. Византийские источники по истории Руси, народов Северного Причерноморья и Северного Кавказа (XII—XIII вв.). — В кн.: Древнейшие государства на территории СССР. 1980. М., 1981.

²³⁴ Библиографическая заметка. — ССКГ, 1875, в. VIII.

²³⁵ Блягоз З. У. Развитие адыгской антропонимии в условиях языкового контакта. — В кн.: Ономастика Кавказа. Орджоникидзе, 1980.

²³⁶ Бонч-Бруевич В. Д. Ленин об устном народном творчестве. — СЭ, 1954, № 4.

²³⁷ Бурде-Шнейдевинд Г. Народные рассказы как исторический источник. — Труды VII Международного конгресса антропологических и этнографических наук. М., 1969, т. VI.

²³⁸ Бязыров А. Х. Осетинская родословная X века. — В кн.: Осетинская филология. Орджоникидзе, 1981, в. II.

²³⁹ Бязыров А. Х. Предания о первопредках племен. — Изв. ЮОНИИ, 1981, в. XXVI.

²⁴⁰ В. К. Хетаг-кох. — Терские ведомости, 1910, № 172.

²⁴¹ Ванети З. Общество нартов. (Опыт социально-исторического анализа). — Изв. ЮОНИИ, 1935, в. II.

- ²⁴² Варшавчик М. А. Вопросы логики исторического исследования и исторический источник.— ВИ, 1968, № 10.
- ²⁴³ Варшавчик М. А. Об использовании трудов В. И. Ленина в исторических исследованиях.— В кн.: В. И. Ленин и историческая наука. М., 1968.
- ²⁴⁴ Вейденбаум Е. Г. Материалы для историко-географического словаря Кавказа. В. I.— СМОМПК, 1894, в. XXII.
- ²⁴⁵ Викторов И. Г. Северная Осетия. Исторический очерк.— В кн.: Северная Осетия. Орджоникидзе, 1939.
- ²⁴⁶ Виноградов В. Б. Вайнахо-аланские взаимоотношения в этнической истории горной Ингушетии.— СЭ, 1979, № 2.
- ²⁴⁷ Виноградов В. Б., Магомадова Т. С. Две заметки о ранних русско-сеveroкавказских связях.— В кн.: История, этнография и культура народов Северного Кавказа. Орджоникидзе, 1981.
- ²⁴⁸ Виноградов В. Б., Куза А. В., Магомадова Т. С. Русские кресты XII—XV вв. из селения Майртуп (Чечено-Ингушетия).— В кн.: Археология и вопросы социальной истории Северного Кавказа. Грозный, 1984.
- ²⁴⁹ Волкова Н. Г. Маджары.— КЭС, М. 1972, т. V.
- ²⁵⁰ Волкова Н. Г. Лакцы.— ВИ, 1975, № 2.
- ²⁵¹ Волобуев О. В. Художественно-исторический образ и познание прошлого.— В кн.: Проблемы истории общественной мысли и историографии. М., 1976.
- ²⁵² Гаврилов П. А. Устройство поземельного быта горских племен Северного Кавказа. ССКГ, 1869, в. II.
- ²⁵³ Гаглойти Ю. С. Этногенез осетин по данным письменных источников.— В кн.: Происхождение осетинского народа. Орджоникидзе, 1967.
- ²⁵⁴ Гаглоева З. Д., Ванеев З. Н. О народном творчестве как историческом источнике.— Изв. ЮОНИИ, 1980, в. XXV.
- ²⁵⁵ Гаглоева З. Д. Некоторые вопросы общественных отношений у осетин в прошлом в трудах В. И. Абаева.— Изв. ЮОНИИ, 1981, в. XXVII.
- ²⁵⁶ Гагкаев К. Е. Состав и функции осетинских личных имен.— Изв. СОНИИ, 1964, т. XXIV, в. I. Языкознание.
- ²⁵⁷ Гагудз Ходон. Калым.— Терские ведомости, 1899, № 32.
- ²⁵⁸ Гагудз Мзурон. Похищение невесты.— Терские ведомости, 1899, № 65.
- ²⁵⁹ Гаджиев В. Г. Вековая дружба братских народов.— В кн.: Из истории взаимоотношений Дагестана с Россией и с народами Кавказа. Махачкала, 1982.
- ²⁶⁰ Гадло А. В. Князь Инал адыго-кабардинских родословных.— В кн.: Из истории феодальной России. Л., 1978.
- ²⁶¹ Гадло А. В. Овсы и Овсети в «Жизнеописании Вахтанга Горгасала».— В кн.: Среднеазиатско-Кавказские чтения. Ноябрь. 1983. Л., 1983.
- ²⁶² Гадло А. В. Страна Ихран (Ирхан) дагестанской хроники «Дербентнаме».— В кн.: Вопросы археологии и этнографии Северной Осетии. Орджоникидзе, 1984.
- ²⁶³ Галоян Г. А. Исторические корни русской ориентации армянского на-

рода и прогрессивное значение присоединения Восточной Армении к России.— ВИ, 1978, № 9.

²⁶⁴ Гамрекели В. Н. К истории Грузии рубежа XIII—XIV вв.— В кн.: Мравалтави. Историко-филологические разыскания. Тбилиси, 1975, V.

²⁶⁵ Ган К. Ф. Опыт объяснения кавказских географических названий. СМОМПК, 1909, в. 40.

²⁶⁶ Гарданов В. К. Исторический очерк.— В кн.: Народы Кавказа. М., 1960, т. 1.

²⁶⁷ Гарданов В. К. Обычное право как источник для изучения социальных отношений у народов Северного Кавказа в XVIII — начале XIX в.— СЭ, 1960, № 5.

²⁶⁸ Гарданов В. К. Гостеприимство, куначество и патронат у адыгов (черкесов) в XVIII — первой половине XIX в.— СЭ, 1964, № 1.

²⁶⁹ Гибер Ж. — П. Как спасти фольклор.— Курьер ЮНЕСКО, 1985, № 5.

²⁷⁰ Главные сведения о горских племенах, на которые распространяется деятельность общества восстановления православного христианства на Кавказе.— Кавказ, 1868, № 46.

²⁷¹ Гогичаева Л. В. Осетинские мужские имена, заимствованные из русского языка.— В кн.: Ономастика Кавказа. Орджоникидзе, 1980.

²⁷² Головин А. А. Топографические и статистические заметки об Осетии.— Кавказский календарь на 1853 г. Тифлис, 1852 г.

²⁷³ Головинский А. Осетины.— Терские ведомости, 1870, № 48.

²⁷⁴ Грабовский Н. Ф. Свадьба в горских обществах Кабардинского округа.— ССКГ, 1869, в. II.

²⁷⁵ Гриценко Н. П., Хасбулатов А. И. Классы и классовая борьба в Чечено-Ингушетии в XI—XIX вв.— В кн.: Социальные отношения и классовая борьба в Чечено-Ингушетии в дореволюционный период (XI—нач. XX в.). Грозный, 1979.

²⁷⁶ Гуревич А. Я. Социальная психология и история. Источниковедческий аспект.— В кн.: Источниковедение. Теоретические и методические проблемы. М., 1969.

²⁷⁷ Гуриев Т. А. Эпическое имя как элемент историзма.— В кн.: Античные государства и варварский мир. Орджоникидзе, 1981.

²⁷⁸ Гуриев Т. А. Как рождается фамилия.— Социалистическая Осетия, 1983, № 210.

²⁷⁹ Гутнова Е. В. Основные этапы и типы антифеодальной борьбы крестьянства в Западной Европе периода развитого феодализма (XI—XV вв.).— В кн.: Проблемы социальной структуры и идеологии средневекового общества. Л., 1980, в. 3.

²⁸⁰ Д. А. К вопросу об узденстве в Осетии.— Казбек, 1901, № 986.

²⁸¹ Далгат Э. М. Социально-психологические аспекты антифеодальной борьбы дагестанского крестьянства в конце XIX в.— В кн.: Классовая борьба в дореволюционном Дагестане. Махачкала, 1983.

²⁸² Данилова Л. В. Природные и социальные факторы производительных сил на докапиталистических стадиях общественного развития.— В кн.: Об-

щество и природа. Исторические этапы и формы взаимодействия. М., 1981.

²⁸³ Д (жана швили) М. Из осетинской истории.— Новое обозрение, 1896, № 4076.

²⁸⁴ Дзагуров Д. А. Страничка из социально-экономической истории Дигории.— Изв. ОНИИК, 1925, в. I.

²⁸⁵ Дигорон. Станица Ново-Осетинская.— Казбек, 1901, № 997.

²⁸⁶ Дидебулидзе З. Ш. Из истории средневековой культуры народов Северного Кавказа.— В кн.: Грузино-северокавказские взаимоотношения. Тбилиси, 1981.

²⁸⁷ Дидебулидзе З. Ш. Хроника Леонтия Мровели как источник для изучения некоторых вопросов этногенеза северокавказских народов.— В кн.: Источниковедческие разыскания. 1979. Тбилиси, 1984.

²⁸⁸ Долуханов П. М. Истоки миграций.— В кн.: Проблемы археологии. Л., 1978, в. II.

²⁸⁹ Дьячков-Тарасов А. Н. Абадзехи.— Зап. ҚОИРГО, 1902, кн. XXII, в. 4

²⁹⁰ Еромян С. Т. Развитие городов и городской жизни в древней Армении.— ВДИ, 1953, № 3.

²⁹¹ Затейшвили С. Г. Сведения об аланах в «Хронографии» Феофана.— В кн.: Древнейшие государства на территории СССР. М., 1976.

²⁹² Зимин А. А. Трудные вопросы методики источниковедения древней Руси.— В кн.: Источниковедение. Теоретические и методические проблемы. М., 1969.

²⁹³ Зинин С. И. Из истории антропонимической терминологии.— В кн.: Антропонимика. М., 1970.

²⁹⁴ И. Д. К вопросу об уничтожении калыма в Осетии.— Терские ведомости, 1895, № 47.

²⁹⁵ Ибрагимбейли Х.—М. Россия и Северный Кавказ в XVI — первой половине XIX века в освещении современной буржуазной историографии.— ИСССР, 1982, № 2.

²⁹⁶ Иванов Г. М. К вопросу об образовании социально-экономических понятий.— Уч. Зап. Томского гос. ун-та, 1959, № 31, сер. Политэкономия, философия.

²⁹⁷ Инал-Ипа Ш. Д. К абхазо-осетинским этнокультурным связям.— В кн.: Происхождение осетинского народа. Орджоникидзе, 1967.

²⁹⁸ Исаева З. Г. Осетинские имена.— В кн.: Справочник личных имен народов РСФСР. 2-е изд. М., 1977.

²⁹⁹ К. К истории работорговли на Северном Кавказе.— Революция и горец, 1929, № 5.

³⁰⁰ Калоев Б. А. Этногенез и этническая история осетин в трудах В. И. Абаева.— В кн.: Поэтика жанра. Орджоникидзе, 1980.

³⁰¹ Калоев Б. А. Происхождение некоторых осетинских фамилий по народным преданиям.— В кн.: Полевые исследования института этнографии. 1979. М., 1983.

- ³⁰² Кануков И. Горцы-переселенцы.— ССКГ, 1876, в. IX.
- ³⁰³ Карачайлы И. Борьба против горских адатов — борьба за социализм.— Революция и горец, 1932, № 8—9.
- ³⁰⁴ Кербелите Б. П. Методика описания структур и смысла сказок и некоторые ее возможности.— В кн.; Типология и взаимосвязи фольклора народов СССР. М., 1980.
- ³⁰⁵ Кобрин В. Б. Генеалогия и антропонимия.— В кн.: История и генеалогия. М., 1977 г.
- ³⁰⁶ Кобычев В. П. Дигори-зад.— В кн.: Полевые исследования института этнографии. 1974. М., 1975.
- ³⁰⁷ Ковалевский М. М. Поземельные и сословные отношения у горцев Северного Кавказа.— РМ, 1883, № 12.
- ³⁰⁸ Ковалевский М. Некоторые архаические черты семейного и наследственного права осетин.— Юридический вестник, 1885, т. XIX, кн. 2 и 3, № 6—7.
- ³⁰⁹ Қо́злов В. И. К вопросу о роли демографического фактора в истории.— В кн.: Второй Всесоюзный семинар по исторической демографии. Тез. док. Рига, 1977.
- ³¹⁰ Козырева Т. З. Осетинская антропонимика древнего и средневекового периода.— В кн.: Ономастика Кавказа. Махачкала, 1976.
- ³¹¹ Қо́киев Г. А. Боевые башни и заградительные стены горной Осетии. — Изв. ЮОНИИК, 1935, в. II.
- ³¹² Қо́киев Г. А. Кабардино-осетинские отношения в XVIII веке.— ИЗ, 1938, т. 2.
- ³¹³ Қо́киев Г. А. Малокабардинские поселения в XVI—XVIII вв. на Северном Кавказе.— Уч. Зап. Каб. НИИ, 1947, т. II.
- ³¹⁴ Қо́киев Г. А. Осетины в начале XIX в. по наблюдениям путешественника Ю. Клапрота.— Изв. СОНИИ, 1948, т. XII.
- ³¹⁵ Колесницкий Н. Ф. К вопросу о раннеклассовых общественных структурах.— В кн.: Проблемы истории докапиталистических обществ. М., 1968, 1.
- ³¹⁶ Комаров А. В. Адаты и судопроизводство по ним.— ССКГ, 1868, в. I.
- ³¹⁷ Коростовцев М. А. Рабовладельческая формация в свете исторического материализма.— В кн.: Проблемы социально-экономических формаций. Историко-типологические исследования. М., 1975.
- ³¹⁸ Красницкий К. Кое-что об Осетинском округе и правах туземцев его.— Кавказ, 1865, № 31—33.
- ³¹⁹ Крупнов Е. И. Галиатский могильник как источник по истории аланов.— ВДИ, 1938, № 2 (3).
- ³²⁰ Крупнов Е. И. О походах скифов через Кавказ.— В кн.: Вопросы скифо-сарматской археологии. М., 1954.
- ³²¹ Крупнов Е. И. Проблема происхождения осетин по археологическим данным.— В кн.: Происхождение осетинского народа. Орджоникидзе, 1967.
- ³²² Куббель Л. Е. Потестарно-политическая культура докапиталистических обществ (к постановке проблемы).— СЭ, 1980, № 1.

- ³²³ Кузнецов В. А. К вопросу о позднеаланской культуре Северного Кавказа.— СА, 1959, № 2.
- ³²⁴ Кузнецов В. А. Аланские племена Северного Кавказа.— МИА. М., 1962, № 106.
- ³²⁵ Кузнецов В. А. Некоторые вопросы этногенеза осетин по данным средневековой археологии.— В кн.: Происхождение осетинского народа. Орджоникидзе, 1967.
- ³²⁶ Кузнецов В. А. Аланская культура Центрального Кавказа и ее локальные варианты в V—XIII вв.— МАДИСО. Орджоникидзе, 1975, т. III.
- ³²⁷ Кузнецов В. А. Археологические памятники на южной окраине г. Орджоникидзе.— В кн.: Вопросы осетинской археологии и этнографии. Орджоникидзе, 1980, в. I.
- ³²⁸ Кузнецов В. А. Катакомбный могильник близ г. Алагир.— В кн.: Вопросы осетинской археологии и этнографии. Орджоникидзе, 1980, в. I.
- ³²⁹ Кузнецов В. А. Актуальные вопросы истории средневекового зодчества Северного Кавказа.— В кн.: Северный Кавказ в древности и средние века. М., 1980.
- ³³⁰ Кузнецов В. А. Раскопки в Куртатинском ущелье.— Социалистическая Осетия, 1982, № 208.
- ³³¹ Кулаев Н. Х. Из осетинской лексики.— Изв. СОНИИ, 1968, т. XXVII.
- ³³² Кушева Е. Н. Политика русского государства на Северном Кавказе.— ИЗ, 1950, т. 34.
- ³³³ Кушева Е. Н. О некоторых особенностях генезиса феодализма у народов Северного Кавказа.— В кн.: Проблемы возникновения феодализма у народов СССР. М., 1969.
- ³³⁴ Лавров Л. И. Хазнидонские надписи.— Изв. СОНИИ, 1962, т. XXIII, в. I.
- ³³⁵ Лавров Л. И. К истории северокавказского фольклора (до XIX в.).— СЭ, 1979, № 1.
- ³³⁶ Лавров Л. И. Топонимические заметки.— КЭС. М., 1980, т. VII.
- ³³⁷ Лавров Л. И. Загадочные «Татцкие земли» на Центральном Кавказе в XVI в.— В кн.: Краткое содержание докл. Среднеазиатско-кавказских чтений. Л., 1981.
- ³³⁸ Лавров Л. И. Культура и быт народов Северного Кавказа в XIII—XVI веках.— В кн.: История, этнография и культура народов Северного Кавказа. Орджоникидзе, 1981.
- ³³⁹ Лпяхвели Г. Осетинские легенды.— Мцкемси, 1885, № 21 (на груз. яз.).— Перевод В. Цабаева: Архив СОНИИ, ф. 1, оп. 1, д. 5.
- ³⁴⁰ Лпяхвели Г. Алгузиани.— Дрозба, 1885, № 81 (на груз. яз.).— Перевод В. Цабаева: Архив СОНИИ, ф. 1, оп. 1, д. 5.
- ³⁴¹ Лиллов А. Очерки быта кавказских горцев.— СМОМПК, 1892, в. XIV.
- ³⁴² Линден В. Краткий исторический очерк общественно-политического и поземельного строя народностей, населяющих мусульманские районы Кавказского края.— Кавказский календарь на 1917 г. Тифлис, 1916.

³⁴³ Липец Р. С. «Завоеванная женщина» в тюрко-монгольском эпосе.— В кн.: Фольклор и историческая этнография. М. 1983.

³⁴⁴ Магомедов Д. М. Из истории экономических и политических взаимоотношений народов Западного Дагестана с Грузией.— В кн.: Из истории взаимоотношений Дагестана с Россией и с народами Кавказа. Махачкала, 1982.

³⁴⁵ Малинин Л. В. О свадебных платежах и о приданом у кавказских горцев.— Этнографическое обозрение, 1890, № 3.

³⁴⁶ Мамбетов Т. Х. К историографии кабардинского феодализма.— В кн.: Вопросы истории исторической науки Северного Кавказа и Дона. Грозный, 1982, в. 2.

³⁴⁷ Мамсуров А. Д. Осетинская историческая «песня про Есе Канукова из Донифарса». Изв. СОНИИ, 1966, т. XXVI (литература).

³⁴⁸ Мансуров Н. С. Кавдасарды Тагаурского общества.— Новое обозрение, 1892, № 2910.

³⁴⁹ Марковин В. И. Некоторые итоги археологических разведок в Северной Осетии.— МАДИСО. Орджоникидзе, 1969, т. II.

³⁵⁰ Маршаев Р. Г. Экономические связи народов Северного Кавказа с Россией в конце XVI — первой половине XVII вв.— В кн.: Проблемы социально-экономической истории феодальной России. М., 1984.

³⁵¹ Мейланова У. А. Новое в антропонимии дагестанских народов.— В кн.: Ономастика Кавказа. Махачкала, 1976.

³⁵² Мейман М. Н. Движение феодального способа производства.— ИЗ, 1953, т. 42.

³⁵³ Миканлов Қ. Ш. Аланский вклад в аварскую антропонию.— ИҚЯ, V.

³⁵⁴ Миллер В. Ф. В горах Осетии.— РМ, 1881, кн. IX.

³⁵⁵ Миллер Вс. и Ковалевский М. В горских обществах Кабарды.— ВЕ, 1884, № 4.

³⁵⁶ Нечаева Л. Г. О генетической связи аланской и осетинской культуры позднего средневековья.— МАДИСО. Орджоникидзе, 1975, т. III.

³⁵⁷ Никонов В. А. Личные имена кумыков и ногайцев сегодня.— В кн.: Ономастика Кавказа. Махачкала, 1976.

³⁵⁸ Никонов В. А. Типология славянской антропониимии.— В кн.: история, культура, этнография и фольклор славянских народов. М., 1983.

³⁵⁹ Новосельцев А. П. К истории аланских городов.— МАДИСО. Орджоникидзе, 1969, т. II.

³⁶⁰ Ониани Г. И. Эпитафия Нузальской церкви.— В кн.: Вопросы древнегрузинской литературы и рустовелилогии. Тбилиси, 1973, в. IV.

³⁶¹ Освобождение зависимых сословий во всех округах Терской области.— ССКГ, 1868, в. I.

³⁶² Осетины.— В кн.: Статьи из неофициальной части «Терских ведомостей». Владикавказ, 1870.

³⁶³ Павлов В. А. Типология генезиса капитализма в Азии и Африке. — В кн.: Проблемы социально-экономических формаций. Историко-типологические исследования. М., 1975.

- ³⁶⁴ Петров Л. Обычное право и закон на Кавказе.— Кавказский вестник, 1901, № 1.
- ³⁶⁵ Полянский Ф. Я. Феодальное воспроизводство.— Вестник МГУ. Сер. 6. Экономика. 1979, № 5.
- ³⁶⁶ Производительные силы как философская категория.— ВФ, 1981, № 9.
- ³⁶⁷ Пфаф В. Б. Материалы для истории Осетии.— ССКГ, 1870, 1871 в. IV, V.
- ³⁶⁸ Пфаф В. Б. Народное право осетин.— СССК, 1871, 1872, т. I, II.
- ³⁶⁹ Пфаф В. Б. Путешествие по ущельям Северной Осетии.— ССК, 1871, т. I.
- ³⁷⁰ Пчелина Е. Г. Крепость «Зильде-Машиг».— СЭ, 1934, № 3.
- ³⁷¹ Пчелина Е. Г. О местонахождении города Дедакова.— МИА, 1963, № 114.
- ³⁷² Размеры земельных владений у осетин.— Терские ведомости, 1891, № 4, 19.
- ³⁷³ Расторгуева В. С. Абаев В. И. и иранское языкознание.— В кн.:— Поэтика жанра. Орджоникидзе, 1980.
- ³⁷⁴ Рклицкий М. В. Главнейшие моменты в истории хозяйственного быта Северной Осетии и современная экономика области.— Изв. ОНИИК, 1926, в. II.
- ³⁷⁵ Ртвеладзе Э. В. О походе Тимура на Северный Кавказ.— АЭС. Грозный, 1976, т. IV.
- ³⁷⁶ С-в. Е. Крепостные в Кабарде и их освобождение.— ССКГ, 1868, в. 1.
- ³⁷⁷ Саидов П. А. К вопросу об антропонимии аварцев (по материалам андалальского диалекта).— В кн.: Ономастика Кавказа. Махачкала, 1976.
- ³⁷⁸ Салагаева З. М. Нузальская надпись «Нас было девять братьев».— В кн.: Проблемы литературы и эстетики. Орджоникидзе, 1976.
- ³⁷⁹ Саламов А. А. Из истории взаимоотношений чеченцев и ингушей с Россией и великим русским народом. (XVI—начало XX века).— Изв. ЧИНИИ, 1963 т. III, в. 1.
- ³⁸⁰ Сахаров А. М. Феодальная собственность на землю в Российском государстве XVI—XVII вв.— В кн.: Проблемы развития феодальной собственности на землю. М., 1979.
- ³⁸¹ Семенов Л. Археологические разыскания в Северной Осетии.— Изв. СОНИИ, 1948, т. XII.
- ³⁸² Семенов Л. П. Коста Хетагуров как этнограф.— Уч. Зап. СОГПИ, 1951, т. 18, в. II.
- ³⁸³ Семенов Ю. И. Первобытная коммуна и соседская крестьянская община.— В кн.: Становление классов и государства. М. 1976.
- ³⁸⁴ Семенов Ю. И. Эволюция экономики раннего первобытного общества.— В кн.: Исследования по общей этнографии. М., 1979.
- ³⁸⁵ Смирнова Я. С. Свадебный дарообмен у народов Северного Кавказа и современная модификация.— СЭ, 1980, № 1.
- ³⁸⁶ Соколова В. К. Об этнографических истоках сюжетов и образов народных преданий.— В кн.: Фольклор и этнография. Л., 1984.

³⁸⁷ Сосиев З. Станица Черная.— ТС, 1903, в. 5.

³⁸⁸ Суперанская А. В. Языковые и внеязыковые ассоциации собственных имен.— В кн.: Антропонимика. М., 1970.

³⁸⁹ Техов Б. В. Скифы и материальная культура Центрального Кавказа в VII—VI вв. до н. э.— В кн.: Скифия и Кавказ. Киев, 1980.

³⁹⁰ Техов Ф. Д. Происхождение этнонима Тагиата «Тагаурцы» в осетинском языке.— В кн.: Проблемы осетинского языкознания. Орджоникидзе, 1984, в. 1.

³⁹¹ Тогошвили Г. Д. Леонтий Мровели о происхождении осетинского народа.— В кн.: Происхождение осетинского народа. Орджоникидзе, 1967.

³⁹² Тогошвили Г. Д. Грузино-осетинские взаимоотношения накануне и в период присоединения Северной Осетии к России.— Изв. СОНИИ, 1976, т. XXXI, история.

³⁹³ Тогошвили Г. Д. Вопросы истории народов Северного Кавказа и их взаимоотношений с Грузией в грузинской советской историографии.— В кн.: Грузино-северокавказские взаимоотношения. Тбилиси, 1981.

³⁹⁴ Тогошвили Г. Д. Сослан Давид (к вопросу о его генеалогии).— Изв. ЮОНИИ. 1983, в. XXVI.

³⁹⁵ Тогошвили Г. Д. Вопросы истории народов Северного Кавказа в труде грузинского историка XVIII в. Вахушти Багратиони.— В кн.: Археологические разыскания. 1979. Тбилиси, 1984.

³⁹⁶ Толстова Л. С. Использование фольклора при изучении этногенеза и этнокультурных связей народов.— В кн.: Фольклор и историческая этнография. М., 1983.

³⁹⁷ Толстой В. С. Тагаурцы.— Вестник РГО, 1854, ч. 11.

³⁹⁸ Тотоев Ф. В. Развитие домашних промыслов и ремесла в Северной Осетии во второй половине XVIII — первой половине XIX века.— В кн.: История, этнография и культура народов Северного Кавказа. Орджоникидзе, 1981.

³⁹⁹ Тменов В. Х. Новые археологические памятники на территории Северной Осетии.— В кн.: Вопросы осетинской археологии и этнографии. Орджоникидзе, 1980, в. 1.

⁴⁰⁰ Тменов В. Х. Археологические и историко-архитектурные памятники селения Кора-Урсдон.— В кн.: XII Крупновские чтения. Тез. док. М., 1982.

⁴⁰¹ Тменов В. Х. Загадки скальных пещер.— Социалистическая Осетия, 1983, № 215.

⁴⁰² Туганов М. Материалы осетинского фольклора о Тимуре.— Мах дуг, 1952, № 2 (на осет. яз.).

⁴⁰³ Туккаев С. В горах Дигории.— Терские ведомости, 1889, № 90, 91, 93, 101.

⁴⁰⁴ Туманян Э. Г. Об армяно-аланских историко-лингвистических связях.— ИКЯ, V.

⁴⁰⁵ Турчанников Г. Ф. Трусовская осетинская серийско-несторпанская надпись первой половины XIV столетия.— Изв. СОНИИ, 1960, т. XXII, в. 1.

⁴⁰⁶ Уарзиати В. С. К исторической интерпретации осетинских преданий о Хетаге.— В кн.: Вопросы кавказской филологии и истории. Нальчик, 1982.

⁴⁰⁷ У а р з и а т и В. С. Дзвгисы дзуар.— В кн.: Вопросы археологии и этнографии Северной Осетии. Орджоникидзе, 1984.

⁴⁰⁸ У м а х а н о в М.-С. К. Взаимоотношения народов Дагестана и Закавказья в период борьбы с сефевидской агрессией в XVII веке.— В кн.: Из истории взаимоотношений Дагестана с Россией и с народами Кавказа. Махачкала, 1982.

⁴⁰⁹ Ф а р х и е в Р. Д. О последовательной смене общественно-экономических формаций и ее своеобразии в истории отдельных стран и народов.— В кн.: Диалектика общего и особенного в историческом процессе. М., 1978.

⁴¹⁰ Х а з а н о в А. М. Ф. Энгельс и некоторые проблемы классовобразования.— В кн.: Проблемы этнографии, антропологии в свете научного наследия Ф. Энгельса. М., 1972.

⁴¹¹ Х а з а н о в А. М. Разложение первобытнообщинного строя и возникновение классового общества.— В кн.: Первобытное общество. Основные проблемы развития. М., 1975.

⁴¹² Х а з а н о в А. М. Классообразование: факторы и механизмы.— В кн.: Исследования по общей этнографии. М., 1979.

⁴¹³ Х и з р и е в Х. А. Нашествие Тимура на Северный Кавказ и сражение на Тереке.— ВИ, 1982, № 4.

⁴¹⁴ Х у б е ц о в а З. Р. Некоторые осетинско-армянские языковые параллели.— ИКЯ, V.

⁴¹⁵ Ц в е т к о в а Н. Н. К этнической антропологии осетин.— В кн.: Античные государства и варварский мир. Орджоникидзе, 1981.

⁴¹⁶ Ц у л а я Г. В. О некоторых аланизмах в лексике мегрельского языка.— Изв. СОНИИ, 1968, т. XXVII.

⁴¹⁷ Ц у л а я Г. В. Отрок Шарукан — Атрака Шараганис-дзе. (К вопросу об антропониимическом источниковедении истории народов Кавказа).— КЭС. М., 1984, т. VIII.

⁴¹⁸ Ц х о в р е б о в а З. Социальный термин «армыдзыд».— Фидиуаг, 1965, № 7 (на осет. яз.).

⁴¹⁹ Ч е р е п н и н Л. В. Из истории формирования класса феодально-зависимого крестьянства на Руси.— ИЗ, 1956, т. 56.

⁴²⁰ Ч и к о в а н и Г. Д. Осетинский ныхас.— КЭС. Тбилиси, 1979, т. V, в. 2.

⁴²¹ Ч и к о в а н и М. Я. Идейно-эстетическая и нравственная функции классического фольклора.— В кн.: Поэтика жанра. Орджоникидзе, 1980.

⁴²² Ч у д и н о в В. Окончательное покорение Осетии.— КС, 1899, т. XIII.

⁴²³ Ч у р с и н Г. Ф. Этнография Кавказа. (Современное состояние и задачи).— Новый Восток, М., 1926, кн. XV.

⁴²⁴ Ш а в х е л и ш в и л и А. И. Из истории взаимоотношений Грузии и Чечено-Ингушетии (XVI — первая половина XIX вв.).— В кн.: Взаимоотношения народов Чечено-Ингушетии с Россией и народами Кавказа в XVI — начале XX вв. Грозный, 1981.

⁴²⁵ Шамхалы Тарковские.— ССКГ, 1868, в. I.

⁴²⁶ Ш а н а е в Д. Свадьба у северных осетин.— ССКГ, 1870, в. IV.

⁴²⁷ Ш а н а е в Д. Осетинские народные сказания.— ССКГ, 1870, в. III.

⁴²⁸ Шегрен А. Религиозные обряды осетин, ингушей и их соплеменников при разных случаях.— Кавказ, 1846, № 28.

⁴²⁹ Яновский А. Осетины.— В кн.: Обзорение Российских владений за Кавказом. Спб, 1836, ч. II.

Авторефераты. Рукописи

⁴³⁰ Алборов Б. А. Осетинские сословные названия.— Архив СОНИИ, ф. 19, (литер.), оп. 1, д. 61.

⁴³¹ Алборов Б. А. Осетинские имена собственные.— Архив СОНИИ, ф. 19, оп. 1, д. 23.

⁴³² Барсегян А. Очерк армяно-осетинских культурных связей.— Архив СОНИИ, ф. 1, оп. 1, д. 136.

⁴³³ Гадло А. В. Северный Кавказ в IV—X веках. (Проблемы этнической истории). М., 1984, Автореф. докт. дис.

⁴³⁴ Джанашвили М. История Осетии.— Архив СОНИИ, ф. 4, оп. 1, д. 71.

⁴³⁵ Едзиев У. Д. Происхождение и деятельность дигорских баделят.— Архив СОНИИ, ф. 1, оп. 1, д. 139.

⁴³⁶ Кайтуков М. Происхождение и эволюция осетинского кавдасардства.— Архив СОНИИ, ф. 16, оп. 1, д. 43.

⁴³⁷ Пчелина Е. Г. Местность Уаллагир и шесть колен рода Осибэгата.— Архив СОНИИ, ф. 6, оп. 1, д. 21.

⁴³⁸ Пчелина Е. Г. Нузальская часовня в Северной Осетии.— Архив СОНИИ, ф. 6, оп. 1, д. 10.

⁴³⁹ Тогошвили Г. Д. Взаимоотношения грузинского и осетинского народов в XV — начале XX вв. Тбилиси, 1971. Автореф. докт. дис.

⁴⁴⁰ Хизриев Х. А. Борьба народов Северного Кавказа с экспансией Тимура. Л., 1982. Автореф. канд. дис.

⁴⁴¹ Чочиев А. Р. Пережитки военно-демократического уклада в общественном быту осетин в прошлом. Тбилиси, 1979. Автореф. канд. дис.

Дополнительная литература

⁴⁴² Абаев В. И. Тюркские элементы в осетинской антропонимии.— В кн.: Теория и практика этимологических исследований. М., 1985.

⁴⁴³ Гадло А. В. Основные этапы и тенденции этносоциального развития этнических общностей Северного Кавказа в период раннего средневековья.— Вестник ЛГУ, 1936, в. 1.

⁴⁴⁴ Гамкрелидзе Т. В., Иванов В. В. Индоевропейский язык и индоевропейцы. Тбилиси, 1984, кн. I, II.

⁴⁴⁵ Григола К. О чем поведала «Картлис цховреба». Тбилиси, 1973.

⁴⁴⁶ Дзаттиаты Р. Г. Раннесредневековый могильник в селении Едыс (Южная Осетия).— СА, 1986, № 2.

⁴⁴⁷ Дзаттиаты Р. Г. К проблеме алан в Закавказье.— В кн.: XIV

«Крупновские чтения» по археологии Северного Кавказа. Тез. док. Орджоникидзе, 1986.

⁴⁴⁸ Исаева З. Г. Осетинская антропонимия. Личные имена. Орджоникидзе, 1986.

⁴⁴⁹ История и восхваление венценосцев. Пер., пред. и прим. К. С. Кекелидзе. Тбилиси, 1954.

⁴⁵⁰ Каплан А. Б. Некоторые вопросы изучения французской средневековой антропонимии. (Историография и методика).— В кн.: Европа в средние века. М., 1972.

⁴⁵¹ Кузнецов В. А. Нартский эпос и некоторые вопросы истории осетинского народа. Орджоникидзе, 1980.

⁴⁵² Кузнецов В. А. Алания и Грузия: две странички истории.— Литературная Осетия, 1986, № 68.

⁴⁵³ Летопись Картли. Пер., введ. и прим. Г. В. Цулая. Тбилиси, 1982.

⁴⁵⁴ Матиане Картлиса. Пер., введ. и прим. М. Д. Лордкипанидзе. Тбилиси, 1976.

⁴⁵⁵ Мельников-Разведенков С. Ф. Экскурсия на Цейский ледник.— СМОМПК, 1901, в. XXIX.

⁴⁵⁶ Мизиев И. М. Шаги к истокам этнической истории Центрального Кавказа. Нальчик, 1986.

⁴⁵⁷ Миклухо-Маклай Н. Д. Географическое сочинение XIII в. на персидском языке.— Уч. Зап. Ин-та востоковедения. М.-Л., 1954, т. IX.

⁴⁵⁸ Наглер А. О. Средневековое зодчество в трудах Л. П. Семенова.— В кн.: Л. П. Семенов — профессор-кавказовед, ученый-интернационалист. Тез. док. Грозный, 1986.

⁴⁵⁹ Пчелина Е. Г. Урсдонское ущелье в Северной Осетии.— Труды отд. ист. культуры и искусства гос. Эрмитажа. М., 1947, т. 4.

⁴⁶⁰ Список населенных мест Терской области.— Терский календарь на 1910 год. Владикавказ, 1910.

⁴⁶¹ Такайшвили Е. С. Археологические путешествия, разыскания и заметки.— СМОМПК, 1915, в. 44.

⁴⁶² Чистов К. В. Народные традиции и фольклор. Л., 1986.

⁴⁶³ Чочиев А. Р. Очерки истории социальной культуры осетин. Цхинвали, 1985.

СОДЕРЖАНИЕ

Введение	3
ИСТОЧНИКИ. МЕТОДИКА ФОЛЬКЛОРНОГО АНАЛИЗА	6
Раздел I	
ДРЕВНЕЙШИЙ ПЛАСТ ГЕНЕАЛОГИЧЕСКИХ ПРЕДАНИЙ ОСЕТИН	
1. Образ этнарха в фольклоре осетин	22
2. Ос-Багатар алагирских родословных: миф и реальность	35
Раздел II	
ПОЯВЛЕНИЕ РОДОСЛОВНЫХ —РЕЗУЛЬТАТ РАЗВИТИЯ СОЦИАЛЬНЫХ ОТНОШЕНИЙ	
1. Возникновение генеalogий феодалов Осетии	62
2. Становление домена по генеалогическим преданиям	77
3. Формирование зависимого населения в средневековой Осетии	95
Раздел III	
ИСТОРИЧЕСКИЕ РЕАЛИИ В НИЗШИХ ЗВЕНЬЯХ ГЕНЕАЛОГИЙ ОСЕТИН	
1. Северная Осетия в системе отношений народов Кавказа	111
2. Антропонимия Осетии XVII — сер. XIX в.в.	132
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	153
БИБЛИОГРАФИЯ	155

ФЕЛИКС ХАЗМУРЗАЕВИЧ ГУТНОВ

ГЕНЕАЛОГИЧЕСКИЕ ПРЕДАНИЯ ОСЕТИН КАК ИСТОРИЧЕСКИЙ ИСТОЧНИК

Редактор Э. Х. Дзугаева. Художник З. С. Рубаева. Художественный редактор У. К. Кануков. Технический редактор А. В. Ядыкина. Корректор Б. А. Толпарова.

ИБ № 1912

Сдано в набор 22.10.88. Подписано к печати 23.03.89. Формат бумаги 60х84¹/₁₆. Бум. тип. № 1. Гарн. шрифта литературная. Печать высокая. Усл. печ. л. 10,23. Усл. кр.-отт. 10,40.

Учетно-изд. листов 11,71. Тираж 2000 экз. Заказ № 520. Цена 95 коп.

Издательство «Ир» Государственного комитета Северо-Осетинской АССР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли, 362040, г. Орджоникидзе, проспект Мира, 25.

Книжная типография Государственного комитета Северо-Осетинской АССР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли, 362011, г. Орджоникидзе, ул. Тельмана, 16.